Р1
II20062Р
К49

Клячев И. И. (конт)
Сибирь

пол
Р1
К49

И. И. Климовъ [Каинъ].

4499/э

СИБИРЬ.

ИЗДАНІЕ
Е. И. Коноваловой.

1120062 р (42)
ТЮМЕНСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА

МОСКВА.
Типо-литографія И. Я. Полякова. Бол. Семеновская ул.,
Барабанный пер., соб. домъ.
1903.

Дозволено цензурою. Москва, 11 сентября 1902 г.

Жилъ былъ нѣкогда остякъ Габай и имѣлъ жену Хэть.

Жили они себѣ, поживали и дожили до того, что у нихъ ѣсть было нечего.

Случается это, господа честные, сплошь и рядомъ у нашей братіи остяковъ. Дивиться тутъ нечему.

Габай и Хэть, поголодавши изрядно, пошли въ одно русское селеніе и окрестились.

. . . . . .

. . . . . .

Благочестивый русскій купчина Степанъ Ивановичъ Живодеровъ навѣсилъ на шеи Габая и Хэть по мѣдному крестику, оболокъ Габая въ холщевую рубаху съ косымъ воротомъ, въ посконные порты и шаровары. Шаровары эти хотя доходили едва до колѣнъ, но за то были плисовые... Далъ Габаю кунгурскіе сапоги на мѣдныхъ штифтикахъ съ мѣдными подковками... Шибко эти сапоги понравились Габаю своимъ видомъ, но они оказались до того тѣсными, что Габай только разъ надѣлъ ихъ, стащить же ихъ съ ногъ удалось ему съ величайшимъ трудомъ.

Другой разъ онъ не рѣшался ихъ надѣвать и подарилъ ихъ своей Хэть, у которой ноги были довольно маленькія. Къ сапогамъ Живодеровъ прибавилъ овчинный тулупъ и шапку. Тулупъ этотъ достался Живодерову по наслѣдству отъ его родимаго батюшки, служившаго подносчикомъ въ одномъ изъ Березовскихъ кабаковъ и давно уже превратился въ кожанъ [1]). Но Габай принялъ ихъ съ благоговѣніемъ, съ какимъ остяки вообще принимаютъ подарки отъ русскихъ, будь это чарка вина или щелчокъ по носу.

Шапка же, если вѣрить божбѣ Живодерова, была настоящая бобровая. Но ни одинъ изъ звѣропромышленниковъ не въ состояніи былъ опредѣлить съ точностію, какого лѣшаго была на ней шкурка...

Благочестивая супруга Живодерова, Матрена Пудовна, кромѣ холщевой рубашки и дабинной юбки, надѣлила Хэть старымъ поношеннымъ платьемъ своей меньшей дочери, то ли полушелковымъ, то ли полугаруснымъ, и красной шалью. Хоть шаль эта была совершенно ветхая, съ множествомъ прорѣхъ, тѣмъ не менѣе Хэть очень ей обрадовалась и, кутаясь въ нее, воображала себя такой важной персоной, какой себя не воображала и самоѣдская княгиня Худина [2]), одѣваясь въ расшитый золотомъ

---

[1]) Кожаномъ называется шуба или доха, изъ которой шерсть совсѣмъ вылѣзла.

[2]) Самоѣдскій старшина (князь) Таимпуда Худинъ, первый изъ самоѣдовъ принялъ христіанство въ 1854 году. Воспріемниками его были Великій Князь Николай Николаевичъ и Великая Княгиня Марія Николаевна. Расшитый золотомъ кафтанъ былъ Высочайше пожалованъ сыну его, Андрею Худину, принявшему христіанство въ 1866 году.

и серебромъ сарафанъ. Хотѣла Матрена Пудовна надѣлить свою крестницу и козловыми ботинками, но узнавши, что Габай снабдилъ уже жену негодными ему сапогами, спрятала ботинки обратно въ ящикъ.—„Сгодятся-де для другой дуры“,—подумала себѣ Матрена Пудовна.

. . . . . .

И сталъ нашъ остячина изъ Габая Ѳедоромъ Степановичемъ, а Хэть преобразилась въ Марію Степановну. Но для насъ пускай они остаются Габаемъ и Хэть, потому-что они хотя и приняли святое крещеніе, но не переставали поклоняться своимъ лонхамъ (остяцкіе идолы) и иногда, при житейской неудачѣ, дули ихъ жестоко прутьями, разумѣется, предварительно набожно перекрестясь...

Крестный батюшка Живодеровъ обязалъ своего крестника Габая клятвой не только на словахъ, но даже на бумагѣ, и не на простой бумагѣ, а съ орломъ, представлять ему, Живодерову, каждую зиму весь свой промысловой добытокъ, ничего изъ онаго не утаивая, за что онъ, Живодеровъ, брался вносить за Габая ясакъ, снабжать его порохомъ и свинцомъ и кормить его ржаной мукой, разумѣется въ такой мѣрѣ, чтобы только Габай со своею Хэть не могли съ голоду пропасть...

Такъ прошло четыре года.

Габай усердно промышлялъ на своего крестнаго батюшку, который поставилъ ему въ счетъ всѣ подарки, данные при крещеніи не только имъ, но и Матреной Пудовной, начиная съ мѣдныхъ крестиковъ и кончая шапкой неизвѣстнаго звѣря и красной шалью съ прорѣхами.

На пятый годъ Габаю на промыслѣ не повезло, и самъ онъ жестоко захворалъ... Объѣлся, должно быть муки, которою надѣлилъ его крестный батюшка. Мука эта, дѣй-

ствительно, попахивала такъ, что отъ нея чертямъ даже становилось тошно. Посылалъ Габай свою Хэть къ своимъ сосѣдямъ, богатымъ остякамъ некрещенымъ и крещенымъ, испрашивая хоть небольшой панеширикъ настоящей муки, но некрещеные совѣтовали ему обратиться къ крещенымъ или къ Живодерову, а крещеные клялись всѣми святыми, что у нихъ нѣтъ ни горсточки, хотя у всѣхъ ихъ имѣлись изрядные запасы. Можетъ быть, Габай съ Хэть дотянули бы кое-какъ до зимы и на протухшей мукѣ, еслибы проклятые черви не превратили ее въ такую грязь, что имъ самимъ выжать изъ нея было уже нечего, и сами они, наконецъ, околѣли съ голоду.

И нашло на больного и голодающаго Габая неизглаголанное бѣшенство. Катался онъ по полу, рвалъ на себѣ волосы и разражался проклятіями не только на крещеныхъ и некрещеныхъ остяковъ, но и на весь родъ человѣческій. — „Звѣри и тѣ не оставляютъ другъ друга умирать съ голоду, дѣлятся добычей, какая она ни есть,—вопилъ онъ отчаяннымъ голосомъ, — а эти люди, эти чудовища считаютъ себя выше звѣрей... О, будьте вы прокляты отнынѣ и навѣки отъ меня!“

Но такъ какъ проклятія не могутъ никого накормить, то Хэть, скрѣпя сердце, отправилась къ Живодерову.

Самому же Габаю не хватило духу къ нему итти, такъ какъ онъ зналъ, какого удостоится пріема, приходя съ пустыми руками. Совѣстливъ былъ бѣдный остячина, какъ и вся его братія.

Приползла кое-какъ Хэть къ крестному батюшкѣ, разсказала со слезами свое горе и нужду и просила спасти мужа и ее отъ голодной смерти. Но Живодеровъ, узнавъ, что Габай лежитъ больной и ничего ему не напромыслилъ,

замахалъ руками, затопалъ ногами и прогналъ въ шею бѣдную Хэть.

— Знать и вѣдать ничего не хочу!—закричалъ онъ ей въ слѣдъ. — Хоть души свои запродайте чорту, а мнѣ чтобы были и соболи, и лисицы, и бѣлки и куницы, все какъ допрежь представлялось. На то у меня бумага съ орломъ есть.

Охъ, эта бумага съ орломъ! Она въ глазахъ нашего простяка-остяка представляется страшнѣе чорта съ десятью рогами!..

Матрена Пудовна была, впрочемъ, немного милостивѣе своего мужа. Она потихоньку сунула Хэть небольшую ковригу хлѣба, испеченнаго для цѣпныхъ собакъ, сторожившихъ туго набитые амбары Живодерова. Хлѣбъ этотъ все-таки былъ испеченъ изъ лучшей муки, чѣмъ та, которою благочестивый крестный батюшка довольствовалъ Габая и всѣхъ своихъ другихъ крестниковъ. Хэть, какъ ни была голодна, а чуть не цѣлую коврижку принесла мужу.

Что тутъ дѣлать?.. Приходилось Габаю и Хэть положить, какъ говорится, зубы на полку и смиренно ожидать появленія госпожи голодной смерти. А эта госпожа голодная смерть уже протиснулась въ ихъ чумъ, жадно заглядывала то одному, то другому въ глаза и шамкала себѣ подъ носъ; „скоро ли этимъ проклятымъ настанетъ капутъ?“

Но капутъ *„проклятые“* оттягивали со дня на день, съ часу на часъ. У Габая было 19 бѣличьихъ шкурокъ—весь его добытокъ въ этомъ году. Раздѣлилъ онъ ихъ съ Хэть пополамъ, но лишнюю шкурку утаилъ передъ женою для себя. Русскіе говорятъ: своя рубашка ближе къ тѣлу,

ну и остяки не прочь полагать тоже. Жевали они эти шкурки по половинкѣ въ день. Но голодъ все-таки шибко имъ досаждалъ. Только водою облегчали они немного свои мученія. Габай могъ еще кое-да-какъ двигаться на ногахъ, но бѣдняжка Хэть слегла и не поднималась. У Габая начала уже бродить въ башкѣ ужасная мысль, что близится тотъ часъ, когда ему придется снять зубы съ полки и запустить ихъ въ тѣло своей милой Хэть, такъ какъ жевать было уже нечего [3]).

И Хэть лежала ни жива, ни мертва, а какая-то сонная; ничего она не говорила, ни на что не жаловалась и только тяжело вздыхала и потихоньку стонала... Наконецъ, и стонать перестала.

— Кончилась!—сказалъ самъ себѣ Габай, сидя передъ

---

[3]) Случаи людоѣдства у остяковъ были не рѣдки. Само-собою разумѣется, причиною ихъ было сильное голоданіе, хотя нѣкій сибирскій врачъ, въ сочиненіи своемъ объ инородцахъ, желая оправдать индиферентность общества къ бѣдственному положенію инородцевъ не постыдился измыслить (horribile dictu!) какую-то невѣдомую болѣзнь—„жажду человѣческой крови“, которою будто одержимы инородцы. Одинъ изъ подобныхъ случаевъ имѣлъ мѣсто лѣтъ десять тому назадъ. Въ ноябрѣ 1884 года, въ тундрахъ Туруханскаго края, въ верховьяхъ рѣки Таза, при устьѣ рѣчки Печеликъ, ясачный остякъ Прокопій Колинъ, 25 лѣтъ, выбившись изъ силъ въ борьбѣ съ мучительнымъ ощущеніемъ голоданія, ударомъ ножа окончилъ жизнь своей 11-лѣтней родной сестры Маріи, и вмѣстѣ съ братомъ своимъ, 15-лѣтнимъ мальчикомъ Никитою, питался нѣсколько дней этимъ трупомъ. Сперва они ѣли мясо и внутренности, потомъ обгладывали кости и, наконецъ, съѣли мозгъ. Преступленіе это обнаружилось черезъ личное заявленіе Прокопія Колина своему родовому старостѣ. Енисейскій губернскій судъ приговорилъ Прокопія Колина въ каторжныя работы на $13^1/_2$ лѣтъ и представилъ дѣло въ Правительствующій Сенатъ. Рѣшеніе Сената автору неизвѣстно.

очагомъ. — Скоро и мой конецъ настанетъ... Ахъ, я забылъ... Есть гдѣ то у меня еще бѣличья шкурка, да надолго ли ее хватитъ?.. Пожалуй, день другой дотяну какънибудь, а тамъ въ брюхѣ защемитъ пуще прежняго... Какъ ни жаль мнѣ моей бѣдной Хэть, а придется за нее приниматься. Вѣдь она того не почувствуетъ... Иные остяки съ голоду убиваютъ живыхъ женъ или сестеръ и съѣдаютъ ихъ, я же полакомлюсь уже умершей, а мертвый, говорятъ, все равно, что безчувственное дерево... Хорошо!.. Что же дальше будетъ?.. Одинъ и тотъ же конецъ—голодъ. Не все ли равно и такъ умереть... Кто знаетъ, можетъ быть Хэть почувствуетъ, какъ я стану ее грызть и это сдѣлается ей больнѣе и мучительнѣе, чѣмъ голодъ... Охъ, охъ! хоть бы поскорѣе смерть пришла...

Но прежде чѣмъ умереть, Габаю приходилось изрядно помучиться, и мученія его дошли до такой степени, что онъ не въ силахъ былъ больше сдерживаться, схватилъ ножъ и хотѣлъ поразить самого себя прямо въ сердце. И сдѣлалъ бы это непремѣнно, если бы ему не помѣшала одна изъ прежнихъ мыслей, что мертвая Хэть ничего не почувствуетъ и не станетъ его упрекать за то, что онъ полакомится ея бездушнымъ тѣломъ...

Габай, съ ножемъ въ рукѣ, подошелъ къ лежащей неподвижно, спиною къ нему, Хэть, и остановился, какъ вкопанный; остановился потому, что не зналъ, съ чего начать свою страшную трапезу... Но Хэть вдругъ зашевелилась и повернулась къ Габаю лицомъ, словно предчувствовала участь, которая готовилась ей.

Габай испугался, отступилъ, и ножъ выпалъ изъ его руки...

— Послушай, милый мой мужъ, что я тебѣ скажу,—

проговорила Хэть едва слышнымъ голосомъ...—Когда мнѣ случалось бывать въ русскихъ юртахъ (селеніяхъ), я часто слыхала тамъ сказки про русскаго куля (чорта)... Шибко онъ тароватый, даетъ человѣку все, о чемъ тотъ попроситъ... Но русскіе его всегда надуваютъ, и надуваютъ не какіе-нибудь умники-разумники, а самые простые дурачки, какіе-то Иванушки... Вотъ я, милый мой, о мукахъ моихъ забыла, лежала и думала, думала о томъ: не обратиться ли и тебѣ къ русскому кулю?.. Ты могъ бы ему сказать, что ты честный остякъ, и онъ тебѣ далъ бы многое множество всего, чего бы ты ни пожелалъ. Для меня ничего уже не надо... Я чувствую, что скоро помру; но мнѣ тебя жалко... Живи себѣ, мой милый, сердечный, и будь счастливъ...

— Я и самъ слыхалъ у русскихъ много такихъ сказокъ про ихняго куля,—отвѣчалъ Габай.—Да не знаю, гдѣ его найти можно.

— Сказываютъ,—отозвалась Хэть,—что надо выйти на такое мѣсто, гдѣ двѣ русскія дороги пересѣкаются, дождаться тамъ полуночи и позвать его. Онъ непремѣнно явится, только не надо пугаться. Ты не испугаешься, милый?

— Чего уже тутъ пугаться, коли смерть на носу. Но какъ его позвать?—спросилъ Габай.—Это вѣдь надо сдѣлать умѣючи.

— Мнѣ кажется, что тутъ надо только просто закричать: „Господинъ русскій куль, пожалуйте на бесѣду...“ А то можешь его и повеличать, какъ заставляютъ величать себя русскіе начальники.

— Знаю я нѣсколько этихъ величаній ихнихъ,—замѣтилъ Габай.—Крѣпче молитвы ихъ затвердилъ. Но русскій

куль даромъ ничего не дастъ. Онъ потребуетъ за это душу.

— А что въ этой душѣ,—перебила Габая Хэть, —коли жизнь становится не вмоготу и одно только мученіе, какъ у насъ съ тобою?.. Я бы не то одну, а сто душъ, если бы ихъ имѣла, отдала за одинъ годъ жизни въ роскоши, довольствѣ и пріятствѣ... Вѣдь мы съ тобою, мой милый, всю нашу жизнь промаялись въ нуждѣ и горѣ... Я думаю, что душѣ у куля, какъ бы онъ тамъ на ней ни ѣздилъ, какъ бы онъ ее ни мучилъ, все-таки не будетъ хуже, чѣмъ было въ нашей жизни, чѣмъ теперь.

Подумалъ Габай и говоритъ:

— Правду ты сказала, умница моя Хэть. Будь что будетъ, а я воспользуюсь твоимъ совѣтомъ. Попытаю счастья у русскаго куля. Только не знаю, доплетусь ли я до русскихъ дорогъ... Онѣ вѣдь не близко...

— Можетъ быть дотащишься, — произнесла радостно Хэть.—Собирайся же поскорѣе, а то и ты помрешь.

Габай наскоро собралъ свои лыжи. Отыскалъ онъ и утаенную отъ жены бѣлку и сунулъ Хэть въ руки. Хэть съ жадностію ухватилась было за бѣлку, но тотчасъ же протянула ее Габаю назадъ.

— Мнѣ уже ничего не надо, мой милый,—сказала она со вздохомъ,—а тебѣ предстоитъ дальній путь. Побереги ее себѣ на дорогу... Только поставь около меня большой туесъ съ водицей...

Но Габай не захотѣлъ взять обратно бѣлку. Долго у него происходилъ споръ съ женою. Кончилось тѣмъ, что онъ откусилъ только головку, для подкрѣпленія силъ, а остальную часть всучилъ-таки въ руки Хэть. Натаскалъ онъ въ чумъ побольше дровъ, чтобы Хэть не замерзла,

уложилъ ее поближе къ очагу и дровамъ, поставилъ около нея большой туесъ съ водою и отправился въ путь-дорогу разыскивать русскаго куля. Онъ почувствовалъ себя такимъ бодрымъ молодцомъ, какимъ ещё не бывалъ, и мысль о томъ, что авось перемѣнится горькая его судьба, заставила позабыть даже голодъ.

Шелъ онъ, шелъ безустали, и на другой день къ вечеру добрался до русскихъ дорогъ. Тамъ увидалъ онъ большой перекрестокъ, свалился около него и, поглядывая на звѣзды, сталъ дожидаться полуночи.

Не за долго до полуночи онъ услышалъ сзади себя въ воздухѣ нѣкій особенный шумъ. Обернулся и увидѣлъ: летятъ навстрѣчу одинъ другому по воздуху два славные самоѣдскіе шамана, давнымъ-давно умершіе. Одинъ изъ этихъ шамановъ, когда былъ еще въ живыхъ, укралъ было съ неба солнце красное и заставилъ людей коченѣть отъ страшной стужи. Но потомъ смиловался и поставилъ солнце на прежнее мѣсто [4]).

Другой шаманъ, когда былъ тоже въ живыхъ, снялъ было съ неба мѣсяцъ ясный и звѣзды и заставилъ людей пребывать по ночамъ въ непроглядной тьмѣ. Но потомъ смиловался и пустилъ мѣсяцъ опять разгуливать по небу вмѣстѣ со звѣздами [5]).

Шаманы сошлись въ воздухѣ какъ разъ надъ Габаемъ, поздоровались другъ съ другомъ, передали одинъ другому разныя новости съ того свѣта, и одинъ изъ нихъ, тотъ, который пряталъ мѣсяцъ и звѣзды, посмотрѣвъ внизъ, спросилъ Габая.

---

[4]) Самоѣдская сказка.

[5]) Такая же сказка.

— Кого ты тутъ ожидаешь, хазово? [6]).

— Никого я не ожидаю,—говоритъ Габай.—Я шибко усталъ, мочи не хватаетъ итти дальше.

Шаманы пошептались между собою.

— Давно ли ты сталъ врать, хазово? — спросилъ Габая тотъ же шаманъ.

Габай молчитъ.

Опять шаманы пошептались между собою, и опять тотъ же шаманъ говоритъ уже громко другому.

— Онъ сталъ врать съ тѣхъ поръ, какъ утаилъ передъ любящею его женою лишнюю бѣлку.

— А мнѣ кажется, — говоритъ другой шаманъ, — что этотъ хазово началъ врать съ тѣхъ поръ, какъ изъ Габая превратился въ Ѳедора Степанова. Это, обыкновенно, случается съ остяками.

Тутъ оба шамана громко захохотали.

Наконецъ, оба въ одинъ голосъ загалдѣли.

— Мы, хазово, знаемъ кого ты ждешь, знаемъ, знаемъ. Ты ждешь русскаго куля. Онъ скоро явится къ тебѣ. Только ты, хазово, смотри не обожгись, не обожгись!...

Шаманы захохотали еще громче и разлетѣлись по воздуху въ разныя стороны.

Стыдно и жутко сдѣлалось Габаю, но горе и голодъ не свой братъ. Утѣшился онъ мало-мало тѣмъ, что не напрасно сюда притащился и что къ нему все-таки заявится русскій куль. Вѣдь шаманамъ, и въ добавокъ еще умершимъ, все должно быть извѣстно.

Тутъ подулъ вѣтеръ и сталъ раздуваться все болѣе и болѣе. Черезъ нѣсколько минутъ онъ ужь не дулъ, а

---

[6]) Человѣче, (самоѣдск.).

гудѣлъ, взвизгивалъ, взвывалъ и, чортъ знаетъ, какія выдѣлывалъ штуки. Габаю никогда еще въ жизни не доводилось слышать такого шального вѣтра.

— Этакъ, пожалуй, не услышитъ меня и русскій куль,—подумалъ Габай,—когда я стану его звать. Ишь, ночь какая свѣтлая, прекрасная, мѣсяцъ полный свѣтитъ, а звѣздъ-то, звѣздъ!.. Ихъ, я думаю, никто не могъ бы и сосчитать. А этотъ подлечище воетъ себѣ словно голодный чартаха [7]) и знать ничего не хочетъ. Словно взбѣсился... Что тутъ дѣлать? что тутъ дѣлать?...

Дѣлать Габаю было нечего; слѣдовало ему одно лишь: приподняться на ноги и начать вызывать русскаго чорта, потому что полночь уже наступила.

Приподнялся Габай на ноги, собрался съ духомъ и закричалъ, что было въ немъ силы:

— Ваша милость, господинъ русскій чортъ! Покорно васъ прошу пожаловать ко мнѣ на бесѣду!...

Вѣтру, должно быть, показались интересными слова Габая, потому-что онъ началъ униматься и сталъ будто прислушиваться.

Звѣзды что-то засуетились, начали словно толкать одна другую подъ бока, нѣкоторыя изъ нихъ исчезли. А мѣсяцъ будто испугался, взялъ да и прикрылъ себя до половины тучею. Подождалъ маленько Габай и снова закричалъ:

— Ваше благородіе, господинъ русскій чортъ! Покорнѣйше прошу васъ пожаловать ко мнѣ на бесѣду!

Тутъ звѣзды начали удирать одна за другой, что было духу. Осталось ихъ десятокъ или два, должно быть изъ

---

[7]) Волкъ.

тѣхъ, что были похрабрѣе. Мѣсяцъ совсѣмъ почти закутался въ тучу и оставилъ только маленькій краешекъ, едва замѣтный, которымъ зорко посматривалъ на землю. Вѣтеръ пересталъ завывать и только тяжело сопѣлъ.

Подождалъ Габай еще маленько и снова закричалъ:

— Ваше высокоблагородіе, господинъ русскій чортъ! Всепокорнѣйше прошу васъ пожаловать ко мнѣ на бесѣду!..

Тутъ и звѣздъ, и мѣсяца и вѣтра словно не бывало. Настала на землѣ тишина, ничѣмъ не возмущаемая, и разлилась по землѣ темень, даже волчьимъ глазомъ непроницаемая. Впрочемъ, это продолжалось недолго. Внезапно вся окрестность освѣтилась словно сорнитутомъ [8]), и вѣтеръ снова взбѣленился, даже пуще прежняго. Но мѣсяцъ и звѣзды не показывали больше носа. И страшно, уфъ! какъ страшно сдѣлалось Габаю! Какъ слабъ онъ ни былъ, какъ ни желалъ бесѣды съ господиномъ русскимъ чортомъ, а бросился со всѣхъ ногъ бѣжать по дорогѣ. И лыжи свои бѣдняга растерялъ.

Габай бѣжитъ, не бѣжитъ, а, просто, летитъ, и чудится ему, что сзади его, мчится какая-то нарта, и слышитъ онъ явственно, что полозья нарты скрипятъ по снѣгу все ближе и ближе. А Габай все бѣжитъ и бѣжалъ бы онъ до сихъ поръ, если бы ему не подкосилъ колѣни престрашный голосъ, настоящій громъ небесный.

— Стой, подлецъ! Куда бѣжать вздумалъ?—раздалось сзади Габая.—Потревожилъ меня, а самъ на-утекъ. Стой, негодяй, а то я надъ тобой сдѣлаю смѣхъ и горе.

Габай присѣлъ на корточки. Сидитъ онъ ни живой,

---

[8]) Сѣвернымъ сіяніемъ.

ни мертвый, дрожитъ какъ осиновый листъ, зубы у него защелкали, какъ у чартахи, попавшаго въ ловушку и увидѣвшаго подходящаго къ нему промышленника съ рогатиною, волосы поднялись дыбомъ и шапка свалилась съ головы. Оглянулся онъ и видитъ: мчится большая нарта, запряженная тремя черными оленями, а изъ ноздрей, изъ губъ и глазъ этихъ оленей пышетъ пламя, какъ изъ трубы... Изъ-подъ копытъ, изъ-подъ полозьевъ сыплются искры, какъ изъ огнива. По обоимъ бокамъ нарты бѣжитъ по шести маленькихъ кулей съ рожками и хвостиками, дуютъ, сердечные, съ холоду въ кулачки— знать, не по нутру имъ сибирскій морозецъ, а все-таки не отстаютъ отъ нарты. Въ нартѣ развалился *„нѣкто“* въ высокомъ красномъ колпакѣ на головѣ, съ огненнымъ перомъ на верхушкѣ колпака и въ красномъ кафтанѣ, расшитомъ огненными *позументами*. Въ рукахъ у него хорей [9]), но не деревянный, а изъ раскаленнаго желѣза.

Остановилась нарта передъ носомъ Габая, вышелъ изъ нея этотъ *„нѣкто“*, подошелъ къ Габаю и потрепалъ его по плечу.

— Здорово, миленькій!—говоритъ *„нѣкто“* Габаю.

— Здравіе желаю ваша... милость... ваше благородіе... ваше высокоблагородіе, — пробормоталъ Габай заплетающимся со страха языкомъ... Не знаю, какъ васъ звать и величать. Извините, пожалуйста, не обидьтесь!

— Зовутъ меня—русскій чортъ, а для меня все равно, какъ бы себѣ тамъ меня ни величали,—отвѣчалъ *„нѣкто“*. Что, миленькій мой, чай шибко меня испугался?

---

[9]) Деревянный шестъ, которымъ понуждаютъ оленей, запряженныхъ въ нарты.

1120062

— Есть же малая толика, — прошепталъ Габай, чуть дыша.

— Не бойся,—говоритъ чортъ.—Я не такъ страшенъ, какимъ меня малюютъ.

— Слышалъ я эту поговорку... отъ самихъ русскихъ слышалъ.

— Слышалъ?.. А теперь можешь воочію убѣдиться. Ты звалъ меня?

— Звалъ.

— Ну, вотъ я и явился на твой зовъ... Сядемъ-ка и побесѣдуемъ... Эй вы, слуги мои вѣрные! Разстелите-ка намъ тутъ полазъ [10]), расшитый шелками и бисеромъ. Живѣе!

Слуги вѣрные—эти маленькіе кули съ рожками и хвостиками, мигомъ притащили изъ нарты полазъ расшитый шелками и бисиромъ, разостлали его на снѣгу; русскій чортъ усѣлся на немъ и посадилъ рядомъ съ собою Габая.

— Ну, сказывай, миленькій, что тебѣ отъ меня понадобилось. Сказывай смѣлѣе,— началъ чортъ, ласково поглядывая на Габая.

— Я пришелъ продать тебѣ свою душу,—началъ Габай, кое-какъ ободрившись.—Жилъ я бѣдно, шибко бѣдно, тутъ понадѣялся какъ-нибудь перемѣнить свою судьбу и крестился.

— Но попалъ изъ огня въ полымя? Не такъ ли, миленькій?—перебилъ Габая чортъ.

— Должно быть такъ,—отвѣчалъ Габай. — Степанъ Ивановичъ Живодеровъ, крестный мой батюшка, просто

---

[10]) Коверъ.

ТЮМЕНСКАЯ ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА

замучилъ меня. Каждый годъ забираетъ весь мой промысловой добытокъ и держитъ меня впроголодь. Кажись, я поплачиваюсь мало-мало, а долгъ на мнѣ не уменьшается, все растетъ и растетъ. За что я тружусь, самъ не могу въ толкъ взять себѣ. Крестный Живодеровъ увѣряетъ меня, что я тружусь за спасеніе моей души... Мучился я, мучился, наконецъ сказалъ себѣ: ну ее къ чорту эту душу, лишь бы пожить хоть годикъ или два въ полное свое удовольствіе... Вотъ я и порѣшилъ продать или заложить тебѣ мою душу. За этимъ-то я тебя и позвалъ.

— Слыхалъ я про этого Степку Живодерова, — отозвался чортъ. — Такимъ, какъ онъ, молодцамъ, хорошее мѣстечко у меня уготовано. Но ты хорошее дѣло сдѣлалъ, что обратился ко мнѣ. Лучшаго ты ничего придумать не могъ. Что же ты, миленькій, хочешь слупить съ меня за свою душеньку?

— Ты мнѣ перво-на-перво скажи,—отвѣчалъ Габай,— что ты можешь дать за нее, а потомъ объясни, что станешь дѣлать съ нею, когда я тебѣ ее отдамъ? Для меня это не безъинтересно.

— Я тебѣ могу доставить различныя пріятства въ жизни, — говоритъ чортъ. — Будешь сладко ѣсть, сладко пить, будешь въ серебрѣ и золотѣ ходить; не только простые люди, но и ваши начальники будутъ вилять хвостиками передъ тобою, какъ эти маленькіе кули передо мною. А потомъ, когда кончится опредѣленный срокъ, ты долженъ будешь явиться съ повинной ко мнѣ, и я распоряжусь съ твоей душою, какъ обыкновенно распоряжаюсь съ другими душами, что волей или неволей ко мнѣ попадаютъ.

— Какъ же ты съ ними распоряжаешься? — полюбопытствовалъ Габай.

— У меня, миленькій, вотъ каковъ порядокъ,—началъ объяснять чортъ.—Всѣ души, которыя ко мнѣ вольно или невольно попадаютъ, жарятся въ огнѣ,—геенной огонь этотъ называется,—жарятся день и ночь, но не сгораютъ, а мои молодчики—вотъ такіе, какъ эти, съ рожками и хвостиками, то-и-дѣло подбавляютъ въ огонь смолы и сѣры.

— Значитъ, это правда,—прервалъ чорта Габай,—что я видѣлъ на картинѣ въ одной русской церкви. Тамъ твои ребятушки съ рожками и хвостиками важно обрабатываютъ христіанскія души.

— Охулки на руку не положатъ, въ этомъ, я ручаюсь,—съ гордостію произнесъ чортъ.—Хочешь, я покажу тебѣ впередъ, что ожидаетъ твою душу.

— О, нѣтъ, нѣтъ!—закричалъ Габай.—Будетъ съ меня, довольно и того, что я видѣлъ на картинѣ.

— Я, миленькій, ничего не скрываю, — продолжалъ чортъ,—дѣйствую на чистоту, безъ обмана, не такъ, какъ дѣлаютъ благонравные купчики, превознося до небесъ свой гнилой товаръ. Товаръ у меня лицомъ передъ каждымъ, хочешь—покупай, не хочешь—проваливай... Русскіе твердятъ: чортъ обманщикъ, архиплутъ, протобестія. Врутъ они. Сами они тысячу разъ хитрѣе, безсовѣстнѣе меня. Сколько разъ они, подлецы, меня надували, а все-таки я не перестаю являться на помощь каждому, кто ко мнѣ обратится. Изъ-за барышей совѣсти своей я не потерялъ.

— Въ самомъ дѣлѣ,—подумалъ Габай,—этотъ русскій чортъ премилый господинъ... Никакой въ немъ облыжности не замѣтно. Онъ взаболь дѣйствуетъ на чистоту. Другой на его мѣстѣ всячески расхваливалъ бы свой адъ, а

онъ хотѣлъ даже его впередъ мнѣ показать: — накось, полюбуйся, что тебя тамъ ожидаетъ.

— О чемъ задумался?—спросилъ чортъ, немного помолчавъ.

— Я все думаю о томъ, чего бы мнѣ взять у тебя за мою душу,—отвѣчалъ Габай, тоже помолчавъ немного.

— Я тебѣ уже сказалъ, что все могу дать... У тебя, миленькій, есть жена, дѣти?

— Дѣтей у меня нѣтъ,—сказалъ со вздохомъ Габай, да оно и лучше... Есть жена... Она, бѣдняжка, если еще не умерла, то того гляди умретъ. Шибко ослабѣла съ голоду... еле дышетъ... Я и самъ уже много сутокъ крошки хлѣба не имѣлъ во рту.

— Я могу сдѣлать то,—перебилъ Габая чортъ,—что у тебя хлѣбъ никогда не будетъ переводиться, пока живъ будешь. Жри сколько хочешь, всего не переѣшь.

— Хорошо было бы это, шибко хорошо, — радостно воскликнулъ Габай.

— Эй вы, слуги мои вѣрные!—гаркнулъ чортъ.—Тащите-ка изъ нартъ маленькій панеширикъ, расшитый разноцвѣтными шелками!

Слуги вѣрные, эти маленькіе кули съ рожками и хвостиками, притащили изъ нартъ крошечный панеширикъ, не болѣе рукавицы, расшитый разноцвѣтными шелками, и чортъ, подавая его Габаю, сказалъ:

— Вотъ тутъ столько хлѣба, что ты можешь имъ накормить все остяцкое и самоѣдское племя, и юрацкое на придачу.

— Неужели русскій чортъ хочетъ меня принадуть, — подумалъ Габай, недовѣрчиво поглядывая на этотъ крошечный панеширикъ.

— Ты не смѣешься ли надо мною, почтеннѣйшій?— обратился онъ къ чорту.

— Не думаю, миленькій, — возразилъ чортъ. — На-ко, потряси этотъ панеширикъ и потряси надъ полою своей малицы.

Габай началъ трясти панеширикъ надъ полою своей малицы и изъ него въ полминуты насыпалась изрядная куча муки. Попробовалъ Габай эту муку—просто чудо: и не затхлая, и не горькая, и на зубахъ не трещитъ—чистый сахаръ. Поглоталъ онъ немного ея и ему сдѣлалось легко на животѣ, на сердцѣ и на душѣ.

— Куда же ее мнѣ дѣвать?—спросилъ Габай чорта, глядя на кучу муки. — Не унести же мнѣ ее въ полѣ малицы.

— Проговори только шопотомъ: „мука моего владыки назадъ въ панеширикъ аля маширъ!“ и мука исчезнетъ.

Проговорилъ Габай: „мука моего владыки назадъ въ панеширикъ аля маширъ“, и муки какъ не бывало.

— Чудная штука твой панеширикъ,—обратился Габай къ чорту.

— Хорошая штука,—отозвался съ важностію чортъ.— Изъ этого панеширика постоянно можетъ сыпаться преотличная мучка. Сколько хочешь, столько насыплешь, хоть гору.

— И долго это можетъ продолжаться?

— Пятьдесятъ лѣтъ.

— А потомъ?

— Потомъ самъ можешь догадаться, что должно послѣдовать.

— Что же?—думаетъ себѣ Габай, — пятьдесятъ лѣтъ быть сытымъ, не голодать такъ, какъ я голодалъ всю

жизнь—да это такое счастье, какого, я полагаю, не испыталъ ни одинъ еще остякъ.

— Ну, такъ ты рѣшаешься, миленькій? — спросилъ Габая чортъ.—Согласенъ ли ты отдать свою душу за этотъ панеширикъ?

— Согласенъ, согласенъ,—живо отвѣчалъ Габай. Но... вотъ что, почтеннѣйшій! нельзя ли тебѣ прибавить еще и такой кисетикъ, въ которомъ сколько ни кури, никогда не переводился бы табачекъ. Безъ табачку остяку какъ-то скучновато живется.

— И кисетикъ такой могу тебѣ предоставить,—произнесъ съ видимой охотой чортъ. Уважу, уважу друга сердечнаго... Я и самъ подчасъ табачкомъ побаловываюсь... Эй, мои слуги вѣрные! тащите-ка изъ нарты кисетикъ расшитый цвѣтнымъ бисеромъ.

Слуги вѣрные притащили изъ нарты кисетикъ разукрашенный цвѣтнымъ бисеромъ. Чортъ подалъ его Габаю. Тотъ запустилъ въ него руку, вынулъ щепоть табачку, набилъ имъ свою трубочку, закурилъ, затянулся и почувствовалъ себя шибко хорошо.

— Каковъ, миленькій, табачекъ?—спросилъ чортъ.

— Преотличный.

— Такого табачку, я полагаю, и самъ вашъ господинъ исправникъ не покуриваетъ. Но вотъ что я долженъ тебѣ сказать, миленькій... За хлѣбный панеширикъ и за табачный кисетикъ уже не пятьдесятъ лѣтъ ты будешь блаженствовать, а только двадцать пять.

— Что же?—подумалъ Габай,—и двадцать пять лѣтъ не бездѣлица.

— Согласенъ ли, миленькій?

— Согласенъ, не для чего и спрашивать.

— Пользуйся же на доброе здоровье и панеширикомъ, и кисетикомъ, миленькій. Значитъ, дѣло у насъ сладилось.

Чортъ потрепалъ Габая по плечу, но Габай ударилъ себя въ лобъ.

— Какой же я дуракъ,—подумалъ онъ.—Чтобы мнѣ вмѣсто табачнаго кисетика попросить такой туесокъ, въ которомъ всегда водилось бы русское винцо. Пей сколько хочешь, а оно не убывало бы. Безъ винца нашему брату остяку и жизнь не въ жизнь. А табачекъ можно было бы вымѣнивать на винцо. Вѣдь русскіе торговцы вымѣниваютъ на него у насъ и соболей, и лисицъ, и бѣлокъ, и куницъ, однимъ словомъ—все. Дуракъ же я, большой дуракъ... Стоитъ мнѣ за это самому себѣ побить морду...

— О чемъ ты задумался, миленькій?—спросилъ Габая чортъ, немного помолчавъ.

— Я думаю о томъ,—отвѣчалъ Габай, тоже помолчавъ немного,—что не мѣшало бы имѣть и такой туесокъ, въ которомъ водилось бы русское винцо и не убывало.

— Что же?—отозвался чортъ.—Я дамъ тебѣ и такой туесокъ, который всегда будетъ полонъ винцомъ и сколько бы ты ни пилъ, его не убудетъ. Эй, мои слуги вѣрные! Тащите-ка изъ нарты туесокъ, разукрашенный цвѣтной слюдой.

Слуги вѣрные мигомъ притащили туесокъ, разукрашенный разноцвѣтной слюдой, не больше такого, съ какимъ остяцкія дѣвочки бѣгаютъ въ боръ за черникой. Чортъ приподнялъ крышку и подалъ туесокъ Габаю.

— Хлебни-ка, миленькій.

Габай хлебнулъ; оказалась преотличная штука, вовсе не похожая на ту, которую березовцы, обдоряне и распроклятые зыряне развозятъ по остяцкимъ юртамъ, то—от-

вратительная брандахлыстина, настойка изъ табаку, перцу и разной гадости, а это—такая прелесть, какой Габай еще отъ роду не пивалъ.

— А дорого ли ты поставишь мнѣ этотъ туесокъ?—спросилъ торопливо Габай чорта.

— Вмѣстѣ съ хлѣбнымъ панеширикомъ и табачнымъ кисетикомъ, срокъ жизни твоей долженъ продолжаться десять лѣтъ.

— Немного же.

— Что дѣлать, миленькій! Такова у меня *таксія*, измѣнить ее нельзя.

— Что же?—подумалъ Габай.—И десять лѣтъ недурно. Будешь эти десять лѣтъ постоянно, какъ русскіе говорятъ, и сытъ, и пьянъ, и носъ въ табакѣ. Я бы всю прежнюю мою жизнь отдалъ за одинъ годъ такого развеселаго житья.

— Можетъ быть еще чего-либо пожелаешь, миленькій?—спросилъ чортъ, улыбаясь.—Говори смѣло, не стѣсняйся. Я для тебя ничего не пожалѣю; ты, миленькій, мнѣ шибко приглянулся.

— И ты мнѣ шибко приглянулся,—отвѣчалъ Габай.—Не хорошо только то, что ты за каждымъ своимъ подаркомъ уменьшаешь мнѣ жизнь.

— Что дѣлать, миленькій! Такова у меня *таксія*, измѣнить ее никоимъ образомъ нельзя.

— Ну, такъ вотъ что,—выпалилъ рѣшительно Габай.—Дай ты мнѣ еще такой кошелекъ, изъ котораго неистощимо сыпались бы серебряныя и золотыя монеты. Имѣется ли у тебя такой кошелекъ?

— У меня, миленькій, все имѣется. Эй вы, слуги мои вѣрные, тащите-ка изъ нарты лосиный кошелекъ, расшитый серебромъ и золотомъ.

Слуги вѣрные мигомъ притащили лосиный кошелекъ расшитый серебромъ и золотомъ, величиною съ ладонь. Чортъ взялъ его, началъ трясти и передъ Габаемъ выросли двѣ огромныя кучи: одна серебряныхъ, а другая золотыхъ монетъ.

— Загребай, миленькій!

— Куда мнѣ ихъ дѣвать? Не утащить мнѣ ихъ съ собою.

— Бери кошелекъ. Проговори только: „серебряныя или золотыя монеты моего владыки назадъ въ кошелекъ аля маширъ!“—и ихъ не станетъ.

Взялъ Габай въ руки кошелекъ, обратился сначала къ кучѣ серебряныхъ монетъ, проговорилъ: „серебряныя монеты моего владыки назадъ въ кошелекъ аля маширъ!“— и серебряныя монеты мигомъ исчезли, лишь въ кошелькѣ маленько позвякало. Обратился потомъ Габай къ кучѣ золотыхъ монетъ, проговоривъ: „золотыя монеты моего владыки назадъ въ кошелекъ аля маширъ!“ — и золотыя монеты мигомъ исчезли, только въ кошелькѣ маленько позвякало.

— Какія, право, чудесныя всѣ твои штучки, — обратился Габай къ чорту,—и этотъ хлѣбный панеширикъ, и табачный кисетикъ, и винный туесокъ, и этотъ кошелекъ. Чудеса, право!

— Чудеса такія, миленькій, — отозвался самодовольно чортъ, — какія еще не снились и никогда не приснятся ни одному московскому философу и даже всѣмъ имъ вмѣстѣ.

— А на сколько, за всѣ эти чудеса, можетъ продолжиться моя жизнь?—спросилъ Габай.

— Будешь жить и пользоваться всѣми этими чудесами только пять лѣтъ,—отвѣчалъ чортъ.

— Маловато же.

— Что дѣлать, миленькій. Такова у меня таксія. Но я сдѣлаю для тебя большое снисхожденіе. Слушай, миленькій. Послѣ пяти лѣтъ ты можешь представить мнѣ человѣка, который пожелалъ бы продать мнѣ свою душу, и я за каждаго твоего охотника въ адъ, буду тебѣ дѣлать по одному году отсрочки. Согласенъ?

— Какой милый господинъ этотъ русскій чортъ!—подумалъ Габай.—Да я ему не то одного, а цѣлую тысячу охотниковъ представлю... Какой дуракъ откажется отъ такихъ чудесныхъ штучекъ, въ особенности отъ этого кошелька, расшитаго серебромъ и золотомъ, изъ котораго натрясешь столько серебряныхъ или золотыхъ монетъ, сколько пожелаешь.

Однако Габай скорчилъ такую рожицу, что можно было подумать, будто его мало радуетъ неожиданная льгота. Онъ думалъ, что чортъ, глядя на его рожу, подаритъ его еще новой льготой, но чортъ поигрывалъ пушистымъ кончикомъ своего хвоста и потихоньку посвистывалъ. Наконецъ, говоритъ Габаю:

— Не желаешь ли еще чего-либо, миленькій? Говори, не стѣсняйся.

— Чего же больше я могу пожелать, коли и то, что я имѣю отъ тебя, дѣлаетъ меня и сытымъ, и пьянымъ, и богатымъ.

— Ну-съ, такъ сдѣлаемъ запись на твою душеньку, миленькій!

— Хорошо, хорошо, только я грамотѣ не умѣю.

— Ничего это не значитъ, миленькій; ты разрѣжь себѣ

мизинецъ правой руки и своей кровью начерти какой-либо знакъ на этомъ кусочкѣ бычьей кожицы. Это и будетъ твоя запись.

Габай тотчасъ же разрѣзалъ себѣ мизинецъ правой руки и намазалъ на кускѣ кожицы кровью нѣчто, похожее на... не знаю какъ назвать эту штуку... Чортъ посмотрѣлъ и захохоталъ. Потомъ говоритъ:

— Куда ни шло, миленькій, лишь бы было намазано твоей кровью.

— Ахъ! забылъ я еще кое-о-чемъ попросить тебя,— пролепеталъ Габай. — Ну, да теперь уже, можетъ быть, поздно.

— Что такое?—спросилъ чортъ.—Говори, ни сколько не поздно, чего еще желаешь?

— Видишь ли ты,—началъ Габай, запинаясь,—я человѣкъ простой, несмышленый, по-просту сказать—дуракъ, болванъ... Вотъ мнѣ желалось бы, что-бы ты надѣлилъ меня еще хоть небольшою щепоточкой ума... Мнѣ кажется, при капиталѣ это необходимо.

Чортъ усмѣхнулся, затѣмъ потрепалъ дружески Габая по плечу и говоритъ:

— Эхъ, миленькій, ты самъ не знаешь, о чемъ просишь. Вѣдь я далъ тебѣ кошелекъ, изъ котораго постоянно будутъ, по желанію твоему, сыпаться деньги, сколько ихъ хочешь. А въ Сибири съ деньгами самый послѣдній дуракъ, болванъ уходитъ за такого мудреца, у котораго во лбу семь пядей или ума палата. Ты теперь богаче всѣхъ, значитъ будешь считаться и умнѣе всѣхъ. Деньги сами рождаютъ умъ.

И Габай повѣрилъ словамъ чорта.

— Обойдусь съ деньгами, значитъ, и безъ ума, — по-

думалъ онъ. — Это хорошо, шибко хорошо. А я этого до сихъ поръ не зналъ.

— Ну, прощай, миленькій,—произнесъ, наконецъ, чортъ и пожалъ руку Габаю.

Габаю показалось, что рука его попала въ раскаленныя желѣзныя клещи. Бѣдняга чуть не вскрикнулъ и живо отдернулъ руку.

— Желаю тебѣ наслаждаться всѣми благами земными,—продолжалъ чортъ.—Не забывай пятилѣтняго срока. Ровно черезъ пять лѣтъ въ полночь являйся сюда или одинъ, или тащи съ собою охотника.

— Не забуду, постараюсь. Какъ тутъ не постараться!

— Я пожалуй довезу тебя до твоего чума,—сказалъ чортъ, усаживаясь въ нарту.

— Сдѣлай одолженіе. А то я отъ твоего табачку, да винца, да отъ великой моей радости, совсѣмъ ошалѣлъ.

— Садись же, миленькій.

И не успѣлъ Габай поудобнѣе усѣсться въ нартѣ, какъ уже очутился около своего чума. Исчезла нарта, исчезли черные олени, исчезли маленькіе кули и исчезъ самъ чортъ, только въ воздухѣ послышалось не то свистъ, не то шипѣніе, не то хохотъ, не то стонъ. Впрочемъ, изъ этой белиберды все-таки вышло: „до свиданія, миленькій!..“

Габай подошелъ тихонько къ чуму. Онъ остановился передъ входомъ и началъ прислушиваться. Сердце у него сильно билось. Хотѣлось ему поскорѣе узнать, жива ли Хэть.

— Если жива,—подумалъ онъ,—то-то обрадуется! Ну, а если умерла, такъ не зачѣмъ много тужить. Я теперь *„при капиталѣ“* могу такую красотку подтибрить себѣ, что любо-дорого будетъ смотрѣть.

Габай, началъ уже *„при капиталѣ“*, по предсказанію чорта, мало-мало умнѣть.

Однако, ему все-таки было жаль свою Хэть, и ему не хотѣлось, чтобы она умерла.

Постоявъ немного, онъ раскрылъ входъ въ чумъ и вошелъ. На очагѣ теплился огонекъ. Значитъ, жива еще та рука, которая его поддерживала. Хэть, дѣйствительно, оказалась еще живой. Жирная бѣличья шкурка ей сослужила службу. Габай помѣшалъ головешки на очагѣ, подбросилъ свѣжихъ сучьевъ, и въ чумѣ сдѣлалось свѣтло. Онъ подсѣлъ къ очагу около Хэть. Та открыла глаза и узнала мужа.

— Жива ты, милая?—спросилъ онъ Хэть.

— Какъ видишь! — отвѣчала она едва слышнымъ голосомъ. – Я уже думала, что насталъ мой конецъ, закрыла глаза и ждала смерти. Ахъ, зачѣмъ ты помѣшалъ мнѣ умереть, мнѣ такъ хорошо было!

— Не умрешь, не умрешь, моя дорогая. Будемъ жить. И на нашей улицѣ будетъ праздникъ, какъ говорятъ русскіе.

— Неужели ты видѣлся съ русскимъ кулемъ?

— Имѣлъ это счастіе. Премилый баринъ этотъ русскій куль, такой премилый, что не знаю, какъ тебѣ и разсказать.

— Что же? Надѣлилъ онъ тебя чѣмъ-либо?

— Всѣмъ, всѣмъ, о чемъ я его ни просилъ.

— Ну, и ладно, живи теперь себѣ, мой милый, а мнѣ уже ничего не надо; я чувствую, что умираю, и мнѣ отрадно умереть, когда я увѣрена, что ты будешь счастливъ.

— Нѣтъ, ты не умрешь, ты должна жить и дѣлить

со мною счастіе, какъ дѣлила нужду и горе!—закричалъ Габай. Тутъ онъ взялъ похолодѣвшую руку жены, насыпалъ на ладонь ея изъ панеширика, расшитаго разноцвѣтнымъ шелкомъ, немножко муки.

— Покушай это, милая,—сказалъ онъ.

Хэть начала ее слизывать съ ладони языкомъ. Габай подсыпалъ еще муки, она и ту слизала и потомъ попросила воды. Габай напоилъ ее и, немного погодя, налилъ въ ложку изъ туеска, разукрашеннаго цвѣтной слюдой, русскаго винца и подалъ Хэть.

— Что это такое?—спросила она.

— Не спрашивай, а пей. Потомъ узнаешь. Хлебнула Хэть изъ ложки и хотя поперхнулась и раскашлялась, но помутившіеся глазки ея засверкали, какъ звѣздочки.

— Ахъ, какая хорошая штука!—проговорила она, оправившись.—Дай-ка еще ложечку... Ужели взаболь буду я еще жить? Скажи-ка мнѣ, милый мой!

— Должна жить. Почто теперь умирать, коли какимъ-то чудомъ до сихъ поръ не пришлось намъ околѣть, — отозвался Габай.

Тутъ онъ отыскалъ гдѣ то въ чумѣ трубочку Хэть, набилъ ее табачкомъ изъ кисетика, разукрашеннаго цвѣтнымъ бисеромъ, закурилъ ее и подалъ Хэть. Затянулась она разъ, затянулась другой, затянулась третій и, почитай, совсѣмъ ожила. Приподнялъ ее Габай, усадилъ около себя, и она, обнявши его, говоритъ:

— Съ меня какъ будто тяжесть какая-то свалилась, я словно только что народилась... Ну, разсказывай же, милый, разсказывай все, что съ тобою приключилось.

И Габай разсказалъ Хэть все, что съ нимъ приключилось. Забылъ только упомянуть о томъ, какъ умершій

самоѣдскій шаманъ попрекнулъ ему бѣлкой, которую онъ утаилъ передъ женою.

Затѣмъ онъ насыпалъ изъ лосинаго кошелька, расшитаго серебромъ и золотомъ, двѣ огромныя кучи, — одну серебряныхъ монетъ, а другую золотыхъ. Долго онъ съ Хэть перебиралъ тѣ и другія, долго играли они монетами, какъ маленькія дѣти, и не знали, что съ ними дѣлать, куда ихъ упрятать. Наконецъ, Хэть заставила Габая подать ея яшинобшико [11]) и наполнила его до верху серебряными монетами. Золотыя же монеты, по повелѣнію Габая сдѣлали *„аля маширъ“* обратно въ кошелекъ, и тамъ позвякали. Звукъ этотъ чрезвычайно понравился Хэть. Она еще отродясь не слышала такого чуднаго звука. Габай, по ея просьбѣ, нѣсколько разъ то насыпалъ изъ кошелька кучу золотыхъ монетъ, то отправлялъ ихъ обратно въ кошелекъ, и монеты, словно желая угодить Хэть, звякали все звонче и восхитительнѣе...

Изъ панеширика, расшитаго цвѣтнымъ шелкомъ, Габай набилъ мукою небольшой чуманъ [12]). Хэть, уже совсѣмъ пріободрившись, напекла на скорую руку лепешекъ и заварила бурдукъ [13]), и хотя этотъ бурдукъ приготовленъ былъ на простой водицѣ, натаянной изъ снѣгу, но онъ, съ голодовки, показался Габаю и Хэть слаще меду.

Покушали маленько, подвыпили, накурились до одурѣнія и завалились спать на мягкомъ тагарѣ [14]), служившемъ имъ постелью.

---

[11]) Женскій рабочій ящикъ.

[12]) Круглый кузовъ изъ бересты.

[13]) Бурдукъ—мучная похлебка, приготовляемая обыкновенно на водѣ, въ которой варилось мясо.

[14]) Рогожка, сплетеная изъ травы. Она можетъ замѣнить даже матрасъ.

Проснулись уже вечеромъ.

Въ это время подъѣхала къ ихъ чуму на оленяхъ нарта, и изъ нея вышелъ родовой старшина. Онъ слышалъ, что въ этомъ чумѣ голодаютъ, и ему захотѣлось узнать, живы ли еще голодающіе. Голодающіе не только оказались живыми, но еще поподчивали его степенство преотличнымъ винцомъ. Габай попросилъ старшину довезти его до ближайшихъ юртъ. Тотъ, видя, что Габай намѣревается взять съ собою туесокъ, разукрашенный цвѣтною слюдой, готовъ былъ везти его хоть на край свѣта.

Хэть не хотѣла отпускать Габая, боясь, что онъ въ юртахъ запьянствуетъ, но онъ обѣщалъ ей скоро возвратиться. И дѣйствительно, онъ возвратился утромъ и привезъ съ собою изрядный запасъ рыбныхъ кишокъ и брюшковъ для *„варки“* [15]), привезъ и *максы* [16]), и *юрюку* [17]), и *поземи* [18]). Въ заключеніе всего раздобылся онъ и свѣжей оленьей печенкой. Все это онъ вымѣнялъ на винцо изъ туеска, разукрашеннаго цвѣтной слюдой... Винцомъ заподрядилъ онъ и остяка привезти его изъ юртъ домой.

Теперь у Габая съ Хэть начался настоящій пиръ.

Пировали они себѣ день, пировали другой, пировали третій, забывъ обо всемъ свѣтѣ и только на четвертый день кое-какъ очухались и стали подумывать о дѣлахъ, о будущемъ.

---

[15]) Этотъ родъ пищи приготовляется обыкновенно изъ рыбьихъ кишокъ и брюшковъ и составляетъ лакомство не только у остяковъ, но и у крестьянъ Березовскаго края.

[16]) Печень всякой рыбы. Въ сыромъ видѣ она тоже лакомство, особенно печень щуки или налима.

[17]) Мелкая сушеная на солнцѣ рыбица, съ вынутыми внутренностями и обрѣзанными брюшкомъ и головкой.

[18]) Сушеная крупная рыба—нельма, муксунъ или щука.

Первою заговорила Хэть.

— Скоро заявится къ намъ нашъ крестный батюшка Степанъ Ѳедоровичъ Живодеровъ,—сказала она Габаю.—Вѣдь, онъ всегда въ это время, передъ сборомъ ясака, шатается по юртамъ, какъ волкъ, и обираетъ нашихъ остячковъ.

— Плевать на него я хочу!—отозвался Габай и плюнулъ на полъ.

— Конечно, милый мой,—продолжала Хэть,—намъ теперь съ тобою тужить нечего... У насъ имѣются монеты. Ахъ! онѣ такія хорошенькія, что мнѣ право жалко ихъ отдавать, но что же дѣлать! Надо же какъ-нибудь съ Живодеровымъ разсчитаться, очиститься отъ долга, а то онъ все будетъ ѣздить на нашей шеѣ, все будетъ посчитывать какіе-то проценты... Только монеты могутъ насъ съ нимъ развязать.

— О, монеты,—воскликнулъ Габай,—штука хорошая, пречудесная штука... Ими можно всѣмъ этимъ крестнымъ батюшкамъ носъ утереть.

— А ты знаешь ли счетъ въ нихъ, милый мой?

— Хотя ихъ у меня перебывало меньше одной, однако я имъ счетъ преотличный сдѣлаю.

— То то, не ошибись, милый.

— Если и ошибусь—небольшая бѣда.

На другой день послѣ сытнаго обѣда и изрядной выпивки, Габай расположился отдыхать и поманилъ къ себѣ на постель Хэть. Та улыбнулась, махнула рукой и зачѣмъ-то вышла изъ чума, но скоро впопыхахъ прибѣжала назадъ.

— Вставый, милый! — шепнула она Габаю.—Кажется, къ намъ ѣдетъ нашъ крестный батюшка.

— Я тебѣ сказалъ вчера: наплевать мнѣ на него, и теперь говорю то же;—отвѣчалъ Габай и повернулся на бокъ.

Крестный батюшка дѣйствительно подъѣхалъ къ чуму Габая. Сойдя съ нарты, онъ прежде всего заглянулъ въ амбарушку. Пусто! Покачалъ онъ головою, заскрежеталъ зубами, пробормоталъ извѣстное всему свѣту скверное русское словцо и ввалился въ чумъ.

— Здорово, сынокъ и дочка! — проговорилъ онъ гнусавымъ своимъ голосомъ, обтерѣвъ закуржавѣвшіе [19]) усы и бороду. Живы ли вы?

— Живемъ,—отвѣчалъ сквозь зубы Габай, не поднимаясь съ наръ.

— Ну и слава Богу, коли живы... Но что же ты, тварь этакая, не встаешь и не кланяешься въ ноги своему крестному?—обратился онъ къ Габаю. Степанъ Живодеровъ, по сибирскому обычаю, заставлялъ всѣхъ своихъ крестниковъ кланяться ему въ ноги.

— Лежать хочу,—отозвался смѣло Габай,—вотъ и полеживаю себѣ и буду лежать сколько похочется.

Видитъ Живодеровъ, что нѣчто *„необнаковенное стряслось“* надъ его крестникомъ, засопѣлъ и сталъ разболокаться. Разболокся, подсѣлъ къ очагу, потянулъ ромцу изъ дорожной фляжки, висѣвшей у него черезъ плечо, крякнулъ и обратился къ Габаю.

— Почто ты по сю пору не приходилъ ко мнѣ, сынокъ?

— Полѣнился, — отвѣчалъ Габай, приподнявшись немного съ тагара и облокотясь на руку. Вмѣсто себя я посылалъ къ тебѣ жену, но ты прогналъ ее.

— Лѣнь—плохое дѣло, сынокъ. Грѣшное дѣло... Впро-

---

[19]) Заиндивѣвшіе.

чемъ, можетъ быть, ты столько напромышлялъ, что и не вмоготу было тебѣ тащиться ко мнѣ.

— Такъ точно, угадалъ ты, батюшка: тащить совсѣмъ нельзя было.

— Ну, такъ поднимайся съ наръ и хвастай своимъ добыткомъ.

Габай медленно поднялся и слѣзъ съ наръ. Затѣмъ набилъ трубочку табачкомъ изъ кисетика, разукрашеннаго цвѣтнымъ бисеромъ, и подошедши къ очагу, взялъ уголекъ для закурки. Живодеровъ отвинтилъ крышку отъ фляги съ ромомъ, служившую чаркой, наполнилъ ее до половины и подалъ Габаю.

Габай не отказался отъ выпивки, закурилъ трубочку, затянулся раза два и, поглядывая съ странной улыбочкой на Живодерова, произнесъ:

— Вотъ что, любезный крестный батюшка. Добылъ я за весь промыселъ 19 бѣлокъ. Тутъ мнѣ болѣзнь приключилась и промышлять болѣе я не могъ. Я попросилъ у тебя хорошей муки, такъ какъ та, что ты далъ, годилась только червямъ, но ты прогналъ жену мою, и намъ пришлось умирать съ голоду. Думали мы съ женою, думали, какъ намъ быть, и придумали скушать всѣ эти бѣлки. Вотъ что, батюшка.

— Что же теперь будетъ?

— Какъ видишь, должно быть то, что есть.

— По-просту говоря: ничего нѣтъ и ничего не будетъ.

— Пожалуй, что такъ.

— Да ты, подлечище, шутить со мною изволишь?

— Почто шутить? Сказываю тебѣ правду истинную.

— Не забывай ты, тварь, что у меня бумага есть, бумага не простая, а съ орломъ. Понимаешь ли ты это

своимъ глупымъ разумомъ? Знаешь ли ты, мерзавецъ, что такое орелъ на бумагѣ?

— И у меня самого орелъ имѣется, и не одинъ, а цѣлыя сотни наберутся, — возразилъ Габай, ухмыльнувшись.

— Какіе такіе орлы? Кажи, подлецъ, сейчасъ кажи!

Габай подошелъ къ Хэть, которая, словно испугавшись, притаилась въ углу на своемъ яшинобшико, набитомъ рублевиками, взялъ одну монету и поднесъ ее къ самому носу Живодерова.

— Погляди, батюшка. Этотъ орелъ, мнѣ сдается, почище твоего. Твой на бумагѣ, а мой на чистомъ серебрѣ.

Живодеровъ онѣмѣлъ отъ удивленія. Долго онъ смотрѣлъ то на рублевикъ, то на Габая, и глазамъ своимъ не вѣрилъ.

— Откуда ты взялъ? — спросилъ онъ наконецъ... — Инклапъ [20]), что ли нашелъ, сынокъ?

— Откуда бы я ни взялъ,—проговорилъ Габай,—тебѣ дѣла нѣтъ до этого. Но я хочу съ тобою начисто раздѣлаться сегодня же, чтобы ни ты меня больше не зналъ, ни я тебя. Съ тобою ли моя бирка и книга, въ которой ты писалъ мой заборъ, и та бумага съ орломъ, которою ты мнѣ грозилъ?

— Какъ же, какъ же, сынокъ, все это со мною.

— Такъ тащи сюда и сдѣлай расчетъ какъ слѣдуетъ.

— Хорошо сынокъ, воля твоя. Разсчитаемся по-божески, а тамъ какъ знаешь.

Мигомъ слеталъ Живодеровъ къ своей нартѣ и притащилъ мѣшокъ съ остяцкими бирками. Въ мѣшкѣ этомъ

---

[20]) Кладъ.

были и счеты, и долговая книга, и кипа документовъ, писанныхъ на бумагѣ съ орломъ и безъ онаго.

Живодеровъ вмѣстѣ съ Габаемъ усѣлся на нарахъ, положилъ передъ собою счеты и книгу и досталъ бирку Габая. Тотъ сличилъ ее съ половинкой, хранившейся у него.

— Вѣрно, сынокъ?—спросилъ Живодеровъ.

— Вѣрно.

— Ну теперь будемъ считать. Господи благослови! Ничто безъ Бога, Онъ вездѣсущъ, все видитъ, все слышитъ и все знаетъ. Такъ ли, сынокъ?

И Живодеровъ, перекрестясь, началъ вычитывать изъ книги заборъ Габая и класть на счеты.

При каждой долговой записи онъ обращался къ Габаю съ вопросомъ:

— Вѣрно ли, сынокъ? Такъ ли?

— Такъ, такъ,—твердилъ Габай.

— Посмотри, сынокъ, вѣрно ли я кладу на счетахъ. Обмишулиться-то [21]) вѣдь не долго.

А Габай и смотрѣть не хочетъ.

— Вѣрно, вѣрно,—говоритъ,—продолжай дальше, батюшка.

Живодеровъ продолжалъ, но не могъ удержаться отъ того, чтобы не обмишуливаться, то-есть, чтобы вмѣсто одной костяшки не класть двѣ, а иногда и три.

— Ну, сынокъ, слава Богу, — произнесъ онъ, наконецъ. — Кончили мы заборъ, теперь примемся за уплату. Однако, съ устатку не выпить ли намъ?

— Какъ знаешь,—отвѣчалъ Габай.

---

[21]) Ошибиться.

Живодеровъ хватилъ для храбрости изъ фляги ромцу и поподчивалъ Габая.

— Господи, благослови!

И перекрестясь, онъ началъ вычитывать изъ книги уплату Габая полученными отъ него шкурками бѣлокъ и лисицъ, выдръ и куницъ. Но замѣтя, что Габай не обращаетъ никакого вниманія на счеты и только попыхиваетъ изъ своей трубочки, онъ, вмѣсто того, чтобы уплату сбрасывать съ костей, клалъ ее на кости и такимъ образомъ долгъ Габая увеличился чуть не втрое.

— Вѣрно ли, сынокъ?—спрашиваетъ Живодеровъ.

— Вѣрно,—отвѣчаетъ тотъ.

— Ну и слава Господу Богу,—произнесъ радостно Живодеровъ и перекрестился чуть не десять разъ.—Если что и позабылось, али просмотрѣлось, то я тебѣ прощаю... Все-таки ты мнѣ не чужой, — душу твою я извлекъ изъ ада, сынокъ. Знай это и помни!.. Если какая-либо малость перешла отъ тебя ко мнѣ, али отъ меня къ тебѣ—плевое дѣло, сынокъ. Обижаться изъ пустяковъ намъ не подобаетъ. Но мнѣ сдается, что мы тутъ съ тобою разсчитались по-божески... Что же, сынокъ, ты весь долгъ намѣренъ уплатить, али половину, али частицу какую-либо? Деньги-то мнѣ до зарѣза нужны.

— Не частицу, не половину, а весь долгъ какъ есть, какъ значится на счетахъ,—заявилъ рѣшительно Габай.

— Ну, за это большое тебѣ спасибо, сынокъ. И Господу Богу будетъ пріятно, вѣдь и Онъ, всемогущій Творецъ нашъ, долговъ не любитъ, и на томъ свѣтѣ должникамъ, что отвиливали отъ расплаты, мѣсто не ахти злачное уготовано... Вотъ ты крестился, сынокъ, позналъ истиннаго Бога, и Господь Богъ, какъ видно, смиловался надъ

тобою. Ты былъ бѣдненькій, а теперь сталъ богатенькій, богаче, пожалуй, меня... Наша русская пословица говоритъ: „бѣдненькій охъ, а за бѣдненькимъ Богъ“. У некрещеныхъ такой пословицы нѣту. Вотъ такъ и съ тобой прилучилось... Откуда взялось, какъ не отъ Бога? Вѣдь, Господь Богъ проявилъ надъ тобою чудо. — Не такъ ли, сынокъ?

Габай угрюмо молчалъ.

— Вѣрно, батюшка! — отозвалась Хэть, вынырнувъ изъ угла и подходя къ Живодерову.

Она зорко слѣдила за нимъ, когда онъ передвигалъ на счетахъ костяшки и чувствовала, хотя и не понимала, что тутъ дѣйствительно происходитъ не то, что слѣдовало бы, а нѣкое чудо.

— Вѣдь мы,—продолжала она, — поплачивались тебѣ каждый годъ, а долгъ нашъ вмѣсто того, чтобы уменьшиться, еще увеличился.

— Но каждый годъ вы мало ли забирали у меня товаромъ и припасами, — возразилъ Живодеровъ: — ты это сообрази глупымъ своимъ разумомъ, дочка.

И бѣдная Хэть со своимъ глупымъ разумомъ стала втупикъ, и ничего рѣшительно не могла сообразить.

— Не мѣшай намъ, милая,—шепнулъ женѣ Габай.— Тащи-ка свой яшинобшико съ монетами.

Хэть отправилась въ уголъ, но находу все-таки пробормотала.

— Какъ себѣ хочешь, батюшка, а тутъ, если не ошибка, то какое-то чудо.

— Пути Господа неисповѣдимы, — отозвался Живодеровъ. — Мнѣ и самому сдается, что тутъ вышло нѣчто *необыкновенное*. Слѣдуетъ одначе полагать, что такъ угодно

Богу и что оно послужитъ ко спасенію вашей души отъ мукъ ада.

— Хорошо было бы это, шибко хорошо,—проговорилъ Габай, вспомнивъ о своемъ договорѣ съ чортомъ.

Тутъ Живодеровъ началъ описывать различные адскіе ужасы. На это онъ былъ большой мастеръ [22]). Слушалъ, слушалъ его Габай, наконецъ говоритъ:

— Перестань, батюшка, знаемъ мы все это. Вдоволь наслушались отъ тебя и отъ другихъ русскихъ. Получай-ка лучше денежки.

Хэть притащила изъ угла яшинобшико, набитый рублевиками и подала Габаю. Тотъ поставилъ его передъ Живодеровымъ.

— Отсчитывай, сколько я тебѣ долженъ, батюшка,— сказалъ Габай,—и... отправляйся къ чорту,—добавилъ онъ про себя.

— Ты мнѣ довѣряешь, сынокъ?

— Какъ не довѣрять крестному батюшкѣ? Вѣдь это большой грѣхъ, какъ ты мнѣ часто твердилъ.

— Да, да, сынокъ. Кто не вѣритъ своему крестному, тотъ на томъ свѣтѣ, прямо безъ малѣйшей пощады, такъ и нырнетъ въ котелъ горящей смолы и сѣры. Вѣрь мнѣ, сынокъ... Ну, Господи благослови!

---

[22]) Юрко представилъ здѣсь образчикъ расчета съ простодушными остяками, практикуемаго многими сибирскими купчиками. Санкціонируя именемъ Бога свои мошенническія продѣлки, они увѣряютъ бѣдныхъ дикарей, не успѣвшихъ уразумѣть въ точности истины христіанской религіи, что явное и наглое обираніе ихъ угодно Богу и дѣлается въ видахъ спасенія ихъ душъ отъ ада, который эти обиратели стараются представить въ самомъ ужасномъ видѣ.

Живодеровъ сначала попробовалъ монеты, какъ онѣ звенятъ, потомъ бралъ ихъ на зубъ, даже полизывалъ и обнюхивалъ, но не могъ обнаружить въ нихъ никакой фальши. Затѣмъ, перекрестясь, принялся ихъ считать. Долгу Габая на костяшкахъ стояло восемьсотъ съ чѣмъ-то рублей, но Живодеровъ, для круглаго счету, отсчиталъ себѣ тысячу. Онъ еще болѣе округлилъ бы сумму долга, да въ яшинобшикѣ, къ сожалѣнію, оказалась только одна тысяча, больше въ немъ не вмѣщалось.

— Видишь, какъ ты угадалъ свой заборъ, сынокъ, какъ есть рубль въ рубль... какъ чудесно счета наши сошлись,—проговорилъ Живодеровъ, ссыпая рублевики въ кожаную кису, вынутую изъ мѣшка. Получай свою бирку и бумагу.

Габай принялъ бирку и бумагу и бросилъ ихъ въ огонь.

— Молодчина же ты, сынокъ, право молодчина! Ей-же-ей не чаялъ я отъ тебя такой исправности,—началъ Живодеровъ, наливая рому въ крышку фляги и поднося Габаю.— Выпьемъ, сынокъ! Хорошо было бы, если бы всѣ мои крестники были такъ исправны на платежъ, какъ ты. А то, смотри, сколько у меня тутъ въ мѣшкѣ бирокъ и договоровъ остяцкихъ. Таскаюсь съ ними изъ тундры на тундру, изъ юрты въ юрты, а все толку мало... Горе тяжкое мнѣ съ ними.

— Продай мнѣ всѣ эти бирки и договоры!—выпалилъ вдругъ Габай.

— На что они тебѣ, сынокъ?

— Ты долгъ получишь, и горе свалится съ твоихъ плечъ.

— Да ты не шутишь, сынокъ?

— Не думаю вовсе шутить, а говорю дѣло.

— Шибко много денегъ понадобится тутъ, сынокъ.

— Не твоя объ этомъ забота будетъ, а моя. Говори же, сколько этихъ яшинобшико, набитыхъ монетами, возьмешь ты за всѣ эти бирки и бумаги?

— Дай хорошенько посчитать, сынокъ.

— Посчитай.

И Живодеровъ принялся за свою долговую книгу, началъ будто считать и пересчитывать, и наконецъ заявилъ, что онъ готовъ всѣ остяцкія бирки и договоры отдать за десять яшинобшико, наполненныхъ рублевиками.

— Хотя тутъ и больше слѣдовало бы, но вѣдь пришлось бы мнѣ маяться съ ними не малое время и я радъ на уступку, лишь бы покончить сразу, избавиться хлопотъ,— добавилъ онъ.

— Я согласенъ дать тебѣ десять яшинобшико, полныхъ монетами, но ты дай на придачу и свою книгу.

— Дѣлать съ тобою нечего, сынокъ, бери въ придачу и книгу.

Десять разъ Хэть отправлялась въ уголъ съ пустымъ яшинобшико и десять разъ возвращалась съ нимъ, набитымъ уже рублевиками, которые, по повелѣнію Габая, сыпались изъ лосинаго кошелька, расшитаго золотомъ и серебромъ. Кошелекъ этотъ потихоньку былъ переданъ Габаемъ женѣ.

Живодеровъ набилъ рублевиками уже не кису, а изрядный мѣшокъ и, обезумѣвъ отъ радости, началъ оболокаться. Затѣмъ, не простясь, потащилъ мѣшокъ изъ чума къ своей нартѣ и помчался домой.

Габай остяцкія бирки съ письменными договорами и долговой книгой Живодерова бросилъ въ пылающій очагъ.

Хэть схватила клюку и усердно помогала ихъ уничтоженію, подталкивая ихъ въ пламя.

— Сколько теперь мы можемъ бѣднымъ людямъ сдѣлать добра, имѣя въ своемъ распоряженіи столько монетъ, сколько тебѣ вздумается, мой милый!—обратилась она къ Габаю.

— Добро мое для меня, а не для людей, какъ мука моихъ сосѣдей была для нихъ, а не для меня,—съ сумрачнымъ видомъ отвѣтилъ Габай.—Я тебѣ клянусь, что отнынѣ и до вѣка не будетъ у меня жалости ни къ кому, какъ не было ни у кого жалости къ намъ, когда мы умирали съ голоду.

— Охъ, не хорошая эта клятва, милый мой. Жутко даже ее слышать. Нѣтъ, нѣтъ! Ты не будешь такой злой, какимъ клянешься сдѣлаться, ты всегда былъ добрый и не помнилъ зла.

Хэть имѣла очень добрую душу и была чрезвычайно жалостлива, какъ и всѣ наши остячки.

— А вотъ увидишь, какимъ я буду! —вскрикнулъ дикимъ голосомъ Габай и во весь вечеръ не говорилъ съ женою ни слова. Онъ что-то думалъ и передумывалъ.

А Живодеровъ, между тѣмъ, мчался что есть духу домой, словно за нимъ гналась сотня волковъ или сто тысячъ чертей. Онъ то пощипывалъ себя, желая убѣдиться не спитъ-ли онъ, не представилось ли ему все происшедшее въ чумѣ Габая во снѣ, то пощупывалъ тяжелый мѣшокъ съ рублевиками, желая убѣдиться не провалился-ли онъ сквозь дно нарты. Убѣдившись въ томъ, что онъ не спитъ и мѣшокъ въ нартѣ, онъ, наконецъ, сказалъ самому себѣ:

— Ловко же я, дай Господь Богъ мнѣ здоровья и

долгаго вѣка, объегорилъ своего любезнаго крестничка. Но откуда у него, чортъ бы его побралъ, такой бурунъ денегъ и еще рублевиками?.. Недурно, право недурно было-бы пощупать его по-сибирски въ глухую ночку... Чумъ его стоитъ на особицѣ; кричи въ немъ, хоть глотку надсади, никто не услышитъ. А я бы, кажись, управился съ десяткомъ такихъ жидконогихъ, какъ Габай... Право, стоитъ поразмыслить объ этомъ хорошенько. Вѣдь, многіе изъ нашей братіи, торговыхъ людей, разживаются не лучшимъ образомъ. Охъ, охъ, охъ! Грѣхи наши тяжкіе!.. Грѣшенъ честный, грѣшенъ плутъ,—всѣ грѣхомъ живутъ... А мы что за святые такіе...

Съ такими благими помышленіями Живодеровъ пріѣхалъ ночью домой, разбудилъ свою супружницу Матрену Пудовну и съ помощію ея втащилъ мѣшокъ съ рублевиками въ спальню. Что въ мѣшкѣ этомъ заключалось, никто изъ домашнихъ не зналъ. Всю ночь они вдвоемъ считали и снова пересчитывали рублевики и не перестали бы ихъ считать, еслибы сонъ не свалилъ ихъ замертво. Проснувшись утромъ, они наскоро сгребли кучки рублевиковъ въ мѣшокъ и спрятали его въ огромный желѣзный сундукъ, запирающійся 10 замками, въ которомъ обыкновенно хранились всѣ ихъ деньги. На другую ночь, тоже запершись въ спальнѣ, они провозились съ рублевиками почти до поздняго утра. На третью ночь—та же исторія. Но на четвертую ночь, когда они открыли сундукъ, мѣшокъ, набитый ранѣе того рублевиками, оказался набитымъ чистымъ воздухомъ, рублевики же улетучились.

— „*Караулъ, караулъ! Батюшки, ограбили! Родименькіе, обворовали!*“ закричали въ одинъ голосъ Живодеровъ со своей супружницей. Поднялась въ домѣ тревога, домаш-

ніе выломали двери, а Живодеровъ со своей супружницей, словно обезумѣвшіе, бѣгаютъ другъ за дружкой по спальнѣ, никого не видятъ, ничего не слышатъ, и только кричатъ благимъ матомъ: *„Караулъ, караулъ! Батюшки, ограбили! Родименькіе, обворовали!“* Прибѣжали и сосѣди, спрашиваютъ: что и какъ?—и ничего не могутъ добиться. Старшій сынъ Живодерова, осмотрѣвъ открытый сундукъ, увидѣлъ, что бумажныхъ тамъ денегъ столько же, сколько по его соображеніямъ должно было быть, и заявилъ, что никакого грабежа и воровства не могло произойти, родители же, должно полагать, маленько рехнулись. Онъ заперъ сундукъ и ключи подобралъ къ себѣ. О рублевикахъ онъ ничего не зналъ. А его родимый батюшка и родимая матушка не перестаютъ орать: *„Караулъ, ограбили, обворовали!..“* Такъ орали они всю ночь, такъ орали весь день, къ вечеру заправду съ ума сошли, а на слѣдующій день имъ обоимъ „сорымъ эхтысъ“ [23]).

Бѣдному Живодерову такъ и не удалось привести въ исполненіе благого своего замысла—пощупать Габая ночной порой въ его чумѣ, стоящемъ на особицѣ, гдѣ кричи, хоть глотку надсади, никто не услышитъ.

— Чудное, необычное дѣло!—толковали между собою сосѣди и знакомые Живодеровыхъ.

А дѣло-то было самое простое, какъ изволите увидѣть. Габай далъ время налюбоваться Живодерову мошенническіе пріобрѣтенными рублевиками, а потомъ произнесъ: „Данныя Живодеру монеты моего владыки назадъ въ кошелекъ аля маширъ!“ — и рублевики изъ ящика Живодеровыхъ мигомъ очутились въ кошелькѣ и такъ громко

---

[23]) Смерть пришла.

позвякали, что разбудили Хэть, сладко разметавшуюся на тагарѣ.

— Ты слышалъ, милый?—спросила она Габая.

— Слышалъ.

— Что же это значитъ? Отчего звенитъ въ кошелькѣ?

— Должно быть, крестный нашъ батюшка пересчитываетъ наши монеты,—отвѣчалъ съ язвительной улыбочкой Габай.—А тѣ, которыя остались въ кошелькѣ, плачутъ по своимъ товаркамъ.

— Бѣдненькія! — проговорила Хэть, перевернулась на бокъ и заснула.

Нужно-ли говорить, что Габай, при посредствѣ чудеснаго хлѣбнаго панеширика, чудеснаго табачнаго кисетика, чудеснаго виннаго туеска и расчудеснаго денежнаго кошелька, полученныхъ имъ отъ русскаго куля за свою никуда негодную душу, какою онъ самъ ее считалъ, изъ бѣднѣйшаго остячины, умиравшаго съ голоду, преобразился въ первѣйшаго богача во всей странѣ? Полагаю, что объ этомъ говорить не стоитъ, такъ какъ это должно было произойти само собою. Нашедши кладъ, никто не оставитъ его безъ употребленія.

И вотъ, на мѣстѣ жалкаго своего *лунгъ-хорнота* [24]) Габай соорудилъ себѣ ужь не *талъ-хорнотъ* [25]), а хоромину въ два этажа, по образцу живодеровской и окружилъ ее разными службами, амбарами и кладовыми. Какъ прежде его за бѣдность никто даже человѣкомъ не считалъ, такъ теперь всѣ ближніе и дальніе остяки и русскіе старались завести съ нимъ знакомство и за великую честь

---

[24]) Чумъ, покрытый берестой.

[25]) Чумъ, покрытый оленьими шкурами.

полагали себѣ, если имъ доводилось удостоиться хотя малѣйшаго его расположенія. Все, что ни дѣлалъ Габай, считалось совершенствомъ; каждая глупость, сказанная имъ при случаѣ, наудачу, не подумавъ, въ глазахъ его прихлебателей (а такихъ у него было много), считалась неизреченной мудростью и, какъ занятная притча, переходила изъ устъ въ уста. Такъ и вездѣ происходитъ съ богатыми.

Одно власть имѣющее лицо изволило кушать съ Габаемъ изъ одной чашки; другое, съ еще большею властью, изволило пить съ Габаемъ изъ одной рюмки, а третье, очень властное, изволило кататься съ Габаемъ въ одной нартѣ. И нарта Габая стоила этой чести. Она была сдѣлана изъ какого-то заморскаго дерева, обшита краснымъ сукномъ съ золотыми позументами и такими же кистями, а полозья у ней были литы изъ чистаго серебра. Въ нарту запрягались три бѣлые оленя [26]), упряжь ихъ была украшена бисеромъ, а рога и хорей вызолочены.

Въ амбарахъ Габая всѣ закрома были набиты преотличной мукой. Въ кладовой Габая хранилось славное винцо, и хранилось оно не въ туесахъ, а въ сорокаведерныхъ бочкахъ.

Ларь, на которомъ почивалъ Габай, былъ до верху наполненъ серебряными и золотыми монетами. Бумажныхъ денегъ Габай не уважалъ, и если они попадали ему въ руки, то онъ ими раскуривалъ свою трубочку, какъ раскутившійся сибирскій купеческій сынокъ, батюшка котораго нажился фальшивыми кредитками.

---

[26]) Бѣлые олени составляютъ рѣдкость и считаются у остяковъ священными.

Одѣвался Габай со своею Хэть въ дорогое сукно, въ атласъ и бархатъ, а также въ парчу. И растолстѣлъ же онъ, какъ сибирскій первой гильдіи купецъ изъ бывшихъ цѣловальниковъ или ямщиковъ, а Хэть изъ замарашки сдѣлалась такой писаной красавицей, что любо-дорого было на нее смотрѣть. Но Габай, неслишкомъ дорожилъ красотою своей жены, которой не могъ налюбоваться раньше, въ бѣдности. Въ первый же годъ своей роскошной жизни онъ завелъ себѣ двухъ любовницъ, на другой годъ было ихъ у него четыре, на третій годъ шесть, на четвертый—восемь, а на пятый—цѣлый десятокъ. Хэть сначала сильно бунтовала противъ такой „политики“ Габая, но потомъ махнула рукой и не стала мужу перечить.

— Живи, подлецъ, какъ себѣ знаешь, — сказала она ему,—лишь бы я была одѣта и не голодала.

Но все-таки ей чрезвычайно было досадно, что мужъ отъ нея совсѣмъ отбился, что вмѣсто нея онъ любезничаетъ съ разными мармулашками. Часто на это жаловалась она даже со слезами своимъ пріятельницамъ остячкамъ, которыхъ у ней теперь завелось не мало. Тѣ отъ души скорбѣли надъ ея горькой долей и, потягивая винцо, нашептывали ей тоже не робѣть, не хныкать и обзавестись любовничкомъ.

И Хэть мало-по-малу перестала хныкать и начала засматриваться на одного красиваго и молодого остяка, приставленнаго Габаемъ къ хлѣбному амбару въ родѣ прикащика.

А Габай ни о чемъ не тужилъ, ничѣмъ не стѣснялся, и жилъ себѣ въ полное свое удовольствіе. Но память о голодовкѣ, о томъ, что никто не сжалился надъ нимъ и не помогъ въ его нуждѣ, хотя и могъ помочь, не оставляла

его и разжигала въ его сердцѣ все болѣе и болѣе ненависть къ людямъ. Онъ съ каждымъ днемъ становился злѣе и жестокосерднѣе. Ему хотѣлось, чтобы всѣ люди терпѣли нужду и голодали, а онъ одинъ за всѣхъ наслаждался бы всевозможными благами. Не отказывалъ онъ ни одному остяку ни въ мукѣ, ни въ деньгахъ. Даже многіе русскіе, заслышавъ о его щедрости, заявлялись къ нему и умоляли о помощи. Габай охотно раздавалъ и муку, и деньги. Но онъ этимъ даяніемъ только помазывалъ, какъ говорится, бѣдняковъ по губамъ. Любо ему было людей дразнить и мучить, какъ коту мышекъ. Такъ, напримѣръ, велитъ дать кому-нибудь панеширикъ или два муки, тотъ не успѣетъ еще и семью вдоволь накормить, а Габай шепчетъ: „данная такому-то мука моего владыки назадъ въ панеширикъ *аля маширъ*“, и мука въ тотъ же мигъ исчезаетъ. Дастъ какому-нибудь обнищавшему денегъ на поправку, тотъ чуть съ ума не сойдетъ отъ радости, но едва начнетъ мало-мальски поправлять свое состояніе, а Габай уже шепчетъ: „данныя такому-то монеты моего владыки назадъ въ кошелекъ *аля маширъ*“, и монеты исчезнутъ, а въ кошелькѣ позвякаетъ. Услышитъ Габай это звяканье и весело улыбается. Оно сдѣлалось для него самой пріятной музыкой.

Скоро всѣ остяки и русскіе убѣдились, что помощь Габая никому въ прокъ не идетъ, что не стоитъ у него вымаливать ни муки, ни денегъ и что всѣ его даянія какое-то колдовство, настоящая дьявольская шутка.

Только одно русское винцо, нацѣженное въ бочки изъ туеска, разукрашеннаго цвѣтною слюдою, попавши въ утробу жаждущихъ и алчущихъ, не дѣлало уже изъ нея никогда *аля машира*. Но лучше было бы его не пить.

Сколько съ того милаго винца сгорѣло остяковъ и русскихъ, того и не перечесть. Наберется мертвыхъ тѣлъ цѣлая куча, наѣдетъ господинъ ближайшій начальникъ, зарычитъ на Габая зычнымъ голосомъ:

— Ууу, подлецъ! Людей вздумалъ опаивать? Я тебя, подлеца, въ бараній рогъ согну, я тебя, мошенника, на вѣчно въ каторгу, въ рудники упру!

Но Габай пренизко поклонится, потомъ возьметъ почтительно господина начальника за бѣлыя ручки, подведетъ къ своему ларю, откроетъ его и уважительно произнесетъ:

— Бери, господинъ баринъ, ваше благородіе, сколько хошь, и отправляйся себѣ съ миромъ, откуда пріѣхалъ. Начальникъ набьетъ всѣ свои карманы золотыми монетами, изрядно закуситъ и преизрядно напьется и отправляется, откуда пріѣхалъ. Мертвыя тѣла зароютъ въ землю, а на мѣсто ихъ вскорѣ набирается новая куча и ждутъ новаго пріѣзда и отъѣзда его благородія.

Хэть иногда, и даже частенько, тайкомъ отъ мужа давала бѣднымъ остячкамъ деньги, которыя удавалось ей утащить изъ ларя. Но Габай разъ захватилъ ее на этой кражѣ, и хотя онъ ни слова ей не сказалъ, но съ тѣхъ поръ, каждый вечеръ, когда ложился спать, шепталъ: если жена моя Хэть, по глупости своей, надѣлила кого-нибудь сегодня деньгами моего владыки, то пусть эти деньги назадъ въ кошелекъ *аля маширъ*! И если въ кошелькѣ, который у него всегда висѣлъ на груди, раздавался звонъ, то онъ бормоталъ себѣ подъ носъ: „Экая скверная бабенка! Опять запустила руку въ ларь... Не можетъ отказаться отъ глупой своей жалости и доброты. Видно мало донимала ее нужда безпомощная, видно мало

мучила ее голодовка. Что съ этой дурой подѣлаешь? Пускай себѣ дурачится. Благо, что не надоѣдаетъ мнѣ своими попреками". Но иногда ему становилось жалко бѣдныхъ людей, надъ которыми онъ такъ злобно издѣвался, и ему приходила благая мысль употребить хлѣбъ, натрушиваемый изъ панеширика, разукрашеннаго цвѣтнымъ шелкомъ, на прокормленіе всѣхъ остяковъ, а также и монеты, сыпавшіяся изъ кошелька, расшитаго серебромъ и золотомъ, употребить на уплату всѣхъ остяцкихъ долговъ, записанныхъ по книгамъ разныхъ благочестивыхъ живодеровъ. Но это случалось очень рѣдко, и когда находилъ на него такой хорошій стихъ, то онъ тотчасъ хватался за чару зелена вина и имъ заливалъ эту жалость, послѣ чего дѣлался еще ехиднѣе и злѣе.

Такъ прошло четыре года, прошла уже и половина пятаго, и Габай вспомнилъ объ охотникѣ, которымъ ему подлежало запастись взамѣнъ себя.

— Гм!.. Есть о чемъ заботиться, сказалъ онъ самому себѣ. Я не то что одного, а цѣлую сотню охотниковъ могу предоставить чорту. Онъ мнѣ дастъ за каждаго по году. Сто охотниковъ—сто годовъ, а сто годовъ, вѣдь, это вѣкъ. Гуляй, Габай. Кути, мути! Тужить не о чемъ.

Однако, какъ онъ ни кутилъ, ни мутилъ, а пришлось собираться въ юрты на розыскъ охотника. Вдругъ охотникъ самъ явился, словно съ неба свалился. Слухъ о томъ, что Габай запродалъ душу чорту и изъ послѣдняго нищаго сдѣлался первымъ богачемъ, распространился мало-по-малу не только по остяцкимъ юртамъ, но и по русскимъ селеніямъ, и не только по ближнимъ, но и по дальнимъ.

Заявился къ Габаю вахтеръ мангазейскій [27]) изъ нарымскаго края, человѣкъ очень богатый. Нажился онъ отъ нашей братіи остячковъ. У него было пять отличныхъ домовъ (одинъ въ городѣ, а четыре въ селѣ), 250 лошадей, множество коровъ, быковъ, овецъ и свиней. Онъ по подрядамъ доставлялъ въ казну хлѣбъ, соль, порохъ, свинецъ, торговалъ мѣхами и кедровыми орѣхами, поставлялъ на пароходы дрова сотнями и тысячами саженъ, содержалъ почтовую гоньбу, однимъ словомъ, былъ страшный богачъ [28]), но ему хотѣлось еще больше разбогатѣть. Вотъ онъ и пріѣхалъ къ Габаю, чтобы съ нимъ познакомиться, а потомъ черезъ него познакомился съ господиномъ русскимъ кулемъ.

Познакомились Габай съ вахтеромъ, покутили день, другой, третій, наконецъ вахтеръ приступилъ къ задуманному имъ дѣлу и говоритъ Габаю:

— Смотрю я, другъ, на твой достатокъ и дивлюсь, не-надивлюсь, откуда все это у тебя взялось. Никакой у тебя на рукахъ казенной мангазеи не состоитъ, на большомъ трахту ты не разбойничаешь, краденыхъ съ обозовъ чайныхъ мѣстовъ и товарныхъ тюковъ не принимаешь, фальшивыхъ денегъ не производишь, однимъ словомъ никакой нашей сибирской комерціей ты не орудуешь, а у тебя

---

[27]) Завѣдующій казеннымъ хлѣбо-запаснымъ магазиномъ, изъ котораго остяки получаютъ въ долгъ муку, соль, порохъ и свинецъ.

[28]) Объ этомъ богачѣ, нарымскомъ вахтерѣ, находится такое же извѣстіе въ трудѣ С. С. Шашкова „Сибирскіе инородцы въ XIX столѣтіи“. Жилъ этотъ вахтеръ въ Тогурѣ, и тамъ въ 1860 году сгорѣлъ въ собственномъ домѣ. Онъ также фигурируетъ и въ остяцкой легендѣ „Арыспай Игплановъ“, напечатанной въ № 44 „Тобол. Губ. Вѣдомостей“ за 1892 годъ.

домъ —настоящая полная чаша: ты жирно кушаешь, сладко пьешь, чудесный табачекъ покуриваешь и съ бабешками прохлажаешься. Всего у тебя тутъ вдоволь, какъ я вижу, развѣ только птичьяго молока не хватаетъ.

— Захочу,—отвѣчаетъ Габай,—у меня и птичье молоко появится.

— Знаю, знаю, другъ любезный, что тебѣ возможно, что бы ты ни похотѣлъ... Слышалъ я... слыхомъ земля полнится... Вотъ и я пріѣхалъ къ тебѣ... нельзя-ли, другъ ты мой любезный, поучиться у тебя, чтобы ни торговать, ни промышлять разбоемъ или воровствомъ, а все имѣть по своему хотѣнію... Баютъ добрые люди, что ты душу свою будто чорту записалъ... Ахъ, еслибы это и мнѣ удалось, важное дѣло для меня бы вышло.

Слушаетъ Габай и ушамъ своимъ не вѣритъ.

— Вотъ сумасшедшій,—думаетъ онъ.—Богатый человѣкъ, чуть не богаче самого меня, а охотно просится къ чорту въ лапы. Дѣлать съ нимъ нечего. Незачѣмъ мнѣ теперь и въ юрты ѣздить, охотникъ самъ пріѣхалъ.

— Слушай, другъ,—обращается Габай къ вахтеру:—коли тебѣ взаболь и въ сурьезъ хочется душу запродать чорту, то я тебѣ, пожалуй, обтяпаю это дѣльце.

— Сдѣлай милость!—воскликнулъ вахтеръ и повалился Габаю въ ноги.—Будь ты мнѣ отецъ родной и благодѣтель! Заставь за себя вѣчно Бога молить!

— Что ты, что ты, другъ?—захохоталъ Габай.—Душу хочешь чорту продать и за это собираешься вѣчно Бога молить? Сдурѣлъ ты, что ли, другъ?

— Виноватъ,—отвѣчалъ вахтеръ, приподнимаясь,—это у меня такъ, зря, сболтнулось. Слово къ слову какъ-то угодило.

— Ну, ладно,—говоритъ Габай.—Такъ вотъ что: черезъ три мѣсяца ты пріѣзжай ко мнѣ, тогда мы съ тобою потолкуемъ, какъ слѣдуетъ... Только смотри, не обмани меня. Самъ же я тебя обманывать не стану.

— Вотъ тѣ Христосъ,—отозвался вахтеръ:—не за тѣмъ я ѣхалъ къ тебѣ, чтобы обманывать. Будь вполнѣ увѣренъ.

И вахтеръ не обманулъ Габая; ровно черезъ три мѣсяца заявился, а такъ какъ до срока Габаю оставалась еще цѣлая недѣля, то Габай со своимъ охотникомъ всю эту недѣлю кутилъ во всю ивановскую. Музыка, пѣсни, плясъ, бабешки, привезенныя изъ русскаго селенія, все тутъ у нихъ было.

Хэть тоже не дремала. Ей уже надоѣло все засматриваться да засматриваться на красиваго приказчика у хлѣбнаго амбара, и, пользуясь сутолокою и безпорядкомъ, происходившими въ домѣ по случаю гулянки Габая съ вахтеромъ, рѣшилась познакомиться покороче со своимъ ненаглядным, что и исполнила, запершись съ нимъ крѣпко на крѣпко въ своей горенкѣ.

Наконецъ Габай съ вахтеромъ, нагулявшись до-сыта, отправились въ урочное мѣсто и стали дожидаться полночи.

Ровно въ полночь чортъ безо всякаго зову явился.

— Ну, какъ поживаешь, миленькій?—спрашиваетъ онъ Габая.

— Живу помаленьку,—отвѣчаетъ Габай.

Хотѣлъ было онъ спросить, по обыкновенію, „какъ Господь Богъ васъ милуетъ, почтеннѣйшій?“ но чортъ не далъ ему этого выговорить и быстро спросилъ:

— Какъ дѣла наши, миленькій? Душеньку ли ты свою привезъ, али раздобылся охотничкомъ?

— Есть!—шепчетъ Габай.

— А кто такой?—спрашиваетъ чортъ.

— Нарымскій вахтеръ.

Габай назвалъ его по имени, отчеству и фамиліи.

— Благодарю!—говоритъ чортъ.—Я его давно поджидаю, да все, подлецъ, отлынивалъ отъ меня.

— Онъ теперь шибко желаетъ съ тобою познакомиться.

— Этого то и надо было. Теперь онъ не уйдетъ изъ моихъ рукъ. Теперь, миленькій, можешь еще цѣлый годъ кутить-мутить. Ну-съ, господинъ нарымскій вахтеръ,—произнесъ чортъ, подходя къ нартѣ, на которой развалился вахтеръ въ ожиданіи окончанія переговоровъ Габая съ чортомъ,—искренно ли ты пожелалъ отдать мнѣ свою душу?

Вахтеръ хотѣлъ, по обыкновенію, побожиться, хотя онъ божился и тогда, когда безсовѣстно лгалъ, но чортъ предупредилъ его.

— Божба,—сказалъ онъ ему,—тутъ не у мѣста. Я повѣрю тебѣ и безъ божбы. Искренно ли ты пожелалъ отдать мнѣ свою душу?

— То-ись, искреннимъ... преискреннѣйшимъ... и совершенно искреннимъ образомъ... безъ малѣйшей, то-ись, облыжности... при здравомъ умѣ... твердой памяти и по чистой совѣсти. Въ доказательство чего, я готовъ хоть сейчасъ горсть земли, не то снѣгу съѣсть.

— Хорошо,—сказалъ чортъ.—Но земля теперь замерзла, не добудешь, отъ снѣгу же можно простудить горло. Эй, мои слуги вѣрные,—обратился чортъ къ своимъ маленькимъ кулямъ-скороходамъ,—притащите-ка мнѣ духомъ горсть муки изъ магазина нарымскаго вахтера.

И маленькіе кули въ одинъ мигъ притащили изъ нарымскаго магазина горсть муки.

— Ну вотъ, въ доказательство своей необлыжности

извольте, господинъ вахтеръ, покушать собственной вашей муки, которую вы отпускаете остякамъ.

— Нѣтъ, ваше препочтеніе, — отозвался вахтеръ, — коли ужь на то пошло, я лучше поѣмъ снѣжку. Онъ для меня здоровѣе.

— Чѣмъ мука въ магазинѣ? Это вѣрно,—подхватилъ чортъ, смѣясь.

Вахтеръ съѣлъ порядочную горсть снѣгу.

— Ну-съ теперь, господинъ нарымскій вахтеръ, безъ всякой то-ись облыжности, при здравыхъ тѣлесахъ, при здравомъ умѣ и твердой памяти, извольте отправляться прямо въ адъ, въ давно уготованное вамъ мѣстечко. Эй вы, слуги мои вѣрные! Свяжите господина нарымскаго вахтера и уложите въ мою нарту.

Маленькіе кули съ веревками въ рукахъ окружили нарымскаго вахтера, словно стая охотничьихъ собаченокъ медвѣдя.

— Позвольте, позвольте, ваше препочтеніе или ваше первостепенство, — завопилъ вахтеръ, испуганный не на шутку такимъ оборотомъ дѣла,—вѣдь мы должны сперва-началу договориться о цѣнѣ души, а потомъ сдѣлать запись. Какъ же такъ и безъ договора и безъ записи? Это, сударь, не по закону. Это, сударь, чортъ знаетъ что такое.

— На такихъ, какъ ты, молодцовъ,—отозвался чортъ,— законовъ не полагается. Имъ только слѣдуетъ захотѣть попасть мнѣ въ лапы, и я ихъ заграбастываю живьемъ въ адъ, безъ всякихъ договоровъ и записей. Вяжите его!

Но вахтеръ бросился наутекъ. Маленькіе кули помчались за нимъ, но вскорѣ вернулись и заявили чорту, что не могли догнать бѣглеца.

— Видно господинъ нарымскій вахтеръ жидокъ на раздѣлку,—проговорилъ чортъ.—Такъ вотъ что. Возьмите побольше смолы и сѣры, отправьтесь къ его дому, облейте домъ смолой, обложите сѣрой и зажгите со всѣхъ сторонъ. Сгоритъ онъ и дома живьемъ, также, какъ слѣдовало ему сгорѣть въ аду. Прощай, Габай! Годъ имѣешь льготы, а тамъ смотри, не прозѣвай, тащи новаго охотника.

— Постараюсь!—радостно воскликнулъ Габай, усаживаясь въ свою нарту, и стремглавъ помчался домой.

Маленькіе кули съ превеликой точностію и усердіемъ исполнили приказъ своего владыки. Они сверху до низу облили смолою домъ нарымскаго вахтера, обложили его сѣрою и подожгли со всѣхъ сторонъ. Бѣдный вахтеръ кое-какъ успѣлъ выскочить изъ пламени, но тутъ его кули подхватили на воздухъ и понесли живьемъ въ адъ [29]). Многіе изъ нашихъ остяковъ видѣли, какъ эти кули тащили вахтера въ той же красной рубашкѣ, въ тѣхъ же лосиныхъ шароварахъ и въ тѣхъ же кунгурскихъ сапогахъ съ мѣдными подковами, въ которыхъ онъ всегда ходилъ.

Габай, получивъ льготу на годъ, сталъ кутить и мутить пуще прежняго. Онъ себѣ еще двухъ новыхъ любовницъ пріобрѣлъ, а съ бѣдной Хэть видался только случайно, мелькомъ. Но та, повидимому, и не искала съ нимъ сближенія...

Въ ближайшемъ отъ жилища Габая русскомъ селѣ былъ

---

[29]) Этотъ нарымскій вахтеръ дѣйствительно сгорѣлъ въ собственномъ домѣ. Многіе остяки увѣряли, что видѣли, какъ его черти утащили изъ пламени дома въ адъ живымъ. Объ этомъ тоже упоминается Шашковымъ.

водворенъ нѣкій „секретный человѣкъ“. Доступъ къ нему строго-настрого начальствомъ воспрещался. Наши остяки, ходившіе въ это селеніе, очень любопытствовали увидать „секретнаго человѣка“, но сельскія власти этого не дозволяли. Они разсказывали остякамъ, что этотъ „секретный человѣкъ“ имѣетъ зубы въ полъ-аршина, рога въ аршинъ, что онъ кусаетъ и бодаетъ каждаго, кто къ нему приблизится, а ужь ихняго брата, остяка, такъ живьемъ и проглотитъ. Ну, разумѣется, остяки и потрухивали. Габай часто бывалъ въ этомъ селеніи, слышалъ объ этомъ „секретномъ человѣкѣ“, и ему захотѣлось всенепремѣнно увидать это диво. Въ Сибири каждый богачъ полагаетъ, что ему все позволительно и все возможно. То же полагалъ и Габай... Дѣйствительно, ему удалось не только повидать „секретнаго человѣка“, но близко познакомиться съ нимъ и даже подружиться. Онъ его часто увозилъ къ себѣ въ гости. Тутъ его увидали и наши остяки. Оказалось, что „секретный человѣкъ“ ни зубовъ въ полъ-аршина, ни роговъ въ аршинъ не имѣетъ, а такой же человѣкъ, какъ и прочіе люди, только усы у него были длинные, такъ что онъ закладывалъ ихъ за уши, и борода ниже пояса. Не кусался онъ и не бодался, и со всѣми обходился привѣтливо и ласково. Онъ шибко соболѣзновалъ надъ участью нашихъ остяковъ, а крестьянъ сибирскихъ просто ненавидѣлъ. Любилъ онъ иногда и пошутить, и побалясничать, и винцо преизрядно потягивать... Потягивалъ же онъ винцо потому, что ему было скучно. Скучалъ онъ, какъ говорилъ, по своей семьѣ, съ которой его разлучили. Этотъ „секретный человѣкъ“ былъ человѣкъ не простой, а какая-то важная персона. Онъ обо всемъ имѣлъ большое разумѣніе, даже планиду Господню

зналъ, потому что предсказывалъ погоду, ведро и дождь, морозъ и пургу лучше нашихъ стариковъ.

— Эхъ, — сказалъ онъ разъ Габаю, въ дружеской откровенности,—кабы мнѣ крылья, такъ бы и улетѣлъ я изъ вашей распроклятой Сибири.

— Эхъ, кабы этотъ господинъ, — подумалъ Габай, — согласился душу продать чорту, чортъ бы ему не только два, а десять крыльевъ приставилъ, а я за него не то что на годъ, а пожалуй и на десять лѣтъ получилъ бы отсрочку; вѣдь это, не простой человѣкъ, а важная какая-то персона, къ тому же еще и въ большомъ секретѣ состоитъ.

Такъ думалъ Габай и началъ тихимъ манеромъ подъѣзжать къ „секретному человѣку“, норовя склонить его какъ-нибудь на продажу души чорту.

Сначала Габай далъ ему замѣтить, что самъ разбогатѣлъ при помощи чорта.

— Знаю, знаю, дружище, — отвѣчалъ ему „секретный человѣкъ“,—что у васъ въ Сибири всѣ эти скороспѣлые богачи разживаются не иначе, какъ при помощи, своего рода, чорта, иже нарицается *татьба*, и аггеловъ его, иже суть: обмѣриваніе, обсчитываніе, опаиваніе, обираніе инородцевъ, пріемка краденаго, утайка акциза, поддѣлка монеты и разнаго рода мошенничество. Да, этотъ сибирскій чортъ дѣйствительно большую силу имѣетъ надъ всей здѣшней страной. Это всякому извѣстно и переизвѣстно. Мнѣ богатства не надо, мнѣ только крыльевъ, крыльевъ, больше ничего, а тамъ бы я наплевалъ на всѣ богатства Сибири.

Затѣмъ, Габай намекнулъ „секретному человѣку“, что

чортъ могъ бы дать ему и крылья, на которыхъ онъ улетѣлъ бы не только изъ Сибири, но и на край свѣта.

— Вотъ это хорошо было бы, шибко хорошо! — воскликнулъ „секретный человѣкъ“. — Дружище, найди ты мнѣ такого чорта, и я тебя вѣкъ не перестану благодарить.

Наконецъ, Габай разсказалъ со всею откровенностью, какъ онъ самъ познакомился съ чортомъ.

Слушалъ его, слушалъ „секретный человѣкъ“, выслушалъ до конца, да и говоритъ, хлопнувъ его по плечу.

— Ты, миленькій, должно быть хлебнулъ черезъ мѣру, отъ того тебѣ и представился чортъ. Я и самъ иногда, если перепущу, то не только одного чорта, а цѣлыя сотни ихъ вижу. Во всякомъ случаѣ, сказка твоя не безынтересна, ты никакой сибирской коммерціей не занимаешься, а богатъ какъ самъ чортъ... Хотѣлось бы мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, повидать того чорта, которому ты, какъ увѣряешь, запродалъ свою душу. Это долженъ быть чортъ какой-то особенный, не тотъ сибирскій, о которомъ я себѣ составилъ понятіе. Что онъ шибко страшенъ? А?

— Нѣтъ, самый милый господинъ.

— Съ рожками и хвостикомъ?

— Не безъ нихъ. На то онъ и чортъ.

— Ну, такъ что же? Приводи его. Отъ скуки потолкуемъ. А тамъ можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ что-нибудь и вытанцуется у насъ.

— Теперь нельзя, другъ,—говоритъ Габай.—Не время еще... А когда наступитъ время, тогда можно будетъ.

— Ну, дѣлать нечего, подождемъ до времени.

— Но слушай, другъ, его можно будетъ увидѣть лишь тогда, когда ты самъ пожелаешь отдать ему душу, — не преминулъ ввернуть Габай.

— Можно и пожелать, отчего не пожелать? Но прежде надо увидать и узнать того, кому пожелаешь отдать душу. У насъ такъ дѣлается, миленькій.

— Увидишь и узнаешь, и я надѣюсь, что не откажешься отдать ему душу; онъ такой милый баринъ, что не знаю, какъ тебѣ и разсказать.

— Посмотримъ, увидимъ и узнаемъ.

Габай былъ увѣренъ въ искусствѣ чорта прельщать человѣковъ и нисколько не сомнѣвался въ томъ, что „секретный человѣкъ“ не устоитъ противъ обольщеній и отдастъ ему свою душу, чтобы избавиться отъ тоски по своимъ милымъ, на которую онъ постоянно жаловался и которая его заѣдала не менѣе, чѣмъ его, Габая, нѣкогда голодъ, заставившій его обратиться къ чорту.

Габай отложилъ всякое попеченіе о подысканіи другихъ охотниковъ и спокойно дожидался времени, когда ему придется получить, какъ онъ надѣялся, новую отсрочку.

Наконецъ, время это наступило, и онъ отправился съ „секретнымъ человѣкомъ“ въ путь къ извѣстному намъ мѣсту, т.-е. гдѣ долженъ явиться чортъ.

„Секретный человѣкъ“, растянувшись въ нартѣ, нѣтъ-нѣтъ, да и приложится къ туеску, разукрашенному цвѣтной слюдой, и все спрашиваетъ: „скоро-ли?“

Пріѣхали.

— Ну, гдѣ же твой чортъ?—спрашиваетъ „секретный человѣкъ“ Габая.

— Погоди, другъ, еще часъ не насталъ,— отвѣчаетъ Габай.

— А скоро ли настанетъ?

— Скоро.

Тутъ „секретный человѣкъ“ повернулся ничкомъ въ нартѣ, какъ будто приготовился уснуть.

Вотъ и часъ насталъ. Зашумѣлъ пронзительный вѣтеръ, спустилась на землю темень и потомъ мигомъ вся околица освѣтилась. Послышался по снѣгу скрипъ полозьевъ нарты, показалась и самая нарта съ черными оленями и маленькими кулями-скороходами.

Изъ нарты вышелъ русскій чортъ.

— Ну, какъ поживаешь, миленькій?—спрашиваетъ онъ Габая.

— Живу помаленьку,—отвѣчаетъ Габай.

— Какъ дѣла наши, миленькій? Душеньку ли ты свою привезъ, али раздобылся охотничкомъ?

— Есть!—шепчетъ Габай.

— Отлично! Вози почаще. И тебѣ будетъ хорошо, и мнѣ прибыльно. Гдѣ же твой молодецъ? Кто онъ такой?

— Въ нартѣ лежитъ. Состоитъ въ селеніи подъ большимъ секретомъ. Не простой человѣкъ, а какая то важная персона.

— Подавай его сюда!

Подошелъ Габай къ нартѣ и началъ толкать подъ бокъ „секретнаго человѣка“.

— Вставай, другъ, — шепталъ онъ ему.—Господинъ русскій чортъ явился.

— А, а! явился? Тащи его сюда за рога, али за хвостъ, посмотримъ, что за диво,—отвѣчалъ „секретный человѣкъ“, не поднимаясь и не поворачиваясь.

— Тише, тише,—шепчетъ Габай... — Надо обходиться съ нимъ какъ-нибудь повѣжливѣе, повеликатнѣе, вѣдь все-таки онъ начальство и начальство не малое...

— Наплевать мнѣ на начальство. Я самъ себѣ начальство.

— Да ты, другъ, хоть обернись, да посмотри!

— Посмотрѣть? Почто не посмотрѣть, можно и посмотрѣть.

И „секретный человѣкъ“ приподнялся, присѣлъ въ нартѣ и сталъ озираться кругомъ. Потомъ взглянулъ на Габая, улыбнулся и опять растянулся въ нартѣ.

— Вижу,—говоритъ онъ Габаю,—что мнѣ съ пьяныхъ глазъ, дѣйствительно, нѣчто мерещится. Ну, да наплевать! Мало ли что можетъ померещиться. Мы съ тобою, дружище, дорогой изрядно должно быть дерябнули...

Тутъ къ нартѣ подошелъ самъ чортъ и уставилъ на „секретнаго человѣка“ свои огненные, пронзительные глазища. „Секретный человѣкъ“ тоже посмотрѣлъ на него и не мигнулъ... только проговорилъ:

— Происходитъ, дѣйствительно, нѣчто любопытное. Отъ скуки постараемся объяснить явленіе это посредствомъ точной науки.

И „секретный человѣкъ“ принялся за объясненіе явленія посредствомъ точной науки и дошелъ до такой несуразности, до такой ужасти, что и самому чорту сдѣлалось жутко и онъ заткнулъ себѣ уши.

— Ну, миленькій,—говоритъ онъ Габаю, — охотникъ твой ни къ чорту не годится... Вижу я, какую ты птицу мнѣ преподнесъ. Онъ не только въ чорта, но даже и въ Бога не вѣритъ. Ишь, онъ утверждаетъ, что ни свѣта, ни тьмы, ни жару, ни холода нѣту, а все это обманъ нашихъ чувствій. Его станутъ жечь, его станутъ печь, а онъ будетъ себѣ похохатывать, да еще, пожалуй, кукишъ мнѣ показывать. Покорно благодарю!.. Онъ у меня еще и адъ

взбунтуетъ. Къ тому же онъ, какъ ты говоришь, подъ большимъ секретомъ состоитъ, а жандаровъ, чтобы за нимъ надзирать, у меня по штату не полагается. Пускай себѣ убирается, откуда явился.

— А какъ же мнѣ то быть?—произнесъ Габай, обмирая со страху.

— Какъ быть!—захохоталъ чортъ. — Душенька твоя, миленькій, должна нынче отправиться въ уготованное ей мѣсто. Поѣзжай домой, сытно покушай, сладко попей, поспи со своими мармулашками, а къ утру настанетъ тебѣ капутъ. Пора, миленькій; срокъ кончился. Покутилъ, помутилъ ты, кажется, вдоволь на свой пай.

— Вѣдь я старался, отъ души старался, всѣми силами хотѣлъ тебѣ угодить,—возопилъ Габай, плача.—Чѣмъ же я виноватъ, что не угодилъ?!

— Знаю, что ты старался, но ты вѣдь старался тоже и для себя, миленькій,—отвѣчалъ чортъ.

Габай повалился ему въ ноги, умоляя дать ему хоть небольшую отсрочку и обязуясь представить охотника въ надлежащемъ видѣ. Долго не соглашался чортъ; наконецъ, кое-какъ смиловался и говоритъ:

— Дѣлать нечего съ тобою, Габай. Вижу, что ты ошибся въ человѣкѣ, а ошибка въ фальшь даже и въ аду не ставится; ты дѣйствовалъ необлыжно, по совѣсти, не съ тѣмъ, чтобы меня обмануть. Скажи мнѣ, надѣешься ли ты доставить мнѣ охотника... ну... хоть черезъ недѣлю?

— Надѣюсь, и не одного, а цѣлую сотню.

— Я буду доволенъ и однимъ. Такъ слушай же, миленькій! Если ты не доставишь мнѣ охотника черезъ недѣлю, то тебя утащатъ живымъ въ адъ, какъ утащили

нарымскаго вахтера, т.-е. прежде чѣмъ душа твоя попадетъ въ надлежащее мѣсто, ты живымъ сгоришь въ адскомъ огнѣ, какъ нарымскій вахтеръ. Согласенъ ли ты на это?

— Согласенъ, согласенъ! Что хочешь тогда со мною дѣлай, — закричалъ Габай, — если не представлю тебѣ охотника.

— Ну, такъ прощай!

И чортъ укатилъ.

А „секретный человѣкъ“ преспокойно потягивался себѣ въ нартѣ, ему и горюшка было мало. Хотѣлось Габаю выбросить его въ снѣгъ изъ нарты, пускай бы околѣлъ, да побоялся въ отвѣтъ еще изъ-за него попасть, вѣдь всѣ видѣли, какъ онъ его увезъ съ собою, и спросятъ: „куда его дѣвалъ!“ Волей-неволей пришлось ему доставить „секретнаго человѣка“ на мѣсто.

На другой день утромъ отправился Габай въ розыски охотниковъ по тундрѣ.

Пріѣхалъ онъ къ одному знакомому остяку, которому какъ-то недавно давалъ муку. Онъ зналъ, что этотъ остякъ шибко бѣдствуетъ. Вотъ онъ и предложилъ ему продать душу русскому кулю и насулилъ ему цѣлую гору муки. Выслушалъ его остякъ, ехидно улыбнулся и говоритъ:

— Мука этого русскаго куля, которою ты меня снабдилъ, шибко нехорошая мука. Я хотя на-дняхъ и получилъ изъ мангазеи муку пополамъ съ пескомъ, какъ это водится, но она все-таки лучше той. Правда, она на зубахъ трещитъ, но брюхо отъ нея полно, какъ слѣдуетъ. Мука же русскаго куля чистѣйшая мразь, не успѣешь ею насытиться, а ее уже тю-тю! Проваливай, другъ, со своимъ русскимъ кулемъ и его мукою.

Пріѣхалъ Габай къ другому остяку, которому давалъ деньги на поправку. Онъ зналъ, что и этотъ остякъ шибко бѣдствуетъ. Габай началъ ему сулить цѣлую гору серебряныхъ и золотыхъ монетъ. Выслушалъ его остякъ и ехидно улыбнулся.

— Знаю я, другъ, эти монеты,—говоритъ онъ Габаю;— ты наградилъ меня ими въ достаточномъ количествѣ. Но не успѣлъ я ими распорядиться какъ слѣдовало, а ихъ уже тю-тю! Проваливай, другъ, со своимъ русскимъ кулемъ и его монетами.

Многіе бѣдные остяки и не прочь были послушать Габая и записать свои души чорту,. чтобы сдѣлаться богатыми, но этому воспротивились ихъ жены. Извѣстно, что наши остяки во всемъ совѣтуются со своими женами.

— Нѣтъ, нѣтъ, — закричали почти въ одинъ голосъ всѣ эти остячки Габаю.—Мужья наши разбогатѣютъ, заведутъ себѣ дюжину любовницъ, какъ и ты, почтенный, и тогда и намъ придется кулаками слезы утирать, какъ твоей бѣдной Хэть, тогда жизнь наша будетъ хуже чѣмъ въ аду. Лучше будемъ вмѣстѣ съ мужьями терпѣть нужду и горе, но зато жить душа въ душу, какъ слѣдуетъ честнымъ остякамъ. Проваливай, почтенный, со своимъ русскимъ кулемъ, пока мы кочергою тебѣ ребра не переломали.

Нѣкоторые остяки рады были бы вмѣсто себя предложить русскому кулю души своихъ женъ, но на это требовалось ихъ полное согласіе, жены же не соглашались ни за какія коврижки.

Такимъ образомъ, Габаю послѣ четырехдневныхъ странствій по тундрамъ, юртамъ и чумамъ, не удалось найти ни одного охотника въ адъ.

— Поѣду въ русское селеніе,—сказалъ себѣ Габай.—Я часто видѣлъ, какъ сибиряки за рюмку водки продавали свою совѣсть, принимая ложно присягу. За деньги отдаютъ они и женъ своихъ и дочерей. Вѣроятно, не подорожатъ и своей душенькой.

Но тутъ оказалось, что сибиряки мало вѣрятъ владыкѣ своего ада, а нѣкоторые даже и о Царѣ небесномъ не имѣютъ точнаго понятія.

— У насъ и тутъ своихъ чертей не оберешься, какъ, напримѣръ Макарка-кулакъ, али Кузька-кабатчикъ, — говорили Габаю нѣкоторые, выслушавъ его лестное предложеніе насчетъ продажи души чорту.—Они, другъ, не только повысосали у насъ всю кровь, но и повымотали душу. Чорту отъ такой души едва-ли какая-либо прибыль будетъ, едва ли онъ дастъ за нее какой грошъ. Проваливай, другъ, съ насъ тебѣ и твоему чорту, какъ видишь, взятки гладки.

Многіе изъ сибиряковъ требовали отъ Габая задатка впередъ, пока отправятся для договоровъ съ чортомъ. Въ Сибири безъ задатка ничего не дѣлается. Габай охотно давалъ задатокъ, натряхивая кучки монетъ изъ кошелька, расшитаго серебромъ и золотомъ. Онъ показывалъ даже, какъ эти монеты, по желанію, назадъ въ кошелекъ уходятъ. Сибиряки не могли надивиться чуду. Но когда Габай приглашалъ ихъ съ собою, чтобы потомъ везти *въ извѣстное мѣсто*, они показывали ему фигу.

— Самъ ты, поштенный, *аля маширъ* къ твоему владыкѣ чорту, а мы отправимся къ нашему владыкѣ Кузькѣ-кабатчику и попьемъ за твое здоровье и благополучье. Адью мусью!

Бѣдный Габай уѣзжалъ далѣе, позабывъ даже возвра-

тить монеты, выданныя въ задатокъ мошенникамъ. Совсѣмъ растерялся бѣдняга.

— Да и дуракъ же я, — говорилъ онъ самъ себѣ. — Вѣдь эти спившіеся сибиряки кончаютъ обыкновенно безъ покаянія, помирая или замерзая гдѣ-нибудь подъ заборомъ, или сгорая на улицѣ съ вина. Врядъ ли чортъ захотѣлъ бы покупать такую душу, которая должна сама, рано ли, поздно ли, попасть ему въ лапы. Вотъ тебѣ и сто охотниковъ! Что же мнѣ дѣлать? Что же мнѣ дѣлать?

Такъ и въ русскомъ селеніи не удалось бѣдному Габаю найти ни одного охотника въ адъ, и пришлось отправиться самому къ чорту съ повинной. Но вотъ что ему казалось всего хуже: приходилось заживо сгорѣть.

— Пускай бы по смерти душа моя горѣла себѣ сколько бы тамъ ей ни доводилось,—думалъ Габай,—а тутъ при жизни живымъ тѣломъ придется терпѣть огненныя мученія... Вѣдь это ужасъ что такое. Палецъ нечаянно обожжешь и то чуть съ ума не сходишь отъ боли, а тутъ со всѣхъ сторонъ будетъ тебя жечь.

При одномъ воспоминаніи объ этой мукѣ, у бѣднаго Габая по всему тѣлу пробѣгали мурашки.

— Ахъ, зачѣмъ я не померъ съ голоду!—воскликнулъ онъ въ отчаяніи.—Захотѣлось пожить. Ну и пожилъ въ сласть лѣтъ шесть. Много ли? Шесть лѣтъ... а теперь мучиться будешь за эти шесть лѣтъ вѣчно. Не дуракъ ли я былъ? и еще какой дуракъ! А всему виною Хэть. Она меня надоумила обратиться къ проклятому русскому кулю, чтобъ ей ни дна, ни покрышки!..

А Хэть себѣ и въ усъ не дула. Она знала, что Габаю наступилъ срокъ раздѣлываться съ русскимъ кулемъ и по озабоченному его виду заключала, что ему не удается

найти вмѣсто себя охотника. Ей желательно было поскорѣе избавиться отъ опостылѣвшаго мужа и зажить весело съ тѣмъ съ которымъ слюбилась.

— Черезъ меня этотъ подлечище Габай сдѣлался человѣкомъ, — говорила она своему возлюбленному. — Вѣдь я его надоумила обратиться къ русскому кулю. А какъ онъ отблагодарилъ меня?.. Ну, пускай себѣ теперь отправляется къ своему владыкѣ, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. А у насъ амбары полны муки, въ подвалахъ имѣется не одна бочка винца, а ларь набитъ до верху монетами. Хватитъ намъ на прожитье, какъ думаешь, миленькій?.. Вѣдь ты меня всегда будешь любить? Да?.. Не промѣняешь меня на какихъ-либо мармулашекъ?..

И она, какъ кошечка, начала ласкаться къ своему миленькому...

Отправился нашъ Габай, скрѣпя сердце, къ русскому кулю, чтобы преподнести ему свою душеньку. Жалко ему разставаться съ развеселою жизнью, но дѣлать нечего. Чортъ не помилуетъ, какъ не помилуетъ русскій купчина остяка, ему задолжавшаго. Сидитъ онъ въ своей нартѣ на серебряныхъ полозьяхъ, запряженной тремя бѣлыми оленями съ позолоченными рогами, сидитъ, повѣсивъ на грудь буйную свою головушку, и ничѣмъ не надѣется отвратить грозящую бѣду, разжалобить чорта.

— Э! пускай будетъ, что будетъ, когда иначе быть не можетъ,—проговорилъ, наконецъ, онъ самому себѣ и повернулся на бокъ, бросивъ съ досадой хорей и опустивши возжи. Ему словно спать захотѣлось, до того онъ измучился печальными думами. Но какъ ни ворочался онъ, какъ ни прикладывался къ туеску, разукрашенному цвѣтной слюдой, а не могъ уснуть.

Вдругъ, олени остановились. Поднялся Габай и видитъ остяцкій чумъ. Около чума, по обыкновенію, амбарчикъ; изъ чума поднимается струйкой легкій дымокъ. Значитъ, въ чумѣ живутъ. Ночь уже начинается, была днемъ небольшая вьюга, но унялась.

Вылѣзъ Габай изъ нарты, заглянулъ въ амбарчикъ, дверцы отперты, а внутри пусто,—знать живетъ въ чумѣ бѣднота.

Дѣйствительно, тамъ былъ бѣдный остякъ Колинъ съ женою Нырмой. Уже двѣ недѣли они ничего не ѣли. Остякъ кое-какъ еще крѣпился, но остячка совсѣмъ распустилась. Она бы давно уже скончалась, но мужъ рѣзалъ себѣ руку и давалъ женѣ сосать свою кровь [30]); этимъ и поддерживалъ въ ней жизнь. Онъ готовъ былъ для нея всю свою кровь выпустить, такъ онъ ее любилъ.

Подошелъ Габай ко входу въ чумъ, слышитъ людской разговоръ и началъ вслушиваться. И слышитъ онъ, Нырма говоритъ Колину:

— Люди сказываютъ, будто Габай русскому кулю душу свою отдалъ и теперь живетъ себѣ въ полное свое удовольствіе, а прежде былъ такой же бѣднякъ, какъ и мы, также помиралъ съ голоду, какъ и мы.

— И я бы отдалъ душу свою русскому кулю, да не знаю, гдѣ его взять,—отвѣчаетъ Нырмѣ Колинъ.

— Эге, — подумалъ Габай, — тутъ что-нибудь можетъ выйти и для меня хорошее.

Онъ быстро вошелъ въ юрту.

— Что за люди здѣсь?—спросилъ онъ Колина.

— Мы бѣдные люди, очень бѣдные, — отвѣчалъ Ко-

---

[30]) Это не выдумка.

линъ,—умираемъ съ голоду. Моя милая жена давно уже померла бы, еслибы я не поилъ ее своей кровью.

— Какъ это... своей кровью.

— Вотъ какъ.

Тутъ Колинъ показалъ порѣзъ на своей рукѣ, изъ котораго посочилась кровь, и Нырма начала ее сосать.

Страннымъ показалось Габаю, что этотъ бѣдный остякъ, голодая, вмѣсто того, чтобы пить женину кровь, поитъ ее своею. Этого онъ въ башкѣ своей не могъ умѣстить.

Посмотрѣлъ онъ на этихъ несчастныхъ, долго не сводилъ съ нихъ глазъ и, наконецъ, ему ихъ жалко стало, до того жалко, что онъ даже прослезился. Слезы такъ и покатились на его грудь.

Габай въ сущности былъ добрякъ, какъ и каждый остякъ, а злобную дурь противъ людей только напускалъ на себя,—то ли для форсу, то ли по-глупости.

— Бѣдные, бѣдные вы люди!—проговорилъ онъ, наконецъ.—Постой, милая, перестань истощать мужа,— обратился онъ къ Нырмѣ,—брось сосать его кровь. Покушай лучше это. Давай руку!

Нырма протянула ему руку, и онъ изъ панеширика, расшитаго цвѣтнымъ шелкомъ, насыпалъ ей полную горсть муки.

Остячка начала ее слизывать, какъ нѣкогда это дѣлала Хэть.

Затѣмъ онъ подалъ ей и самый панеширикъ.

— Возьми этотъ панеширикъ,—сказалъ онъ ей,—съ нимъ ты никогда не будешь голодать, и всегда изъ него будетъ сыпаться мука, когда захочешь.

— Ты не русскій ли куль?—спросилъ Колинъ Габая.— Только русскій куль имѣетъ такіе чудесные панеширики.

— Я не русскій куль, а Габай. Вы развѣ не знаете меня?

— Не знаемъ, а только слыхали о тебѣ.

— Что же вы обо мнѣ слыхали?

— Что будто ты душу отдалъ русскому кулю. Я и самъ бы это сдѣлалъ, да не знаю, гдѣ этого куля взять. Объ этомъ мы съ женою сейчасъ толковали. Если это правда, то научи и меня, какъ сдѣлать, чтобы повидаться съ русскимъ кулемъ, чтобы ему продать свою душу и избавиться отъ нужды и голода.

Задумался Габай, крѣпко задумался. Жалко ему стало предавать бѣднаго Колина адскимъ мученіямъ. Вспомнилъ онъ свою жизнь, какую велъ, продавъ душу русскому кулю. Нечего сказать, жизнь эта ему казалась чрезвычайно пріятной, а все-же-таки она не стоила тѣхъ мученій, которыя ему предстоятъ, когда его вѣчно будутъ жечь и печь, а онъ будетъ кричать благимъ матомъ и никто не сжалится надъ нимъ. Но ему и себя не менѣе было жалко. Вѣдь посредствомъ этого бѣднаго остячины онъ можетъ получить отсрочку. Наконецъ, онъ сказалъ самому себѣ рѣшительно.

— Нѣтъ, нѣтъ! Пускай эти бѣдные живутъ себѣ съ миромъ, пускай обойдутся и безъ русскаго куля. Что отсрочка моя? Отсрочка на годъ, а тамъ, пожалуй, на другой, третій, если удастся найти охотниковъ,—все-таки, въ концѣ-концовъ—адъ. Пускай же я мучусь одинъ и не буду губить бѣдныхъ людишекъ. Никто на меня не станетъ плакаться.

Такъ онъ сказалъ себѣ, и слезы опять покатились по его малицѣ. Онъ вышелъ изъ чума и направился къ своей нартѣ. Но не успѣлъ онъ къ ней дойти, какъ уже опять

захотѣлось ему отсрочки. Видно, своя рубашка ближе къ тѣлу, а тѣло Габая шибко трусило огня.

Габай воротился въ чумъ.

— Искренно ли ты желаешь запродать душу свою русскому кулю?—спросилъ онъ Колина.

— Искренно, — отвѣчалъ тотъ. — Мнѣ хочется спасти жену мою отъ нужды и доставить ей всякія радости въ жизни. Я люблю ее больше, чѣмъ свою душу.

— Вѣдь это тебѣ достанется не даромъ. Ты пойдешь въ адъ, тамъ тебя вѣчно будутъ жечь и печь, милый мой.

— Пускай жгутъ, пускай пекутъ, пускай, что хотятъ надо мной выдѣлываютъ, лишь бы милая моя Нырма жила въ довольствѣ.

— А когда мужу срокъ кончится, — отозвалась Нырма, — то я попрошу русскаго куля его отпустить, а меня взять.

Опять Габаю сдѣлалось ихъ жалко.

Опять пошелъ онъ изъ чума, но у выхода остановился.

— Ну, такъ собирайся, — сказалъ онъ Колину со вздохомъ. — Я тоже ѣду къ русскому кулю. Поѣдемъ вмѣстѣ.

Поѣхали. Ѣхали, ѣхали, наконецъ и пріѣхали къ *извѣстному мѣсту*. Чортъ уже тамъ.

— Поздненько же, миленькій,—сказалъ онъ Габаю.— Я думалъ, что ты совсѣмъ забылъ свой срокъ.

— Виноватъ! — говоритъ Габай. — Маленько замѣшкался.

— Ничего. Какъ дѣла? Нашелъ ли охотничка?

— Есть,—говоритъ Габай.

— Давай его поскорѣе. Мнѣ некогда съ вами возиться.

Габай подвелъ Колина къ чорту.

— Ты, миленькій, знаешь кто я? — спросилъ Колина чортъ.

— Догадываюсь,—отвѣчалъ Колинъ, дрожа со страха.

— Кто же я по-твоему?

— Русскій куль.

— Вѣрно. Не бойся, миленькій. Я не такой страшный, какимъ меня русскіе малюютъ. Смотри смѣло на меня. Вѣрно ли, искренно ли, ты, миленькій, хочешь продать мнѣ свою душеньку?

— Имѣю самое искреннее и твердое намѣреніе,—отвѣчалъ Колинъ.

А все-таки дрожь его пробирала. Вѣдь, какъ хотите, господа, а съ чортомъ, какой бы онъ ни былъ, имѣть дѣло не хуже, чѣмъ съ господиномъ засѣдателемъ.

— Эй, мои слуги вѣрные,—обратился чортъ къ своимъ маленькимъ кулямъ. — Разстелите-ка намъ тутъ полазъ. Живѣе!

Маленькіе кули мигомъ притащили изъ нарты полазъ, расшитый шелками и бисеромъ, и разостлали его на снѣгу. Чортъ усѣлся и посадилъ Габая рядомъ съ собою.

— Садись и ты, миленькій,— обратился онъ къ Колину.—Только прежде сними съ себя крестъ.

— У меня креста нѣтъ.

— Почему, миленькій? Забылъ надѣть его, или потерялъ?

— Никогда у меня его не было.

— Какъ никогда?

— Я, вѣдь, некрещеный.

Чортъ посмотрѣлъ сначала на Колина, потомъ на Габая. Наконецъ, говоритъ:

— Ну, Габай, видно не миновать тѣлу твоему заживо здороваго огня... И этотъ твой охотничекъ ни къ чорту не годится. Онъ некрещеный, миленькій ты мой.

Тутъ чортъ привсталъ, схватилъ рукою за уголъ полаза, дернулъ, и миленькій Габай, сдернутый съ полаза, полетѣлъ въ снѣгъ.

Поднявшись, онъ обратился къ чорту:

— Прости меня! Я вѣдь не зналъ, что ты некрещеныхъ не принимаешь.

— Да ты что, ребенокъ что-ли? На что мнѣ души некрещеныхъ, когда у нихъ свой адъ, и свои кули? Если бы я принялъ некрещеную душу, то на меня бы взъѣлись кули другихъ вѣръ, другихъ адовъ. Они бы меня просто растерзали.

— Сдѣлай милость, батюшка!—завопилъ Габай.—Помилосердуй! Дай еще мнѣ сроку денька на три; авось, я исправлюсь.

— Не могу!—отвѣчалъ чортъ рѣшительно.

— Ну, хоть на два дня!

— Не могу.

— Хоть на одинъ день!

— Ни на одинъ часъ.

Чортъ мигнулъ маленькимъ кулямъ, и тѣ набросились на Габая. Напрасно онъ открещивался и руками и ногами; кончилось тѣмъ, что ему связали и руки, и ноги, и уложили въ нарту... Одинъ изъ кулей пошелъ къ нартѣ Габая и притащилъ туесокъ, обложенный цвѣтной слюдой. Другой изъ кулей, обшаривъ около Габая, заявилъ, что кисетъ и кошелекъ имѣются при немъ за пазухою, а хлѣбнаго панеширика нѣтъ.

— Ничего, узнаемъ послѣ, гдѣ онъ,—отвѣчалъ на это чортъ.—Гайда!

И нарта съ черными оленями, чортомъ, Габаемъ и маленькими кулями-скороходами быстро помчалась. На *извѣстномъ мѣстѣ* остался Колинъ и пустая нарта Габая съ бѣлыми оленями. Постоялъ Колинъ немного, но ничего въ томъ, что тутъ произошло, понять не могъ, кромѣ того, что Габая утащили черти куда-то,—вѣроятно, въ адъ. Пожалѣлъ онъ его отъ души, затѣмъ сѣлъ въ габаевскую нарту и отправился въ свой чумъ. Подъѣхавши къ чуму, онъ вылѣзъ изъ нарты, прикрикнулъ на оленей, и тѣ помчались домой.

А Нырма уже изъ панеширика, расшитаго цвѣтнымъ шелкомъ, насыпала изрядную кучу муки, напекла лепешекъ и приготовила бурдукъ. И хотя этотъ бурдукъ былъ заваренъ на простой водицѣ, но онъ показался Колину слаще меду.

Разсказалъ Колинъ женѣ, что съ Габаемъ приключилось, и оба они заплакали надъ судьбою Габая, надѣлившаго ихъ чудеснымъ панеширикомъ.

Между тѣмъ, бѣлые олени съ золочеными рогами привезли къ воротамъ усадьбы Габая пустую нарту съ серебряными полозьями. Хэть, узнавши объ этомъ, запрыгала отъ радости, забила въ ладоши, позвала своего милаго и наемныхъ работниковъ и заявила имъ, что хозяина, Габая, опостылѣвшаго ей мужа, утащилъ въ адъ русскій куль, которому онъ давно запродалъ свою душу, что теперь она одна здѣсь полная хозяйка, что они должны слушаться ее во всемъ безпрекословно, служить ей вѣрно и нелицемѣрно, какъ служили Габаю, и что она каждому воздастъ по заслугамъ. Обиженнымъ никто не будетъ. Работники

поздравили ее съ благополучіемъ, пропѣли ей многолѣтіе и трижды закричали „ура!“ Не поздравляли ее и ничего ей не пожелали однѣ лишь мармулашки Габая. Но Хэть, немедля, распорядилась выгнать ихъ за ворота. Послѣ этого, она со своимъ миленькимъ устроила такую знатную пирушку, какую устроилъ нѣкогда Габай, на новосельѣ, послѣ перехода изъ жалкаго лунгъ-хорнота въ хоромину, построенную по образцу живодеровской,—когда онъ впервые наполнилъ амбаръ доверху мукою, заставилъ погребъ бочками съ виномъ, а ларь набилъ серебряными и золотыми монетами.

А связанный Габай все мчится и мчится съ чортомъ въ одной нартѣ, запряженной черными оленями, съ маленькими скороходами по бокамъ. Лежа въ нартѣ русскаго куля, связанный по рукамъ и ногамъ, Габай началъ обдумывать свою жизнь, которую велъ, запродавъ душу свою этому кулю. Ему становилось стыдно, что онъ, имѣвъ средства сдѣлать много добра людямъ, только издѣвался надъ ними и, вмѣсто благодарности, получалъ проклятія.

— Да, — сказалъ онъ самому себѣ, — никто меня не помянетъ добрымъ словомъ. Подлецъ, душепродавецъ, — только и будетъ слышаться вѣкъ. Не послушался я Хэть, а вѣдь она совѣтовала недурно. По дѣламъ мнѣ теперь и мука!..

Тутъ онъ вспомнилъ про Колина и его жену. Несчастнѣе ихъ онъ не могъ себѣ вообразить. Жалость опять въ немъ заговорила, и изъ глазъ его покатились слезы. Онѣ застыли у него на груди, на малицѣ, словно бисеринки.

— Русскій куль,—началъ снова говорить себѣ Габай,—

вѣроятно, станетъ спрашивать меня, гдѣ его хлѣбный панеширикъ и кому я его отдалъ? Ни за что я ему не скажу этого. Пусть я сгорю живой на медленномъ огнѣ, пускай буду горѣть по смерти вѣчно, но не скажу. По крайней мѣрѣ, на свѣтѣ останется двое бѣдняковъ, которыхъ я спасъ отъ голода и которые не перестанутъ благословлять всесвѣтнаго подлеца Габая!

Такъ говорилъ себѣ Габай и съ той минуты сталъ спокойно уже ожидать своей участи, какая бы тамъ ни послѣдовала.

Наконецъ, нарта съ связаннымъ Габаемъ остановилась на краю преогромной котловины. На этой котловинѣ въ тысячѣ мѣстахъ взвивалось столбами пламя изъ большихъ котловъ, наполненныхъ горящей сѣрой и смолой. Изъ этой котловины раздавались ужасные вопли, стоны, крики, визгъ, пискъ, смѣшиваясь съ зубовнымъ скрежетомъ.

Надъ этой котловиной, черными клубами, словно тучами, носился удушливый дымъ, смѣсь гари, запаха сѣры и смолы.

По краямъ этой котловины расхаживали, словно часовые, здоровенные кули съ желѣзными вилами въ рукахъ; они всѣ были черные, какъ будто сейчасъ вылѣзли изъ печной трубы.

Это-то котловина, господа, и былъ адъ.

Изъ нарты выскочилъ чортъ и приказалъ маленькимъ кулямъ развязать Габая.

Усѣвшись на краю котловины, чортъ поманилъ Габая къ себѣ рукою.

— Подойди сюда, миленькій, — сказалъ онъ ему сладенькимъ голосомъ.—Пока что будетъ, мы кое-о-чемъ потолкуемъ съ тобою.

Габай подошелъ.

— Садись, миленькій, тутъ около меня.

— Постою,—говоритъ Габай.

— Это адъ, — произнесъ чортъ, указывая на огнемъ дышащую котловину.

— Догадываюсь, что это онъ,—отвѣчалъ Габай.

— Присмотрись къ нему, миленькій, хорошенько.

Габай началъ присматриваться.

Около пылающихъ огнемъ котловъ стояли наковальни, на которыхъ одни кули въ желтыхъ куртках растягивали за руки и ноги грѣшниковъ, а другіе въ красныхъ куртках, вооруженные молотами, съ хохотомъ размозжали несчастныхъ, затѣмъ ихъ бросали въ котлы съ кипящей сѣрой и смолой, гдѣ размозженные ихъ члены опять срослись какимъ-то чудомъ. Тогда желтые кули вытаскивали ихъ изъ котловъ, снова распластывали на наковальняхъ, а красные кули снова начинали ихъ обработывать своими молотами.

Были тамъ также и ступы, въ которыхъ толкли грѣшниковъ цѣлыми кучами, какъ у насъ толкутъ ячмень или гречу, и, отбивши у нихъ тѣло отъ костей, бросали остовы въ котлы съ кипящей сѣрой и смолой, гдѣ на нихъ снова наростало тѣло для того, чтобы его снова отбивали отъ костей. Иныхъ распиливали пилами на нѣсколько частей; части эти бросали въ котлы, гдѣ онѣ срослись, и снова ихъ распиливали.

Маленькіе кули, въ родѣ тѣхъ скороходовъ, которые сопровождали чортову нарту, копошились повсюду, словно мураши, и то и дѣло подбавляли въ котлы сѣру или смолу.

А что тамъ съ бѣдными бабенками выдѣлывали, такъ

это просто ужасъ. Однихъ сажали на колы, какъ, говорятъ, турки сажали болгаръ, но колы эти были не деревянные, а желѣзные, до бѣла раскаленные, и тѣ сидѣли на колахъ до тѣхъ поръ, пока не превращались въ уголь. Тогда опять ихъ бросали въ котлы кипящей сѣры и смолы, гдѣ онѣ опять получали прежнія тѣлеса и затѣмъ предавались новымъ мученіямъ. Другихъ нанизывали по нѣсколько штукъ на длинный вертелъ и надъ огнемъ медленно жарили ихъ, какъ куропатокъ. И все это сопровождалось злобнымъ хохотомъ и злѣйшими шутками. За что въ чертяхъ могла проявиться такая ненависть и злоба къ прекрасному полу, неизвѣстно. Видно, бабы имъ изрядно насаливаютъ. Между тѣмъ, русская пословица говоритъ, что гдѣ чортъ самъ ничего не успѣетъ сдѣлать, туда непремѣнно пошлетъ бабу. По этой пословицѣ выходитъ, что бабы чертямъ большія пособницы. За что же черти такъ неделикатно съ ними обращаются? Видно, пословица эта вретъ, какъ и многія другія пословицы. Мнѣ кажется, господа, что если бы не было бабъ, то всѣ мужчины превратились бы въ чертей, и тогда на свѣтѣ не было бы людей, а одни лишь черти. Бабы-то и не даютъ людямъ *очертоватиться*.

Габай, какъ ни присматривался, а ни одной чертовки не видалъ. Это его даже заинтересовало.

Въ то время какъ Габай присматривался къ аду, со всѣхъ сторонъ налетали новые грѣшники и грѣшницы; черные кули, расхаживавшіе по краямъ котловины, безъ всякаго разсужденія, подхватывали ихъ на свои желѣзныя вилы и швыряли ихъ въ середину котловины, откуда вслѣдъ за этимъ раздавался вопль или визгъ и присоединялся къ общему адскому концерту.

— Ну, что, каковъ мой адъ?—спросилъ Габая чортъ, когда онъ достаточно насмотрѣлся на всѣ прелести ада.— Не шибко въ немъ хорошо? Какъ думаешь, миленькій?

— Прескверно, что и говорить!—отвѣчалъ Габай.

— То-то и есть. Мучатъ тутъ бѣдненькихъ, и тебя, миленькій, станутъ мучить.

— Что же дѣлать, если я это заслужилъ.

— Но я, миленькій, могу какъ-нибудь облегчить тебѣ твои мученія. Только ты долженъ быть совершенно откровененъ со мною. Но что это у тебя за бисеринки на груди, на малицѣ?

Габай взглянулъ на грудь и увидѣлъ, что на малицѣ застыли его слезы.

— Это слезы застыли,—отвѣчалъ онъ.—Я плакалъ и слезъ не утиралъ, потому что у меня руки были связаны.

— Прегадкія бисеринки, — воскликнулъ чортъ, — съ ними въ адъ не ходятъ. Смахнуть ихъ!—обратился онъ къ маленькому кулю, стоявшему ближе другихъ къ Габаю.

Тотъ подошелъ и кончикомъ своего хвостика началъ смахивать съ малицы застывшія слезы Габая. Но одна, крупнѣе другихъ, вмѣсто того, чтобы свалиться на землю, поднялась кверху и тамъ, поднимаясь все выше и выше, превратилась въ бѣлую птичку, похожую на голубя, и исчезла въ вышинѣ. Чортъ съ какимъ-то остервенѣніемъ бросился къ маленькому кулю, ударилъ его по головѣ кулакомъ такъ, что съ головы бѣдняжки рожки свалились, затѣмъ схватилъ за хвостъ и швырнулъ его въ самую середину котловины. Раздался пронзительный писк, и только и осталось отъ бѣднаго куля. Чортъ просто былъ внѣ себя, словно душа Габая, о которой онъ столько потрудился, улетѣла отъ него этой бѣлой птичкой. Долго

онъ сидѣлъ, ничего не говоря. Наконецъ, обратился къ Габаю:

— Послушай, миленькій. Я надѣлилъ тебя чудеснымъ панеширикомъ, изъ котораго постоянно сыплется мука. Его при тебѣ не оказывается. Скажи же, миленькій, куда ты его дѣвалъ? Кому ты его отдалъ?

— Обронилъ... потерялъ,—отвѣчалъ Габай, собираясь съ духомъ.

— Врешь, миленькій! Вѣрно, кому-нибудь ты его отдалъ. Вѣдь я узнаю.

— Коли узнаешь, такъ тебѣ нечего меня спрашивать,—отвѣчалъ Габай, набираясь больше и больше твердаго духа.

— Тебѣ нечего таиться, миленькій. Мнѣ хочется, чтобы ты мнѣ сказалъ правду, о чемъ я буду спрашивать. Кто лжетъ, тому и въ аду хуже. Поэтому у меня каждаго новичка допрашиваютъ и по мѣрѣ его правдивости назначаютъ ему мѣсто.

— Видѣлъ я, какъ ихъ допрашиваютъ,—отвѣчалъ Габай.—Едва подходятъ къ аду, какъ ихъ твои черные кули подхватываютъ на свои вилы и безъ всякихъ спросовъ и передопросовъ бросаютъ въ пламя.

— Это все отъявленные лгуны, отъ нихъ правды ни за что не добьешься. Но мнѣ хочется, чтобы ты, миленькій, сказалъ мнѣ правду. Говори же, куда ты дѣвалъ мой панеширикъ?

— Обронилъ... потерялъ, — отвѣчалъ Габай съ твердостью.

— Эхъ, какой ты, право!.. Жаль мнѣ тебя, миленькій. Ты своимъ запирательствомъ себѣ много вредишь. А если мнѣ скажешь правду, то я могу тебѣ большое

облегченіе сдѣлать... Конечно, ада тебѣ не миновать, но я могу сдѣлать такъ, что и адъ тебѣ будетъ сносенъ... Скажи же, гдѣ мой панеширикъ?

— Обронилъ... потерялъ, — говоритъ Габай, съ такой твердостію, что и самъ ей удивился.

— Какой же ты недобрый, миленькій! Я никому еще такого снисхожденія, какъ тебѣ, съ тѣхъ поръ какъ адъ стоитъ, не дѣлалъ, а ты не хочешь исполнить моей просьбы... Нѣтъ, нѣтъ, я надѣюсь, что ты не будешь такой неблагодарной свиньей.

Тутъ чортъ сталъ на колѣни передъ Габаемъ.

— Видишь, до чего я унижаюсь передъ тобою... Подумай самъ! Я, владыка ада, —милліоны грѣшниковъ мучатся по моему распоряженію, а я стою передъ тобою на колѣняхъ, умоляю тебя для твоего же добра, скажи правду: куда дѣвалъ панеширикъ? даже готовъ заплакать передъ тобою.

Чортъ, дѣйствительно, заплакалъ. Слезы такъ и потекли по рожѣ его рѣкою, словно въ большихъ глазищахъ его открылись шлюзы. При этомъ онъ сдѣлалъ такую жалобную гримасу, что, казалось, всякаго разжалобилъ бы до слезъ. Но это, вмѣсто того, чтобы тронуть Габая, укрѣпило его пуще прежняго. Ему до того показалась смѣшна скорбная рожа чорта, что онъ захохоталъ.

Чортъ вскочилъ на ноги.

— Такъ ты не скажешь мнѣ, гдѣ панеширикъ? Не скажешь?

— Сказано уже, что обронилъ, потерялъ. Больше отъ меня ты ничего не добьешься. Что хочешь, то и дѣлай со мною.

— Подлецъ же ты послѣ этого, Габай, большой под-

лецъ, а я думалъ, что ты хорошій человѣкъ. Но видно съ тобой ничего не подѣлаешь.

Тутъ онъ повернулъ задомъ Габая, и схвативъ его за плечи, наклонилъ голову къ правому его уху и прошепталъ:

— Слушай же меня, подлечище! „Если бы люди всегда жалѣли другъ друга, были снисходительны къ слабостямъ одинъ другого, а не ѣли поѣдомъ другъ друга, то не было бы никакого чорта, не было бы никакого ада, а былъ бы только одинъ рай на землѣ".

Затѣмъ, наклонясь къ лѣвому уху Габая, проговорилъ громкимъ голосомъ:

— Убирайся, подлечище! Кто имѣетъ въ сердцѣ хоть каплю жалости къ ближнимъ, тому въ аду моемъ нѣтъ мѣста!..

Проговоривъ это, чортъ весьма неполитичнымъ образомъ поддалъ сзади колѣномъ, и Габай стрѣлою помчался по воздуху.

Долго ли онъ летѣлъ—неизвѣстно, но ему показалось, что очень долго. Знать, этотъ проклятый адъ не близко. Но вотъ онъ началъ помаленьку опускаться все ниже и ниже, и, наконецъ, совсѣмъ спустился на землю.

Осмотрѣлся кругомъ Габай,—все знакомыя мѣста, а тутъ недалеко виднѣются и его хоромины. Не чуя ногъ подъ собою, онъ направился къ нимъ. Ворота отперты настежь, на дворѣ множество нартъ, слышны многіе голоса въ хоромінахъ, даже музыка и пѣсни.

Гулянка и здоровая гулянка.

— Вотъ какія поминки справляетъ по мнѣ Хэть,— говоритъ себѣ Габай и направляется къ крыльцу.

Но вдругъ на крыльцо выбѣжала Хэть со своимъ любовникомъ, а за нею высыпала толпа полупьяныхъ гостей.

— Честные господа!—закричала Хэть, съ яростію поглядывая на Габая.—Видите вы этого человѣка? Онъ былъ когда-то моимъ мужемъ, но, какъ вамъ извѣстно, его давно уже чортъ утащилъ въ адъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ удралъ изъ ада,—вѣдь, онъ такой плутина, какого свѣтъ еще не видалъ. Чортъ непремѣнно сюда явится за бѣглецомъ и, пожалуй, еще и меня утащитъ въ адъ, за то, что я дамъ пріютъ бѣглецу. Защитите меня, честные господа! Помогите мнѣ прогнать его отсюда, не то будетъ бѣда и мнѣ, и всѣмъ вамъ; вѣдь съ чортомъ шутить опасно.

Тутъ Хэть схватила палку, любовникъ ея другую, гости ея вооружились тоже чѣмъ попало, и всѣ двинулись на Габая.

Габай, увидя такую скверную политику со стороны своей благовѣрной, подхватилъ на землѣ обломокъ какой-то нарты и началъ отбиваться отъ сыпавшихся на него ударовъ. И хотя многимъ досталось отъ него на орѣхи, однако, все-таки, пришлось ему ретироваться. Но едва онъ перешагнулъ за ворота, какъ Хэть со своимъ любовникомъ заперли ихъ наглухо. Послѣ этого Хэть, выставивъ голову изъ-за ограды, закричала Габаю:

— Убирайся, подлецъ, въ свой адъ, нѣтъ тебѣ мѣста здѣсь, нѣтъ и твоихъ мармулашекъ. Проводила давно я ихъ съ честью за ворота по шеямъ. *Аля маширъ* къ своему владыкѣ, подлецъ, а сюда не смѣй и близко подходить.

Дѣлать Габаю тутъ было нечего послѣ такой милой встрѣчи въ собственномъ домѣ. Отправился онъ къ Колину. Приходитъ.

— Здравствуй, милый другъ!—говоритъ ему Колинъ.—Очень, очень радъ я увидѣть тебя живымъ и здоровымъ. Вотъ твой чудесный панеширикъ. Извини, что я безъ тво-

его соизволенія натрушивалъ изъ него муку, больше чѣмъ для меня самого требовалось. Бѣдность одолѣвала меня, жалко было.

— Пусть этотъ панеширикъ остается у тебя. Будемъ вмѣстѣ съ тобою натрушивать изъ него муку и спасать бѣдняковъ отъ голода,—сказалъ Габай.

— Спасибо, другъ, тебѣ за благое намѣреніе,—сказалъ Колинъ.—Я очень радъ, что у тебя такая жалость къ бѣднымъ, какую ты намъ оказалъ. Мы съ женою шибко плакали, боялись, чтобы тебѣ не сдѣлалъ чего-либо дурного этотъ русскій куль, который тебя было схватилъ.

— Будемъ жалостливы другъ къ другу, помогать другъ другу,—отвѣчалъ Габай,—и тогда ни русскіе, ни тунгузскіе кули намъ никакого чорта не сдѣлаютъ.

Габай поселился у Колина, и они занялись снабженіемъ бѣдныхъ остяковъ мукою изъ хлѣбнаго панеширика, который до самой ихъ смерти не терялъ своего волшебнаго свойства.

Мѣсяца черезъ три или четыре послѣ того, какъ Габай поселился у Колина, пришла въ чумъ Колина какая-то бѣдная остячка, хотя еще и не слишкомъ старая, но изнуренная нуждою и горемъ. Она со слезами молила его дать ей панеширъ муки и объяснила, что она несчастная вдова чуть не умираетъ съ голоду. Колинъ велѣлъ ей пойти въ амбарушку, гдѣ находился Габай, нагребая муку какому-то другому бѣдняку.

Эта бѣдная остячка была Хэть. Габай ее узналъ, и она узнала его.

— Что же это съ тобою приключилось?—спросилъ онъ Хэть.

Хэть молчала и долго не отвѣчала на его вопросы.

Наконецъ, видя, что онъ пристаетъ къ ней съ искреннимъ участіемъ, а не со злобнымъ любопытствомъ, говоритъ:

— Случилось со мною то, что случается съ каждой пожилой женщиной, заводящей себѣ молодого любовника. Любовникъ мой, сдѣлавшись послѣ тебя, благодаря моей слабости, полнымъ господиномъ въ домѣ, скоро завелъ себѣ тѣхъ же самыхъ мармулашекъ, которыя находились у тебя, и съ которыми онъ имѣлъ тайно знакомство еще при тебѣ, а меня, когда я стала его упрекать, прогналъ въ шею. Я пріютилась у одной бѣдной знакомой мнѣ остячки, а у любовника пошла гулянка за гулянкой, и вотъ въ одной гулянкѣ, кто-то, пьяный, заронилъ огонь, ночью сдѣлался пожаръ, и вся наша усадьба съ амбарами и кладовыми сгорѣла до тла, сгорѣлъ и мой любовникъ съ мармулашками и гостями. Такъ ему, подлецу, и надо. Хорошо было бы, если бы и я сгорѣла.

— Что же теперь будетъ съ тобою?—спросилъ Габай.

— Не знаю,—отвѣчала Хэть, потупившись.

Наконецъ Габай подумалъ.

— Какая бы ни была жена, все-таки она во многихъ случаяхъ лучше любовницы. Она меня не обманывала, а тѣ, какъ видно, меня дурачили.

— Послушай, Хэть,—сказалъ онъ,—я много виноватъ передъ тобою, прости ты меня.

— А ты меня прощаешь?—спросила Хэть, посмотрѣвъ на него задорно и плутовато, какъ она иногда умѣла смотрѣть.

— Обо мнѣ нечего спрашивать, — отвѣчалъ Габай. — Станемъ жить мирно и любовно, какъ жили до тѣхъ поръ, пока я не связался съ русскимъ кулемъ. Голодать, надѣюсь, теперь не будемъ.

Тутъ Габай разсказалъ ей все, что съ нимъ приключилось съ той поры, какъ онъ отправился къ русскому кулю, потерявъ надежду на отсрочку, и какимъ чудомъ избавился отъ ада.

— Дивны мнѣ,—сказала Хэть, выслушавъ со вниманіемъ все, что ей повѣдалъ Габай, — твои приключенія, но дивнѣе всего, какимъ образомъ твоя слеза превратилась въ птичку. Это уже совсѣмъ изъ рукъ вонъ.

— Эхъ ты, глупенькая,—отвѣчалъ Габай.—Знать, моя душа, которую я запродалъ русскому кулю, устрашилась адскихъ мученій, ей некуда было дѣваться, она и вылилась изъ меня слезою, а потомъ, превратившись въ бѣлую птичку, удрала на небо. Оттого-то чортъ страшно разсердился на маленькаго куля, упустившаго эту душу, и какъ ни финтилъ потомъ со мною, не могъ уже ее достать, потому что ея во мнѣ уже не было, я уже совсѣмъ не думалъ о себѣ, а только о бѣдномъ Колинѣ и его бѣдной женѣ,—словно меня больше не существовало. Вотъ оно какъ.

— Пожалуй, что такъ,—проговорила Хэть.—Значитъ, ты пожалѣлъ Колина, и этимъ спасся отъ ада. Не говорила ли я тебѣ, что лучше дѣлать добро людямъ, чѣмъ зло?.. Если бы ты меня послушалъ, то можетъ быть чортъ никакого доступа къ тебѣ не имѣлъ, прожили бы мы съ тобою вѣкъ мирно и счастливо, дѣлали бы другихъ счастливыми и посмѣивались бы надъ русскимъ кулемъ. Нѣтъ, тебѣ надо было издѣваться надъ людьми, и еще надъ женою. Вишь, какой ты хорошій былъ.

— Чего вспоминать объ этомъ; я былъ подлецъ и больше ничего, — воскликнулъ Габай. — Пойдемъ-ка въ чумъ.

— Вотъ моя жена Хэть,—сказалъ онъ Нырмѣ.—Прошу любить и жаловать, какъ русскіе говорятъ.

— Значитъ, вы примирились?—радостно воскликнула Нырма.

— Это хорошо, шибко хорошо,—отозвался Колинъ.

Колинъ и Нырма слышали, какъ любовникъ Хэть расплатился съ нею за ея ласки и какъ сгорѣлъ онъ со всѣмъ имѣніемъ Габая. Но они не говорили о томъ Габаю, боясь его опечалить.

Габай, по совѣту Колина и Нырмы, согласился устроить пиръ, чтобы достойно отпраздновать свое примиреніе съ Хэть, и пиръ вышелъ знатный. И я на пиру томъ былъ, винцо пилъ, свѣжей оленьей печенкой закусывалъ, и все, что о Габаѣ и Хэть узналъ, все это, господа, дочиста вамъ разсказалъ.

— Спасибо, что тебѣ никто врать не помѣшалъ,—замѣтилъ, смѣясь, Василій Петровичъ.

— Двойное спасибо, господа, — отозвался Юрко, и поклонившись, отправился въ казарму спать.

Вскорѣ и мы послѣдовали его примѣру.

Лѣтомъ 189* года мнѣ пришлось провести болѣе мѣсяца надъ рѣкою Обью. Случилось это по приглашенію одного моего пріятеля, стараго холостяка, томскаго купца, арендовавшаго тамъ рыболовные „пески“ у остяковъ.

Узнавши, что я намѣренъ былъ переселиться на все лѣто изъ города въ деревню, пріятель мой предложилъ мнѣ перебраться къ нему. „У меня тутъ настоящая дача,—писалъ онъ мнѣ,—увидишь, какъ славно проведешь здѣсь лѣто. Тутъ и рѣка и о-бокъ тайга. Хочешь—катайся по

синимъ волнамъ, хочешь — шляйся съ ружьемъ по лѣснымъ трущобамъ. Или полеживай себѣ съ сигарой въ зубахъ на солнышкѣ или въ тѣни, на чистомъ воздухѣ,— и хорошо и здорово. Не то, что въ какой-либо деревнѣ, заваленной навозомъ, падалью и всякой гадостью".

Я съ охотой принялъ приглашеніе и отправился изъ Томска въ Тобольскую губернію, на „пески" моего пріятеля, котораго буду называть Василіемъ Петровичемъ. У него, дѣйствительно, оказался тамъ хорошенькій домикъ съ огромной залой, называемой конторой, и двумя маленькими комнатами. Въ одной изъ нихъ помѣщался Василій Петровичъ, а другая предназначена была всецѣло мнѣ.

По прибытіи моемъ на эти пески, я невольно увлекся видомъ чисто дѣвственной природы. Передо мною съ одной стороны рѣка, разлившаяся такъ, что невозможно было увидѣть противоположнаго берега, — настоящее море *); съ другой стороны сибирская тайга, — это тоже знаменитость своего рода, представляющая сплошное пространство первобытныхъ лѣсовъ, на которомъ, по выраженію русскаго народнаго эпоса,—

Лѣса со лѣсами совиваются,
Вѣтви по землѣ разстилаются...

Она напомнила мнѣ лучшіе въ моей жизни годы, проведенные на золотыхъ пріискахъ.

Но видомъ безбрежной рѣки я наслаждался лишь издали. Катанье же по ея синимъ и черезчуръ уже размашистымъ

---

*) Такъ называемая «Обская равнина», на которой находились пески Василія Петровича, заливается ежегодно водой чуть не на 50-верстное разстояніе.

волнамъ не имѣло для меня никакой привлекательности, хотя я и отваживался на него иногда, уступая настояніямъ Василія Петровича, старавшагося всячески меня развлекать. Я сильно боялся воды, и опасеніе это было довольно основательное: я не умѣю плавать и два раза въ жизни едва не утонулъ. Не хотѣлось подвергнуться этой опасности въ третій разъ.

Дорогой мой пріятель, расхваливая въ письмѣ своемъ прелести мѣста, куда меня заманилъ, ничего не упомянулъ объ обскихъ комарахъ. Комары эти какіе-то особой породы, мохнатые и чрезвычайно назойливые. Они, а также и мошка, появляющаяся обыкновенно послѣ Петрова дня, составляютъ настоящій бичъ рыбаковъ. Мошка, по своей миніатюрности, проникаетъ всюду, комаръ же поражаетъ открытыя части тѣла. Отъ этого „гнуса“, какъ называютъ сибиряки этихъ паразитовъ, нѣтъ спасенія даже и бѣднымъ животнымъ. Я бы съ первыхъ дней убѣжалъ съ этихъ милыхъ песковъ, если бы у Василія Петровича не имѣлось средства противъ комаровъ и мошекъ, имъ самимъ изобрѣтеннаго. Состояло онъ изъ глицерина, настояннаго какимъ-то антипаразитнымъ снадобьемъ. Стоило только намазать имъ лицо, шею и руки, и „гнусъ“ къ вамъ не подступитъ. Рабочіе вообще надѣвали на лицо сѣтки изъ конскаго волоса и этимъ нѣсколько спасались отъ комаровъ и мошекъ. Но руки всецѣло отдавались имъ въ добычу, если не обмажутся смолою или дегтемъ.

Тайга тоже наводила на меня грустныя думы не по воспоминаніямъ, а по отношенію къ ея будущности. Для другого народа сибирская тайга съ своимъ обиліемъ пушного звѣря сдѣлалась бы неистощимою областію раціо-

нальнаго проявленія культурной дѣятельности тѣмъ, чѣмъ сдѣлались лѣса Сѣверной Америки для труженниковъ пуританъ англійскихъ. Для сибирскаго же народа, не могущаго до сихъ поръ познать естественныхъ силъ природы, не научившагося никакимъ раціональнымъ способамъ промышленности, народа грубаго, хищнаго и невѣжественнаго, тайга съ ея богатствами сдѣлалась поприщемъ чудовищной, безпощадной, непроизводительной эксплуатаціи. Какъ лѣса, такъ и ихъ пушистые обитатели истребляются безъ малѣйшей оглядки на будущее. Звѣропромышленникъ охотится во всякую пору, а земледѣлецъ изъ-за клочка своей тощей пашни пускаетъ „палъ“ по лѣснымъ пространствамъ на сотни верстъ. Многіе изъ этихъ звѣропромышленниковъ начинаютъ уже бросать дѣдовскіе кулемники, капканы и прочія орудія для ловли пушного звѣря. Ихъ зимовья, построенныя въ дикихъ лѣсныхъ трущобахъ и служившія нѣкогда складомъ драгоцѣнной добычи, давно уже пустуютъ. Многіе округа совершенно уже обезлѣсились, и народъ въ нихъ воетъ волкомъ отъ холода и голода. Тамъ, гдѣ нѣтъ никакой личной и сознательной борьбы противъ того, что не раціонально, глупо и возмутительно, тамъ борется сама природа, и она, рано ли, поздно ли, за несоблюденіе числа, мѣры и вѣса въ ея экономіи, столкнетъ грабителя въ ту яму, которую онъ самъ себѣ вырываетъ. Такая участь постигла сибирское населеніе во многихъ уже мѣстахъ.

Меня больше всего занимали остяки, съ которыми привелось мнѣ тутъ встрѣтиться впервые. Сибирскіе инородцы всегда меня сильно интересовали. И вотъ мнѣ, отъ нечего дѣлать, вздумалось заняться изученіемъ остяцкаго языка. Большая часть рабочихъ моего пріятеля состояла изъ

остяковъ. Но оказалось, что этотъ языкъ подраздѣляется на три главныхъ нарѣчія: сосвинско-ляпинское, сургутское и обдорское. Нарѣчія эти до такой степени отличаются одно отъ другого, что остякъ, говорящій сосвинско-ляпинскимъ нарѣчіемъ, съ большимъ трудомъ можетъ понимать остяка сургутскаго или обдорскаго. Причину такого различія въ нарѣчіяхъ одного и того же племени слѣдуетъ искать въ его исторіи, но исторія остяковъ основана на однихъ пока предположеніяхъ. Изъ разспроса стариковъ я тоже не могъ вынести ничего опредѣленнаго. У нихъ самихъ чрезвычайно сбивчивыя понятія о своемъ племени. Въ одномъ только они сходились, что племя ихъ было нѣкогда многочисленное *), что у нихъ были свои города, что жизнь ихъ была гораздо лучше нынѣшней и что имъ рано ли, поздно ли придется известись. Грустно было слушать подобнаго рода сѣтованія отъ народа честнаго, добросовѣстнаго и услужливаго, въ виду торжествующаго хищничества и безсовѣстности нашихъ осибирячившихся русаковъ. Но фатума не измѣнить.

Лингвистическій трудъ мой оказался мнѣ не по силамъ, и я принужденъ былъ его бросить. Однажды, утомленный однообразно изо-дня въ день тянувшеюся рыболовной сутолокой, имѣвшей для меня интересъ новизны лишь сначала, въ первые дни моего пребыванія на пескахъ, я вздумалъ поразвлечься небольшой экскурсіей въ тайгу, которая начиналась тутъ же въ виду, о чемъ и заявилъ Василію Петровичу.

— Возьми проводника себѣ изъ остяковъ! — сказалъ

*) И теперь еще остяцкое племя является многочисленнѣйшимъ въ сравненіи съ другими племенами сѣверной Сибири.

онъ мнѣ.—Безъ проводника ты, пожалуй, заблудишься. Вдвоемъ съ остякомъ, не опасно тебѣ будетъ повстрѣчаться даже и съ мишкой-таптыгинымъ, а этихъ мишекъ тутъ не мало.

Я сдѣлалъ вызовъ остякамъ желающимъ сопровождать меня въ тайгу. Но остяки что-то какъ будто не рѣшались и долго между собою перешептывались. Наконецъ, одинъ изъ нихъ, бодрый старикъ, взялся быть моимъ провожатымъ.

— Онъ хорошо знаетъ тутошній урманъ,—заговорили тогда прочіе.—Съ нимъ нельзя заблудиться. Онъ и медвѣдя не побоится.

Мы отправились часовъ въ восемь утра, запасшись на весь день провизіей. Я—съ отличной двустволкой, остякъ—съ невзрачной винтовкой.

Пошли мы по тропинкѣ, вѣроятно протоптанной стадами дикихъ животныхъ, приходившихъ къ рѣкѣ, когда тутъ не было людей. Я велѣлъ остяку итти впередъ.

Какъ во всякой сибирской тайгѣ, такъ и тутъ, сначала пошли березы, кедры и преимущественно лиственницы. Но чѣмъ дальше мы углублялись, тѣмъ больше въ смѣси деревьевъ замѣчалось преобладаніе хвойной породы надъ лиственной. Часовъ пять пробродили мы по едва примѣтнымъ лѣснымъ тропамъ, идущимъ въ разныхъ направленіяхъ. День вышелъ чрезвычайно жаркій.

— Завтра непремѣнно будетъ дождь! — сказалъ мнѣ остякъ.

— Почемъ ты это узналъ?—спросилъ я.

— Шибко воняютъ эти цвѣты!—отвѣчалъ онъ, указывая на кустъ жимолости (caprifolium). Эта примѣта извѣстна всѣмъ, проживающимъ въ тайгѣ. Тишина кругомъ

царила, какая-то томительная, давящая. Ничего, хотя бы на смѣхъ, намъ не попадалось. Лѣсная жизнь какъ будто замерла подъ давленіемъ этой жары и томительной тишины. Вдругъ на одной тропѣ бросились въ глаза остяку какіе-то свѣжіе слѣды, онъ началъ ихъ не только осматривать, но даже и обнюхивать. Затѣмъ объявилъ мнѣ, что это слѣды медвѣдя и очень большого.

— Онъ тутъ гдѣ-нибудь...—недалече, добавилъ онъ, пристально озираясь кругомъ.

Чистосердечно признаюсь, что это заявленіе не очень мнѣ понравилось. Я какъ-то мигомъ почувствовалъ усталость и сообщилъ объ этомъ остяку.

Тотъ улыбнулся.

— Усталъ, такъ пойдемъ домой! — проговорилъ онъ довольно флегматично.

И мы повернули назадъ.

Чрезъ полчаса ходьбы, я услышалъ въ сторонѣ отъ тропинки, по которой мы плелись, какой-то странный звукъ. Это было нѣчто среднее между унылымъ протяжнымъ птичьимъ свистомъ и кошачьимъ мяуканьемъ.

— Что это такое?—спросилъ я остяка, остановившись.

— Это повизгиваетъ бѣлка,—отвѣчалъ онъ и указалъ на высокую лиственницу, на верхушкѣ которой сидѣлъ этотъ звѣрокъ, граціозно повертываясь и помахивая своимъ пушистымъ хвостикомъ, словно вѣеромъ. Я схватился за ружье, но, при первомъ моемъ движеніи, бѣлка прыгнула на верхушку другой лиственницы, и опять раздался ея голосъ. Я сдѣлалъ два или три шага по направленію къ ней, приложился и выстрѣлилъ. Но бѣлка вмѣсто того, чтобы свалиться, какъ я ожидалъ, потому что я рѣдко даю промахъ, перепрыгнула на верхушку

слѣдующаго дерева. Опять раздался ея странный визгъ. Мнѣ почудилась въ немъ какая-то злая, насмѣшливая нотка. Но я не досадовалъ. Я даже обрадовался неудачности моего выстрѣла. У меня промелькнула мысль, зачѣмъ я, не будучи звѣропромышленникомъ ex proffesso, посягнулъ на жизнь невиннаго звѣрка, который, какъ и всякая тварь, хочетъ жить и наслаждаться по-своему жизнію. Но мнѣ начало становиться стыдно передъ остякомъ, который поглядывалъ на меня не то презрительно, не то снисходительно. Стыдъ, порожденный глупѣйшимъ тщеславіемъ, заглушилъ во мнѣ жалостливое чувство. Я опять приложился и сдѣлалъ второй выстрѣлъ, но бѣлка преблагополучно перепрыгнула на слѣдующее дерево, а съ него на другое, затѣмъ на третье и пошла гулять по тайгѣ.

— Позволь мнѣ ее пришибить!—отозвался остякъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—заупрямился я.—Мнѣ самому хочется ее уложить. А ужь уложу я ее непремѣнно.

— Ну, какъ знаешь, твое дѣло...—произнесъ остякъ, пожавъ плечами. Только мнѣ сдается, что ты, господинъ, напрасно порохъ будешь тратить, ты осерчалъ, и руки у тебя трясутся.

Я началъ преслѣдовать бѣлку. Кое-какъ я дождался, что она заняла положеніе, благопріятствующее прицѣлу, и послалъ въ нее третій зарядъ, но и этотъ постигла та же участь, что и два первые. Бѣлка себѣ преспокойно попрыгивала, помахивала хвостикомъ, повизгивала и словно издѣвалась надо мною.

— Ну-ко попробуй ты! — обратился я къ остяку. — У меня, дѣйствительно, руки трясутся.

— То-то оно и есть!—процѣдилъ остякъ сквозь зубы.

Онъ лѣниво уставилъ свою малопульную винтовку, раздался выстрѣлъ, похожій болѣе на щелчокъ, и бѣлка махнула на верхушку другого дерева.

— Что за шорта?—произнесъ остякъ въ недоумѣніи.— Ни одна бѣлка еще не уходила отъ меня съ тѣхъ поръ, какъ я началъ промышлять. А эта стерва, язви ее, посмѣялась надо мною. Погоди же, голубушка!

Мы прошли за бѣлкой довольно значительное пространство. Остякъ не переставалъ изрыгать на бѣднаго звѣрка непечатную русскую брань. Наконецъ, удалось ему выстрѣлить. И опять промахъ.

— Нѣтъ,—произнесъ онъ, плюнувъ съ досады и заряжая наскоро винтовку...—Эта бѣлка не для насъ... Это не простая бѣлка, а какой-то „куль“ *). А куля не возьметъ никакая пуля... Вѣрно тебѣ говорю, господинъ!

— Вздоръ!—закричалъ я.—Увидишь, какъ этого куля возьметъ даже дробь, не то, что пуля.

И опять началась у насъ погоня за бѣлкою.

Прошло нѣсколько минутъ. Вдругъ я замѣтилъ на лицѣ и въ глазахъ моего проводника какое-то безпокойство.

— Ты чего? — спросилъ я его, — словно испугался чего то?.. Что съ тобою?

— Ничего,—отвѣчалъ онъ.—Лучше оставимъ эту распроклятую бѣлку въ покоѣ, пороху жалко, не стоитъ, пойдемъ домой, сегодня намъ не фартъ.

Но въ это время бѣлка остановилась на самой верхушкѣ стройной высокой лиственницы, только въ довольно значительномъ отдаленіи. Она словно намѣревалась тутъ отдохнуть. Болѣе удобнаго для выстрѣла положенія во

*) Чортъ.

все время своей прогулки она не избирала. Я потихоньку началъ къ ней подкрадываться и только-что приподнялъ ружье, какъ она прянула внизъ съ высоты какихъ нибудь десятковъ саженей и исчезла въ волнахъ зелени. Черезъ нѣсколько секундъ она уже взбиралась не по вѣтвямъ, а по толстому стволу гигантскаго кедра.

Опять минута благопріятная. Но едва я началъ наводить мою двустволку, какъ остякъ, на шагъ не отстававшій отъ меня, схватилъ рукою дуло и отвелъ его въ сторону.

— Оставь, господинъ!—закричалъ онъ задыхающимся голосомъ!—Тутъ мѣсто такое, что стрѣлять нельзя. Грѣхъ. Бѣда будетъ. Большая бѣда!

— Что такое? Сдурѣлъ ты что-ли?—обратился я къ нему, съ сильной досадой, такъ какъ бѣлка уже скрылась въ густотѣ кедровыхъ вѣтвей. Какое мѣсто? Какая бѣда?

— Уйдемъ отсюда поскорѣе! Мѣсто нехорошее!—произнесъ онъ едва съ трудомъ и трясясь со страха.

Я осмотрѣлся. Передъ нами была небольшая открытая поляна. Среди ея стоялъ гигантскій кедръ, по стволу котораго карабкалась за минуту бѣлка. Сама поляна представляла восхитительный коверъ, на ярко-зеленомъ фонѣ котораго сверкали тысячи кукушкиныхъ башмачковъ, и между ними, словно пунцовыя звѣздочки, выступали цвѣтки сараны,—этой сибирской лиліи. На нѣкоторыхъ нижнихъ вѣтвяхъ кедра висѣли разноцвѣтные лоскутки—суконные и ситцевые, въ родѣ лентъ, два или три женскихъ платка, рубашка краснаго ситца и мужскіе добинные порты. Сзади кедра виднѣлась остяцкая амбарушка на столбахъ, покрытая сверху берестой, съ маленькой лѣстницей, ведущей къ полуоткрытымъ дверцамъ.

— Тутъ кто-нибудь живетъ?—спросилъ я остяка.

— Уйдемъ отсюда поскорѣе!—прошепталъ онъ, все еще не переставая трястись, словно лихорадка его донимала.

— Да ты скажи мнѣ,—кто тутъ живетъ?

— Не знаю! Мѣсто шибко нехорошее. Уйдемъ поскорѣе, господинъ!

Нечего дѣлать, мнѣ становилось яснымъ, что это какое-нибудь священное мѣсто у остяковъ. Я не сталъ больше настаивать.

— Чего ты испугался? —сказалъ я остяку.—Я не попъ, я никогда не рѣшусь оскорбить вашу святыню. Тебѣ прямо надо было мнѣ сказать, что мѣсто это у васъ считается святымъ, тогда самъ бы ты не испугался и меня не привелъ бы въ недоумѣніе, а то я подумалъ Богъ знаетъ что такое!

— Да, это мѣсто святое,—отозвался, нѣсколько успокоившись, остякъ. Тутъ наши приходятъ молиться.

— Кому же они молятся?

— Не знаю... Я самъ еще здѣсь не бывалъ... Другіе ходили и сказывали.

Мы отправились домой, и болѣе съ нами не было никакихъ приключеній.

Вечеромъ, за чаемъ, въ конторѣ, я разсказалъ Василію Петровичу похожденія мои съ бѣлкою и о святомъ остяцкомъ мѣстѣ, на которое попалъ случайно.

— Изо всѣхъ сибирскихъ инородцевъ,—началъ объяснять мнѣ Василій Петровичъ, остяки сохраняютъ особенное благоговѣніе къ лѣсу. Лѣсъ даетъ имъ и ясакъ, и одежду, и все необходимое въ незатѣйливомъ ихъ быту. Вотъ они и берегутъ лѣсъ и только въ крайнихъ случаяхъ рѣшаются рубить деревья. Большею частію они пользуются

сухимъ валежникомъ, у нихъ есть священныя заповѣдныя рощи, посвященныя какимъ-то ихъ божествамъ, куда входъ дозволяется только для принесенія жертвы и молитвы. Тамъ не только запрещается срубить какое-либо деревцо, но даже стрѣлять дичь. Само-собою разумѣется, что намъ, православнымъ, доступъ въ такія мѣста остякамъ не желателенъ. Я давно слышалъ, что такое мѣсто находится въ здѣшнемъ урманѣ, гдѣ-то неподалеку; оттого-то твоя экскурсія не слишкомъ нравилась остякамъ, а если изъ нихъ нашелся тебѣ проводникъ, то онъ пошелъ нарочно съ тѣмъ, чтобы отвести тебя отъ этого мѣста. Но его самого, какъ видно, сбила съ толку эта бѣлка, и вы съ нимъ очутились на заповѣдномъ мѣстѣ. Впрочемъ, какому богу ихнему это мѣсто посвящено,—мы сегодня же узнаемъ.

Тутъ Василій Петровичъ обратился къ своему приказчику, пившему чай.

— Иванъ Павловичъ!—сказалъ онъ ему.—Когда напьетесь чаю, потрудитесь позвать ко мнѣ Юрку дьячка.

— То-есть Юрку шамана, хотите сказать?—возразилъ приказчикъ.

— Ну, Юрку шамана, или Юрку дьячка, вѣдь это все одно и то же

— Хорошо,—сказалъ приказчикъ.

— Какое же можетъ быть тожество между дьячкомъ и шаманомъ?—вмѣшался я.

— Полнѣйшее по-моему,—отвѣчалъ Василій Петровичъ.

Этотъ Юрко и шаманъ и вмѣстѣ съ этимъ дьячокъ, онъ намъ при одномъ случаѣ акаѳистъ или псалтырь почитаетъ, а при другомъ случаѣ—пошаманитъ. Интереснѣйшій, скажу тебѣ, субъектъ. Хочешь узнать его исторію?

— Какъ не хотѣть? Разскажи.

— Такъ слушай же. Лѣтъ 15 тому назадъ, у родственника моей покойной жены, священника одного села въ Березовскомъ округѣ, жилъ остякъ-сирота, мальчикъ лѣтъ 14 или 15, чрезвычайно понятливый. Звали его Юрко. Представь себѣ: ему утромъ показали азбуку, а онъ къ вечеру зналъ ее уже всю. Дней черезъ пять сталъ самъ читать книгу прямо безъ складовъ. Однимъ словомъ, все, что ни показывали ему, онъ усвоивалъ сразу, попъ очень его полюбилъ и представлялъ его пріѣзжающимъ и знакомымъ, какъ нѣкій феноменъ. Память у него была необычайная. Весь псалтырь и новый завѣтъ онъ выучилъ наизустъ отъ доски до доски. Попъ намѣревался изъ него сдѣлать миссіонера. О способностяхъ его докладывалъ даже архіерею. Но вотъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ я пріѣхалъ къ попу и, не видя его любимца и protegé, спросилъ: не отправился ли уже Юрко съ проповѣдью къ своимъ идолопоклонникамъ-землякамъ? Попъ презрительно махнулъ рукою.—Что же случилось съ Юркой?—спросилъ я. Не спился ли онъ?—„Ты развѣ не слыхалъ, какой скандалъ устроилъ мой перехваленный Юрко?—спросилъ меня самого попъ.—Не слыхалъ!—говорю я.—„Вообрази себѣ,—началъ попъ,—лѣтомъ въ іюнѣ прошлаго года, ночью, я не могъ какъ-то уснуть. Я всегда передъ какой-нибудь неожиданностію или непріятностію лишаюсь сна. Вотъ я валялся на постели, переворачиваясь съ боку на бокъ. Вдругъ слышу какіе-то странные звуки, похожіе на звуки шаманскаго бубна. Прислушиваюсь,—дѣйствительно бубенъ и гдѣ-то тутъ недалеко, словно въ моей усадьбѣ. Что за оказія? — думаю я себѣ. Любопытство начало меня все больше и больше подмывать. Всталъ я, надѣлъ пимы, подрясникъ, теплый малахай, взялъ съ собой свой посо-

шокъ (а посошокъ у этого почтеннаго моего родственника—съ добрую дубинку) и вышелъ на крыльцо. Звуки несутся прямо съ огорода,—а огородъ у меня, ты его знаешь, большой. Я въ немъ насадилъ и малину, и калину, и рябину, и смородину (огородныя овощи у насъ плохо родятся),—настоящій вышелъ садъ. Какой же это шельмецъ шаманъ забрался ко мнѣ въ огородъ и бубнитъ? думаю я себѣ,—непремѣнно шаманитъ какимъ-нибудь православнымъ. Задамъ же я ему трезвону!—Вотъ я сунулся въ огородъ черезъ заднее крыльцо и сталъ потихоньку подкрадываться къ тому мѣсту, откуда раздавались звуки. Ночь была свѣтлая, лунная. Подкрался, гляжу и глазамъ своимъ не вѣрю. Юрко, будущій проповѣдникъ евангельской истины, — сидитъ подъ кустомъ калины, держитъ шаманскій бубенъ въ рукахъ, то забубнитъ, то что-то забормочетъ, то приложитъ ухо къ бубну. А тутъ, напротивъ его, разметала свои жирныя чресла жена церковнаго старосты, Авдотья Ефимовна, женщина благочестивая, богобоязненная, какой я ее доселѣ зналъ, и задаетъ Юркѣ вопросы о какихъ-то потерявшихся у мужа лошадяхъ. Юрко то забубнитъ, то что-то забормочетъ, то приложитъ ухо къ бубну, то что-то ей въ полголоса объясняетъ. Однимъ словомъ шаманствуетъ въ настоящемъ видѣ, какъ истый шаманъ, жрецъ Вельзевула. Не могъ я сдержать себя, бросился къ Юркѣ со своимъ посошкомъ и давай обдѣлывать имъ его дьявольскій бубенъ. Изрядно досталось и самому шаману и старостихѣ по ея толстымъ ляднямъ. Впрочемъ, она успѣла чрезвычайно скоро, подобравъ подолъ, перемахнуть черезъ заплотъ, словно бѣлка. Я долго гонялся еще за Юркой по саду-огороду, пока онъ не скрылся. Съ тѣхъ поръ онъ и глазъ ко мнѣ не кажетъ.

Господи! вотъ какъ можно ошибиться въ человѣкѣ! Послѣ его побѣга оказалось, что онъ давно занимался шаманствомъ. Бубенъ свой онъ припрятывалъ на вышкѣ въ зимовьюшкѣ.. Къ нему приходили многіе изъ моихъ прихожанъ, и онъ гадалъ имъ какъ-то довольно удачно. Такимъ образомъ, онъ шаманилъ подъ самымъ моимъ носомъ, а я, дуракъ, ничего не зналъ, и никто меня объ этомъ не извѣстилъ. Хороши значитъ прихожане. Могъ ли я когда-либо подумать, что этотъ Юрко, котораго я любилъ какъ сына, котораго представлялъ преосвященному, какъ будущій столбъ православія среди идолопоклонниковъ,—сыграетъ надо мною такую штуку. Хорошо, что вслѣдъ за этимъ скандаломъ поступилъ новый преосвященный, который ничего не зналъ объ Юркѣ. Остался бы прежній,—такъ мнѣ пришлось бы порядочно похлопать глазами. А какимъ смирнымъ теленкомъ представлялся этотъ подлечище.“—Зачѣмъ же ты, отче, ругаешь бѣднаго Юрку? — сказалъ я попу, едва сдерживая хохотъ. Наша русская пословица твердитъ, что смирный теленокъ двѣ матки сосетъ. Вотъ и твой смиренникъ Юрко двѣ матки посасывалъ,—днемъ на клиросѣ пѣлъ акаѳисты, а ночью подъ ракитовымъ или калиновымъ кустомъ бубнилъ чертовщину. Такая двойственность видно въ порядкѣ вещей у русскихъ людей, когда вошла въ пословицу.—„Я бы тебѣ показалъ „порядокъ вещей“, если бы со мной былъ мой посошокъ, — возразилъ окрысившійся на мою шутку попъ. Вотъ тебѣ исторія Юрки. Послѣ побѣга отъ попа онъ началъ шляться по остяцкимъ юртамъ и спился. Года три сряду сталъ являться на мои „пески“. Я его въ работу не употребляю и поручаю ему кое-за-чѣмъ присматривать. Идеально честный малый, жаль мнѣ его отъ

души, да ничего не подѣлаешь. Вотъ онъ и теперь, дня три тому назадъ, заявился ко мнѣ голодный и оборванный и не уйдетъ до осени. По праздникамъ, обыкновенно, станетъ читать рабо́чимъ евангеліе, а по ночамъ будетъ кому-нибудь шаманить. Поэтому одни зовутъ его дьячкомъ, а другіе шаманомъ. Онъ чрезвычайно развитой и такой краснобай, что любо-дорого его послушать, говоритъ,— словно по книгѣ читаетъ. Стоитъ тебѣ съ нимъ познакомиться.

Едва Василій Петровичъ окончилъ послѣднюю фразу, какъ въ дверяхъ показалась какая-то личность.

— Вотъ тебѣ и Юрко!—произнесъ Василій Петровичъ шопотомъ, обращаясь ко мнѣ.

Юрко въ молчаніи остановился у порога, въ ожиданіи, вѣроятно, какихъ-либо приказаній отъ своего хозяина, зачѣмъ-то посылавшаго за нимъ. Но Василій Петро́вичъ, словно его не замѣчая, поднялся со стула, подошелъ къ угловому столику, гдѣ стояла табачница и лежали гильзы, и началъ набивать себѣ папиросу.

— Вы зачѣмъ-то звали меня, Василій Петровичъ! — отозвался Юрко какимъ-то тупымъ, разбитымъ голосомъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, дружище! — отвѣчалъ Василій Петровичъ, не переставая возиться съ папиросой.

Я съ любопытствомъ началъ осматривать пришедшаго. Онъ былъ одѣтъ въ кожаную куртку, розовую ситцевую рубашку на выпускъ, пестрые триковые панталоны и сапоги съ длинными голенищами, достигавшими выше колѣнъ. Такую куртку и сапоги носилъ и Василій Петровичъ, и его приказчикъ, и даже я самъ. Это обыкновенная принадлежность костюма служащихъ какъ на пріискѣ, такъ и на пескахъ. По обличію своему Юрко не отличался

отъ прочихъ остяковъ: средняго роста, безбородый, съ узкими глазами, широкимъ носомъ, круглымъ и плоскимъ лицомъ, которое показалось мнѣ довольно старообразнымъ, хотя, по разсказу Василія Петровича, ему не могло быть болѣе 30 лѣтъ. Между тѣмъ онъ смотрѣлъ 50-ти-лѣтнимъ старикомъ.

Напрасно я старался въ лицѣ его подмѣтить какую-нибудь складку, свидѣтельствующую о необыкновенномъ его развитіи, но ничего особеннаго не нашелъ. Это было лицо чисто табунное, скроенное по общему остяцкому типу. Разочарованный въ моемъ ожиданіи, я отвернулся и началъ закуривать сигару.

— Вотъ что, Юрко, по святому крещенію Георгій Николаевичъ, — началъ Василій Петровичъ, усаживаясь на свой стулъ рядомъ со мною.—Гость мой желаетъ съ тобой познакомиться, и кое-о-чемъ побесѣдовать.

— Очень лестно это для меня! — отозвался Юрко совершенно другимъ голосомъ.

Это меня удивило. Я взглянулъ на Юрку и еще болѣе удивился. Лицо этого остяка совершенно преобразилось. Узкіе его глаза расширились, широкій носъ значительно сузился и принялъ форму греческаго. Старообразное выраженіе съ лица его совершенно исчезло, и Юрко представился мнѣ молодымъ и довольно красивымъ человѣкомъ типа совершенно неостяцкаго.

— Такъ вотъ что, дружище! — продолжалъ Василій Петровичъ, съ улыбкой самодовольствія посматривая то на Юрку, то на меня. — Потрудись сходить въ кладовую, тамъ теперь Иванъ Павловичъ. Скажи ему, чтобы онъ нацѣдилъ въ графинчикъ изъ маленькаго боченочка звѣробойной настоечки и принесъ сюда. Да и самъ приходи

на бесѣду. Надѣюсь, ты не откажешься дерябнуть рюмочку одну-другую съ нами.

— И отъ третьей не откажусь! — отозвался весело Юрко.

— Ну, и отлично!

Юрко поспѣшно вышелъ.

— Ты замѣтилъ, какъ онъ искусно владѣетъ игрою своей физіономіи?—спросилъ меня Василій Петровичъ.

— Это замѣчательный мимъ *),—отвѣчалъ я,—какого я еще не встрѣчалъ, хотя въ бытность за границей видѣлъ много подобныхъ искусниковъ.

— Онъ изъ своей рожи можетъ сдѣлать, что угодно!—продолжалъ Василій Петровичъ.—У него одна половина лица можетъ смѣяться, а другая плакать. Въ прошедшемъ году онъ устроилъ уморительный фокусъ. Нужно тебѣ знать еще, что Юрко, какъ всѣ остяки, чрезвычайно похотливъ. Въ числѣ рабочихъ былъ у меня одинъ казакъ съ молоденькой и прехорошенькой женой. Юрко и вздумалъ за ней приволокнуться. Но красавица была ему недоступной, не потому, что она дорожила своимъ цѣломудріемъ, а потому что у ней имѣлся любовникъ и красивѣе и богаче Юрки—мой бывшій приказчикъ.—Во что бы то ни стало, а будешь ты моей, хоть на одинъ часъ! — сказалъ ей Юрко. Она преподнесла ему къ носу кукишъ.—Вотъ тебѣ отъ меня что! — отвѣчала она. Что же Юрко сдѣлалъ? Онъ выслѣдилъ мѣсто, гдѣ любовники сходились, и явился ранѣе на свиданіе, чѣмъ приказчикъ. Онъ такъ искусно себя загримировалъ и такъ ловко подстроилъ свою рожу, что бѣдная бабенка нисколько не заподозрила

---

*) Человѣкъ, обладающій способностью измѣнять физіономію.

qui pro quo. — Торжествующій Юрко хотѣлъ уже распрощаться съ нею, но вдругъ заявился настоящій приказчикъ. — Вотъ ты ему, сударыня, преподнеси теперь тотъ кукишъ, который мнѣ преподнесла, а я свое слово сдержалъ. — сказалъ Юрко изумленной красавицѣ — принимая свою настоящую физію. Поклонился и удралъ.

— Чѣмъ же кончилась эта исторія?

— Сначала приказчикъ побилъ любовницу, затѣмъ побилъ ее мужъ, узнавши объ ея шалостяхъ, и тотчасъ же перешелъ на другіе „пески“.

— А Юркѣ ничего не досталось?

— Его считаютъ за колдуна, а съ колдунами связки плохія. Всѣ его боятся, особенно бабенки, а это ему на руку. Кукиша ему ни одна не рѣшится преподнести.

Разговоръ нашъ былъ прерванъ появленіемъ Юрки и Ивана Павловича съ графинчикомъ звѣробойной настойки въ рукѣ. Вскорѣ появилась и отличная закуска изъ жареной свѣжей рыбы.

— Я слышалъ вы сегодня въ урманѣ попали на заповѣдное остяцкое мѣсто?—обратился ко мнѣ Юрко, послѣ трехъ рюмокъ настойки, выпитыхъ каждымъ изъ насъ въ промежуткахъ, большею частію, дѣловой бесѣды, которую велъ Василій Петровичъ со своимъ приказчикомъ насчетъ завтрашней ловли.

Я разсказалъ Юркѣ похожденія съ бѣлкой и спросилъ его—знаетъ ли онъ это заповѣдное мѣсто и названіе божества, которому оно посвящено.

— Самъ я тамъ не бывалъ,—отвѣчалъ Юрко,—но такія мѣста обыкновенно посвящаются божку, называемому „Унтонгъ“, т.-е. владыкѣ или хозяину лѣса, по-русски лѣшему.—Божокъ этотъ дѣлаетъ и добро, и зло, какъ ему

взбредетъ въ башку. На то онъ и божокъ. Объ „Ун-тонгѣ“ здѣшняго урмана существуетъ интересная легенда. Когда-нибудь я вамъ ее разскажу.

— Отчего же не теперь?—спросилъ я.

— Вы теперь, можетъ быть, спать хотите.

— Нисколько, а что либо интересное я всегда готовъ слушать хоть всю ночь.

— Такъ что же, Юрко, валяй! — отозвался Василій Петровичъ.—И мы тебя съ Иваномъ Павловичемъ послушаемъ.

— Нѣтъ, меня увольте,—возразилъ приказчикъ.—Мнѣ нужно пораньше лечь спать, да пораньше встать. Мнѣ не до сказокъ. Покойной ночи, господа!

Онъ ушелъ. Я подалъ Юркѣ сигару, закурилъ самъ такую же, и онъ началъ свой разсказъ. Я записалъ его въ своей памятной книжкѣ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Ун-тонгъ“, остяцкая легенда.

— „Лѣтъ 30 тому назадъ, утонулъ въ Оби одинъ бѣдный остякъ, проживавшій въ этихъ мѣстахъ. Произошло это во время, когда часть берега отвалилась и на рѣкѣ поднялась страшнѣйшая волна. Остякъ плылъ въ хайшобѣ *), но если бы онъ плылъ и на павозкѣ, то ему не миновать было бы гибели **). Остались у него вдова и пятилѣтній сынишка. Однажды она отправилась въ урманъ за ягодами съ лукошкомъ. Съ нею былъ и ея сынишка. Она нечаянно попала на мѣсто Ун-тонга и вовсе не знала о немъ. Увидѣла она амбарушку, лѣсенку, ей и

---

*) Остяцкая лодка.

**) Несчастіе отъ такого обвала произошло даже съ пароходомъ.

захотѣлось посмотрѣть, что тамъ въ амбарушкѣ. Поднялась она по лѣсенкѣ, оставивъ сынишку внизу, притворила дверцы, и глазамъ ея представились кучи серебряныхъ и золотыхъ монетъ и безчисленное множество палепохель-харамовъ *) и сорне-луйтовъ **). Разгорѣлись у бѣдной бабенки глаза, особенно на послѣднія штучки. А такъ какъ кругомъ въ этомъ мѣстѣ незамѣтно было живой души, то она и начала нагребать то, другое, третье и четвертое, нагребла всего этого полное лукошко и спустилась внизъ по лѣсенкѣ. Она думала прійти туда еще другой разъ и взять съ собой большой панеширъ ***) вмѣсто лукошка. Но едва только она спустилась на землю, гдѣ ожидалъ ее сынишка, какъ изъ большого кедра, что растетъ тамъ среди полянки, образовалось страшнѣйшее чудовище. На головѣ этого чудовища было сто роговъ, а рукъ у него выросла цѣлая тысяча. Оно наклонило свои рога, словно собралось бодать остячку, замахало и захлопало руками и заговорило громовымъ человѣческимъ голосомъ: „Негодная! какъ ты смѣла брать мое добро безъ моего вѣдома и спроса? Брось сейчасъ все взятое и убирайся, пока ты цѣла и жива“. Бѣдная остячка перепугалась на смерть, высыпала тутъ же на полянкѣ все, что нагребла въ лукошко, и побѣжала безъ оглядки. Страхъ не оставлялъ ее и преслѣдовалъ по пятамъ, пока она не выбѣжала изъ урмана. Тутъ только она пришла въ себя. Оглянулась и взвыла отчаяннымъ голосомъ. Около нея не оказалось ея сынишки. Въ страхѣ она о немъ поза-

---

*) Серги.

**) Браслеты, кольца и другія женскія украшенія.

***) Мѣшокъ, выдѣланный изъ налимьей кожи.

была. Постояла она, подумала немного и направилась обратно въ урманъ. Теперь она уже ничего не боялась и готова была со всякимъ чудовищемъ царапаться до смерти за свое дѣтище. Извѣстное дѣло—мать, а наши остячки въ материнской привязанности превосходятъ всѣхъ другихъ женщинъ. Прибѣжала она на полянку, бросилась къ амбарушкѣ, думая, не залѣзъ ли туда ея сынишка,—пусто, ничего нѣтъ, даже исчезли всѣ сокровища, которыя она тамъ видѣла. Стала она бѣгать вокругъ, звать и искать сынишку, все напрасно. Такимъ образомъ она прозвала и проискала его до ночи. На другой день съ зарей она опять отправилась въ урманъ и къ вечеру опять возвратилась одна. Съ тѣхъ поръ она каждый день, все лѣто, до глубокой осени, обливаясь горючими слезами, уходила въ урманъ на розыски парнишки. Ничего она никому не говорила, и всѣ думали, не видя ея ребенка, что онъ, вѣроятно, или утонулъ въ Оби, или заблудился и погибъ въ урманѣ, а она съ горести съ ума сошла. Слѣдующей весной она опять начала бродить по урману, но все понапрасну. Ровно черезъ годъ она пришла на то мѣсто, на которомъ остался ея парнишка и заглянула въ амбарушку. И что же увидѣла? Парнишка ея живъ и здоровъ, сидитъ тамъ себѣ среди кучъ серебряныхъ и золотыхъ монетъ, палепохель-харамовъ и сорне-луйтовъ и играетъ ими. Увидѣвши мать, онъ бросился къ ней. Обезумѣвшая пришла въ умъ отъ радости, схватила на руки парнишку, прижала его крѣпко къ груди, бросилась съ нимъ прямо съ амбарушки, наземь, чуть ногъ не сломала, и давай бѣжать, и давай бѣжать. Но сколько она не бѣжала, а все возвращалась къ амбарушкѣ. Сначала она не обращала на это вниманія, но, наконецъ, опомни-

лась.—„Что же это за диво творится надо мною?—подумала она. —Вѣдь я, пожалуй, этакъ не выйду вѣкъ изъ урмана, все буду кружать и возвращаться къ этой проклятой амбарушкѣ. Теперь сынишка со мной; я никого не боюсь“. Вотъ она полѣзла опять въ амбарушку, и опять глаза ея разбѣжались на кучи монетъ и женскихъ украшеній.—„Будь, что будетъ!—подумала она.—Эти славныя штучки словно сами напрашиваются, чтобы я ихъ взяла. Попробую взять. Мнѣ теперь бояться нечего, сынишка со мною, и я его не спущу съ рукъ“. Вотъ она постояла еще немного, еще подумала, да и давай набирать въ лукошко, съ которымъ постоянно ходила, сколько влѣзло въ него золотыхъ и серебряныхъ монетъ, палепохельхарамовъ и сорне-луйтовъ. Затѣмъ медленно спустилась по лѣсенкѣ, придерживая покрѣпче сынишку на рукахъ. Остановилась, посматривая на кедръ, не заговоритъ ли онъ попрежнему, не заругается ли? Но изъ кедра раздался тихій голосъ: „Ступай съ миромъ, любящая мать, и уноси съ собой все, что успѣла набрать. Сокровища эти ты купила цѣлымъ годомъ слезъ и страданій. Ступай съ миромъ!“ Остячка благополучно возвратилась въ свой чумъ съ потерявшимся сынишкой и неожиданнымъ богатствомъ. Она вскорѣ вышла замужъ и зажила въ полное свое удовольствіе. Сынишка ея разсказывалъ, что когда онъ остался около амбарушки безъ матери, то его увелъ въ амбарушку какой-то старикъ; тамъ были такіе же маленькія дѣти, какъ и онъ. Кормили его ягодами, медомъ и сараной, а когда онъ плакалъ и тосковалъ объ матери, то его утѣшали увѣреніями, что мать скоро придетъ. Вотъ какую штуку сдѣлалъ „Ун-тонгъ“ здѣшняго урмана. Остячка и

сынъ ея живы до сихъ поръ и могутъ вамъ разсказать о себѣ то, что и я разсказалъ о нихъ".

— У насъ, въ Сибири, — отозвался послѣ нѣкотораго молчанія Василій Петровичъ,—сильно распространено это повѣріе о пріютѣ лѣшимъ потерянныхъ въ тайгѣ дѣтей. Случаи этихъ теряющихся дѣтей довольно часты, особенно въ деревняхъ таежныхъ. Въ Томской губерніи я слышалъ нѣчто подобное этой сказкѣ и болѣе основанное на дѣйствительности, чѣмъ на фантазіи.

— Неужто ты вѣришь, что потерянный ребенокъ можетъ пріютиться у какого-то лѣшаго?—спросилъ я.

— Вотъ увидишь, какъ я вѣрю, — отозвался В. П. и продолжалъ: Въ одной деревнѣ Маріинскаго округа, близъ тайги, у вдовы, по имени Дарьи, отчество и фамилію ея я забылъ, хотя и зналъ эту вдову,—очень недурненькая была собою бабенка, — потерялся пятилѣтній сынишка, Коля, т.-е. Николай. Случилось это во время страды. Я проѣзжалъ тогда черезъ эту деревню, и при мнѣ производились розыски потерявшагося мальчика. Однодеревенцы хотя и сдѣлали облаву, но сдѣлали ее неохотно, имъ было не до того, надо было хлѣбъ убирать, и розыски не принесли никакого результата. Бѣдная женщина тоже, какъ и остячка, чуть не рехнулась и сама едва не запропастилась въ тайгѣ. Сынишка былъ одинъ, и она въ немъ души не чаяла. На зарѣ ей каждый день чудилось, что ее зоветъ ея сынишка, и она стремглавъ бѣжала въ чащу на его голосъ. Нѣкоторыя женщины увѣряли, что онѣ тоже слышали будто дѣтскій плачъ и крики: „мама! мама!" Дѣйствительно, въ тихую погоду, на зарѣ, въ тайгѣ часто слышатся разнообразные крики, въ которыхъ иногда можно найти сходство съ чѣмъ угодно. Это крики или просыпа-

ющихся птицъ, или жалобные стоны какихъ-нибудь мелкихъ звѣрей, попавшихъ въ когти своихъ крупныхъ враговъ. Прошло три года. Бѣдная мать поунялась въ своемъ горѣ, вышла замужъ и завела себѣ новаго сынишку. Вдругъ, вблизи этой деревни, лѣтомъ, въ тайгѣ какіе-то охотники нашли мальчика лѣтъ восьми. На немъ была чистенькая рубашка, штаны, плисовая курточка, унтики и соболья шапочка. Его признали за исчезнувшаго, такъ какъ онъ помнилъ, что мать его звали Дарьей, а его Колей и имѣлъ черное пятнышко на щекѣ около праваго глаза *), какое было и у потерявшагося. Мальчикъ нисколько не одичалъ. Оказалось, что онъ даже знаетъ молитвы, которыхъ раньше, у матери, не зналъ. По его разсказамъ, онъ жилъ около озера, въ какой-то избушкѣ, у сѣдого дѣдушки, который кормилъ его сухарями, рыбой, ягодами и медомъ. Суевѣрные сибиряки не сомнѣвались, что онъ жилъ у лѣшаго. И я вѣрю, что это былъ лѣшій, только изъ породы тѣхъ лѣшихъ, которыхъ называютъ „бѣгунцами“ (особая секта). Ихъ много по томскимъ тайгамъ. Они заводятъ тамъ даже людные скиты. Мальчикъ по-просту жилъ у одного изъ пустынниковъ этой секты, которому, вѣроятно, отрадно было имѣть при себѣ живое человѣческое существо. Затѣмъ, когда этому отшельнику пришлось уходить въ другія мѣста, болѣе скрытыя, мальчикъ могъ его затруднять, и онъ подвелъ его поближе къ жилымъ мѣстамъ, въ надеждѣ, что его подберутъ, а самъ удралъ. — Вотъ вамъ тоже „Ун-тонгъ“, только не измышленный, а дѣйствительный. Пойдемъ-ка, парень, лучше спать!

---

*) Истинное происшествіе.

— Спокойной ночи, господа,—произнесъ Юрко.—Пора дѣйствительно соснуть. Заря ужь занимается.

— А вѣдь легенда Юрки довольно поэтическая,—сказалъ я Василію Петровичу, по уходѣ Юрки.

— То ли ты еще услышишь отъ него, коли съ нимъ разговоришься,—пробурчалъ Василій Петровичъ, пошатываясь и позѣвывая.— Ты попроси его разсказать о томъ, какъ остяцкій богъ пытался отучить остяковъ отъ водки. Презабавная исторія!

— Что же, отучилъ?

— Чортъ ихъ отучитъ, какъ и нашихъ православныхъ...

На слѣдующій вечеръ Юрко, за чаемъ и звѣробойной настоечкой, разсказалъ упомянутую Василіемъ Петровичемъ легенду, которую я постараюсь передать, по возможности, собственными его словами, какъ передалъ легенду объ „Ун-тонгѣ“.

„Сказаніе о томъ, какъ остяцкій божокъ Мастерко пытался отвратить остяковъ отъ пагубнаго пристрастія къ русскому вину“.

Однажды остяцкій богъ Оортъ *), съ прискорбіемъ видя, какъ русскіе обираютъ остяковъ, подпаивая ихъ своимъ виномъ, и какъ остяки отъ непомѣрнаго пьянства приходятъ въ бѣдность и гибнутъ отъ голода и болѣзней, какъ мухи, призвалъ къ себѣ своего подручника Мастерко и говоритъ ему:

---

*) Оортъ, онъ же Корсъ-Торумъ,—въ остяцкой миѳологіи—владыка боговъ. У него быстрый конь и въ рукѣ жезлъ. Гдѣ онъ пребываетъ—неизвѣстно. Съ нимъ сообщаются одни лишь шаманы чрезъ своего шайтана (духа). Мастерко — его помощникъ, вродѣ греческаго Меркурія.

— Послушай, любезный и вѣрный подручникъ мой, Мастерко. Шибко мнѣ жалко моихъ бѣдныхъ остяковъ. Вѣдь они отъ этого русскаго вина скоро совсѣмъ переведутся, и намъ, богамъ, некому будетъ молиться и жертвы приносить. Хотѣлось бы мнѣ отучить ихъ отъ пьянства. Не придумаешь ли ты какого-либо средствія?

— Не знаю, — отвѣчалъ Мастерко, — можно ли отвратить остяка отъ русскаго вина. Ужь шибко пріятнымъ оно ему кажется. Сами русскіе тоже давно уже стараются отучить свой народъ отъ него и замѣнить его какой-то китайской травой, да ничего не могутъ подѣлать. Я и самъ однажды хлебнулъ его изрядно.

— И что же? — спросилъ съ любопытствомъ богъ Оортъ.

— Оно мнѣ показалось сначала слаще морошки и меду пчелинаго, — отвѣчалъ Мастерко. — Но потомъ со мною сотворилось нѣчто такое скверное, что и сказать даже стыдно.

— Говори, что съ тобой сотворилось. Мы съ тобой свои боги! — началъ доспрашивать Мастерка богъ Оортъ.

— Я вѣдь, — говоритъ Мастерко, — какъ бы ни было, какъ бы себѣ тамъ русскіе попы ни толковали о насъ, — тоже богъ, твой главный помощникъ, не другимъ мелкимъ богамъ чета. Можешь ли представить себѣ, владыко, послѣ того, какъ я изрядно хлебнулъ русскаго вина, я преобразился въ свинью, въ настоящую свинью, — самое поганое на свѣтѣ животное.

— Тьфу, какая мерзость! — воскликнулъ богъ Оортъ и и началъ отплевываться. Отплевался и говоритъ:

— Все-таки, любезный Мастерко, подумай хорошенько, пораскинь своимъ умомъ-разумомъ. Не додумаешься ли

до чего такого, что могло бы бѣдныхъ нашихъ остяковъ отучить отъ пьянства.

— Подумать-то я подумаю,—отвѣчалъ Мастерко, крѣпко почесавъ у себя за ухомъ,—только не могу напредки поручиться.

И Мастерко долго потомъ въ башкѣ своей перебиралъ различныя средствія, чтобы отучить остяковъ отъ русскаго вина. Наконецъ, остановился на одномъ, которое ему показалось самымъ подходящимъ. И онъ рѣшился его испытать.

— Ужь если это не пособитъ, — сказалъ онъ самому себѣ, хлопнувъ себя по лбу,—такъ ничто больше остяка не пройметъ.

Съ этими словами онъ спустился на землю. Тутъ онъ принялъ на себя видъ русскаго купчины и, съ туесомъ русскаго вина подъ мышкою и рюмкою въ карманѣ, явился въ чумъ остяка, по имени Огома. Онъ зналъ, что этотъ Огомъ женился недавно на хорошенькой дѣвицѣ и любилъ жену безъ ума. Звали ее Хаганъ. Поздоровавшись, онъ разоболокся, подсѣлъ къ очагу, закурилъ трубку и началъ, по остяцкому обыкновенію, разспрашивать о здоровьи хозяевъ, о промыслѣ, о благополучіи стадъ и затѣмъ, для скрѣпленія перваго знакомства, поднесъ Огому рюмочку вина. Огомъ жилъ не бѣдно. У него всего было вдоволь, только не было русскаго вина. Оно у остяковъ не застаивается. Потомъ этотъ купчина, сирѣчь Мастерко, спросилъ у Огома позволенія угостить винцомъ и Хаганъ. Огомъ не противился, но Хаганъ долго не соглашалась выпить. Наконецъ, уступила просьбамъ купчины и настояніямъ мужа, — выпила. Выпили по одной и развеселились. Затѣмъ выпили по другой и еще пуще развесе-

лились. Огому шибко захотѣлось выпить еще по третьей, но купчина собрался уходить. Огомъ, видя, что у него въ туесѣ много вина, вздумалъ было вымѣнять его сначала на десять бѣлокъ, потомъ,—на лисицу-сиводушку, наконецъ,—на соболя. Но купчина не сдавался.

— Бери, что хочешь съ меня,—закричалъ отчаянно Огомъ,—только дай винца. Смерть хочется еще выпить!

— Мнѣ ничего не надо,—отвѣчалъ купчина.—Но я бы далъ тебѣ выпить, сколько въ утробу твою влѣзетъ, если бы ты уступилъ мнѣ свою красавицу жену.

— Эге, у тебя, другъ, я вижу, губа не дура, а глазъ забирательный. Ишь куды метнулъ! Нѣтъ, другъ, это дудки! Ни за какія коврижки я тебѣ своей жены не уступлю. У остяковъ это не въ обычаѣ. Ступай къ русскимъ. Тамъ на это просто.

— Ну, какъ себѣ знаешь!—говоритъ купчина.

Тутъ онъ оболокся, подхватилъ туесъ подъ мышку и направился къ двери.

— Постой, другъ, не торопись, посиди еще маленько,—говоритъ ему Огомъ,—схвативъ его за полу.—Куда торопишься?

— Ну, ладно,—отвѣчаетъ купчина и снова разболокся и подсѣлъ къ очагу.—Я вижу, ты славный парень. Нечего дѣлать, попотчую тебя еще одной рюмочкой винца, но больше не проси. Не дамъ.

— Не буду, не буду больше просить,—отозвался обрадованный Огомъ.—Только наливай, другъ, поскорѣе.

Купчина налилъ ему рюмочку и закурилъ свою трубочку. Закурилъ и Огомъ. Куритъ, помалчиваетъ, а нутро у него загорѣлось, словно огнемъ. Хочется ему еще и еще винца, да не знаетъ, какъ его выпросить у купчины.

Долго крѣпился онъ, вздыхалъ, кряхтѣлъ, пыхтѣлъ,— наконецъ, не выдержалъ и шепчетъ купчинѣ:

— Тому, что ты пожелалъ, я не супротивенъ. Только ты самъ у моей жены долженъ на это добиться согласія. Это ваше дѣло. А мнѣ дай еще и еще рюмочку. Ладно?

— Ладно, — говоритъ купчина и подалъ Огому двѣ рюмочки, одну за другой.

Огомъ сглотнулъ ихъ и окончательно охмелѣлъ. Тутъ онъ и свалился около очага, гдѣ сидѣлъ. Глаза у него закрылись, какъ у соннаго. Когда же онъ открылъ ихъ, то увидѣлъ, что купчина возится съ его женою.

— Мужъ твой,—говоритъ ей купчина,—продалъ тебя мнѣ за вино. Ты теперь моя, не противься, красавица.

Бѣдная Хаганъ отбивалась отъ купчины, какъ могла, искусала ему руку, исцарапала лицо и начала звать мужа.

Жалко стало Огому своей жены, а больше того сдѣлалось ему совѣстно и стыдно. Попробовалъ онъ приподняться на ноги и итти на спасеніе Хаганъ, но ноги не послушались его, словно были чужія; хотѣлъ онъ всячески обругать купчину, но языкъ у него не поворачивался. Не хотѣлъ онъ смотрѣть на то, что дальше могло произойти между купчиной и его женою, и закрылъ глаза.

— Будь проклято отнынѣ и до вѣка русское вино!— пробормоталъ онъ кое-какъ.— Болѣе никогда въ ротъ его не возьму! Затѣмъ онъ уснулъ мертвецкимъ сномъ.

Проснувшись утромъ, онъ увидѣлъ, что самъ лежитъ на полу, у очага, а купчина на постели, обнявши его жену.

Огомъ вскочилъ на ноги, началъ искать топоръ, чтобы изрубить купчину. Но топоръ былъ забытъ имъ около амбарушки. Побѣжалъ онъ къ амбарушкѣ, схватилъ топоръ, но, когда вошелъ въ чумъ, купчины уже — тю-тю.

Исчезъ, словно сквозь землю провалился. На постели оставалась одна Хаганъ, разметавшись. Огомъ сгоряча хотѣлъ и ее зарубить, но вдругъ вспомнилъ, какъ она отбивалась отъ проклятаго купчины, какъ звала мужа на помощь себѣ, а главное, какъ онъ самъ за вино предложилъ ее купчинѣ, и ему сдѣлалось стыдно, и онъ бросилъ топоръ.

— Будь проклято отнынѣ и до вѣка русское вино. Въ ротъ его никогда больше не возьму!—закричалъ онъ на весь чумъ.

Хаганъ проснулась, приподнялась на постели и, увидѣвъ Огома, закрыла руками глаза.

— Хорошій же ты мужъ,— начала она вопить со слезами,—за вино продалъ жену русскому купчинѣ. Тебѣ пріятно было глядѣть, какъ онъ мучилъ меня, какъ онъ издѣвался надо мною! О, я несчастная! Зачѣмъ родители отдали меня за этого безсовѣстнаго пьяницу!.. Ты отнынѣ мнѣ не мужъ, и я тебѣ не жена.

И она разлилась рѣкою слезъ и потоками рыданій.

— Не плачь, не рыдай, моя дорогая женушка!—отозвался Огомъ, самъ почти плача. –Это несчастіе больше не повторится. Я даю тебѣ клятву не пить больше русскаго вина. Пускай имъ русскіе сами запиваются на смерть. Не стану пить... то-есть не стану напиваться пьянымъ, какъ я вчера напился... Развѣ одну рюмочку выпью когда-нибудь при случаѣ, рюмочку самую маленькую, съ ноготокъ, и то вмѣстѣ съ тобою, моя ненаглядная!

— Ну, смотри, чтобъ такъ и было,—отозвалась Хаганъ,—слѣзая съ постели и оболокаясь.—А то я хотѣла утопиться.

— Будетъ, будетъ!—отозвался Огомъ, обнимая Хаганъ.—Я своему слову твердый господинъ.

— Говори: пока трезвъ. Не такъ ли, мой милый?—

возразила Хаганъ.—А впрочемъ, если тотъ подлецъ вздумаетъ когда-либо заявиться въ нашъ чумъ, то видишь эту раскаленную кочергу, забытую вчера на очагѣ? Я этой кочергой глаза ему выжгу, чтобъ онъ не глядѣлъ на меня болѣе.

— А я ему непремѣнно топоромъ этимъ голову отрублю, — добавилъ Огомъ, указывая на топоръ, лежавшій въ углу.

Дня черезъ три, а можетъ быть и черезъ четыре, Огомъ повстрѣчался на берегу, неподалеку отъ своего чума, съ купчиною. У купчины опять туесъ съ виномъ, а въ карманѣ рюмочка.

— Здравствуй, дорогой сватъ!—говоритъ ему купчина.—Каково поживаешь?

— Живу помаленьку,—пробормоталъ Огомъ.

— А какъ поживаетъ красавица наша женушка?

— Ничего, живетъ себѣ по-старому.

— И ладно. Значитъ, я могу побаловать съ нею по-старому.

— Я тебѣ побалую,—думаетъ себѣ Огомъ.—Отвѣдаютъ твои безстыжіе глаза раскаленной кочерги моей Хаганъ, а твоя безпутная башка — моего остраго топора. Сунься только.

Пришли въ чумъ.

— Здорово, винцомъ данная мнѣ женушка!—обратился купчина къ Хаганъ.—Рада ли гостю?

Бѣдная Хаганъ, словно дикая коза, стреканула въ уголъ чума, не смѣя взглянуть на своего мучителя, и о раскаленной кочергѣ, со страху, совсѣмъ позабыла.

Огомъ началъ было искать глазами топоръ, но тутъ ему на глаза попался туесъ купчины съ виномъ; онъ не

въ силахъ былъ оторвать отъ него своихъ глазъ и совершенно забылъ о топорѣ. Не до него было ему теперь. Купчина преспокойно налилъ изъ туеса рюмку вина, выпилъ самъ, затѣмъ налилъ опять и предложилъ Огому выпить.

Взялъ въ руки Огомъ рюмку съ виномъ, посмотрѣлъ сначала въ землю, словно устыдился, потомъ на купчину, словно хотѣлъ ему брызнуть этимъ виномъ въ рожу, — наконецъ, посмотрѣлъ въ уголъ, гдѣ стояла Хаганъ, словно испрашивая ея разрѣшенія. Бѣдная женщина начала дѣлать ему знаки, чтобы онъ не пилъ и бросилъ рюмку оземь. Но у Огома не достало на это духу. И стоялъ онъ, словно заколдованный, не зная, что дѣлать съ рюмкой.

— Пей, сватъ! — говоритъ ему купчина. — Боишься меня изубытить, что-ли? Вина у меня цѣлый туесъ, и я его не жалѣю для добрыхъ людей, а тебѣ и подавну. Худыя мысли брось! Ссориться намъ не слѣдъ. Пить будемъ и гулять будемъ, а какъ смерть придетъ, умирать будемъ, — поютъ русскіе. Пей!

Не могъ далѣе сдерживать себя Огомъ и опорожнилъ рюмку.

Повеселѣло у Огома на душѣ. Худыя мысли исчезли, а на ихъ мѣсто появилась мысль: какъ бы еще выпить и другую рюмочку. Купчина, смекнулъ это и налилъ Огому другую рюмочку.

Купчина налилъ новую рюмку для Хаганъ, но та и руками и ногами замотала, отказываясь отъ вина.

— Пускай эта дурочка не пьетъ, — говоритъ Огомъ купчинѣ; я за нее выпью!

— Нѣтъ, нѣтъ! — говоритъ купчина. — Коли пить, такъ

пить всѣмъ, а то я сейчасъ уйду и поминайте меня какъ звали, больше никогда не загляну въ вашъ чумъ.

Огомъ пошелъ къ Хаганъ и началъ упрашивать ее не отставать отъ компаніи и выпить. Но та не соглашалась.

— Вспомни, что ты мнѣ говорилъ и въ чемъ ты мнѣ поклялся,—шептала она Огому.

— Ничего, душечка, вѣдь только одну рюмочку вмѣстѣ выпьемъ.

— Не хочу!

Тутъ онъ обратился къ купчинѣ и говоритъ:

— Жена хочетъ выпить со мною; согласенъ ли ты на это?

— Ладно, — говоритъ купчина, — выпейте оба по рюмочкѣ. Только она прежде, а ты послѣ.

— Огомъ началъ тащить Хаганъ за руки изъ угла, но та уперлась. Онъ началъ ее опять упрашивать, но она его не слушала. Тогда онъ пришелъ въ такую ярость, что началъ ее щипать, а потомъ бить.

Бѣдная женщина вырвалась отъ него, подошла къ купчинѣ, не глядя на него приняла рюмку и выпила.

Огомъ подбѣжалъ вслѣдъ за нею и выпилъ свою долю.

Хаганъ принесла на закуску вяленаго оленьяго мяса, нарѣзаннаго круглыми кусочками, въ родѣ орѣховъ, и усѣлась около очага рядомъ съ мужемъ. Купецъ опять подалъ рюмку вина Огому, а затѣмъ и Хаганъ. Та долго держала рюмку съ виномъ въ рукахъ, наконецъ выпила.

Закусивши, купчина поднялся и собрался уходить. Огомъ началъ его упрашивать еще посидѣть и побесѣдовать.

— Не могу,—говоритъ ему купчина.—А вотъ развѣ, когда Хаганъ меня попроситъ, тогда останусь еще съ

вами. Видно, я гость непріятный, коли хозяйка не приглашаетъ остаться.

— Проси его!—шепчетъ Огомъ женѣ.

— Побесѣдуйте еще съ нами,—отозвалась, наконецъ, Хаганъ, чуть слышнымъ голосомъ.

Купчина подошелъ къ ней и шопотомъ спросилъ:

— А царапаться не будешь?

— Не буду,—прошептала Хаганъ, закрывая глаза руками.

— А ты сердиться не будешь?—обратился купчина къ Огому.

— По что сердиться,—говоритъ Огомъ.—Будемъ жить дружно.

Купчина еще и еще подалъ вина и ему, и Хаганъ. Огомъ, какъ прежде, свалился около очага, а Хаганъ кое-какъ взобралась на нары, гдѣ была ея постель. Хаганъ, хотя попрежнему отбивалась отъ назойливаго купчины, но рукъ ему не кусала, рожи не царапала и Огома на помощь къ себѣ не призывала.

Когда же утромъ Огомъ проснулся, то ему представилась такая же картина, какъ и на утро послѣ перваго появленія купчины.

Какъ и тогда, онъ вскочилъ на ноги, бросился искать топоръ, который и теперь оказался гдѣ-то около амбарушки, какъ и тогда, онъ по возвращеніи въ чумъ не засталъ уже купчины, бросилъ въ уголъ топоръ и произнесъ на весь чумъ:

— Да будетъ проклято отнынѣ и до вѣка русское вино. Въ ротъ его болѣе никогда не возьму!

Хаганъ проснулась. Видно было, что она покорилась

своей судьбѣ, потому что ни единымъ словомъ не укорила пьяницу мужа, чѣмъ онъ остался весьма доволенъ.

Купчина появлялся еще раза два или три въ его чумѣ, и Огомъ хотя и злился и грозился противъ него, но это происходило только въ отсутствіи купчины. Когда же купчина появлялся, то все это исчезало при видѣ туеса съ виномъ. Однако же Огомъ день-ото-дня становился и молчаливѣе, и угрюмѣе. А Хаганъ ничего: цвѣла себѣ, какъ роза. Словно ее ничего не огорчало.

Однажды Огомъ, вышедши изъ амбарушки, откуда несъ какую-то веревку въ рукахъ, увидѣлъ, что къ его чуму направляется купчина.—Огому живо представилось, какъ на глазахъ его, пьянаго, лежащаго недвижимо, словно связанный на закланіе олень, купчина этотъ издѣвается надъ тѣломъ его красавицы жены, а онъ не въ состояніи ничего ему сдѣлать и не можетъ даже сказать купчинѣ: „Не смѣй ходить болѣе въ мой чумъ“. Ему сдѣлалось стыдно передъ самимъ собою.

— Что мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать!—закричалъ бѣдный Огомъ, чуть не плача.—А вотъ что я сдѣлаю!—сказалъ онъ самъ себѣ такимъ рѣшительнымъ голосомъ, что самъ ему изумился. Съ такими словами онъ побѣжалъ за амбарушку, тамъ росла старая береза, прикрѣпилъ къ самой крѣпкой ея вѣтви конецъ веревки, которая была у него въ рукахъ, на другомъ концѣ сдѣлалъ петлю, быстро вскочилъ на другую вѣтвь пониже, просунулъ голову въ петлю, соскочилъ съ вѣтви, повисъ и такъ же быстро отправился на тотъ свѣтъ.

Такой же, какъ надъ Огомомъ, опытъ производилъ Мастерко и надъ многими другими остяками, особенно надъ тѣми, у которыхъ были смазливыя женушки. Но всѣ

испытываемые остяки давились, а не отставали отъ русскаго вина. Мастеркѣ шибко понравился придуманный имъ опытъ, и онъ до сихъ поръ не является съ докладомъ къ богу Оорту о неисправимости остяковъ. Боги тоже имѣютъ свои слабости, какъ и мы грѣшные, такъ напримѣръ: греки считались умнѣйшимъ въ свѣтѣ народомъ, а посмотрите,—какія штуки выдѣлывалъ самъ владыка ихъ боговъ,—Юпитеръ. Впрочемъ, нѣтъ худа безъ добра. Наши старухи увѣряютъ, что всѣ эти вдовушки, которыхъ мужей опытъ Мастерки отправилъ на тотъ свѣтъ, забеременѣли отъ этого божка, и что отъ дѣтей, прижитыхъ имъ съ остячками, пойдетъ совершенно новое поколѣніе остяковъ, которые въ ротъ вина не станутъ брать и будутъ жить, какъ жили встарину ихъ предки, пока не узнали русскаго винца.

— Дѣйствительно,— отозвался Василій Петровичъ, набивая себѣ чуть не сотую папироску.—Нужно вмѣшательство чисто сверхъестественной силы, чтобы уничтожить роковую страсть къ русскому вину у бѣдныхъ остяковъ, въ томъ числѣ и у нашего разсказчика.

— Воистину такъ!—произнесъ Юрко и въ подтвержденіе этого вылилъ въ рюмку остатокъ звѣробойной настойки изъ графина, который каждый вечеръ приносился Иваномъ Павловичемъ изъ кладовой, для поддержанія веселаго настроенія въ нашихъ вечернихъ бесѣдахъ.

Вечеромъ слѣдующаго дня, когда мы съ Василіемъ Петровичемъ и Иваномъ Павловичемъ сошлись въ конторѣ, служившей намъ общей залой для трапезы и чаепитья, и куда старикомъ Михеичемъ, находившимся постоянно при домѣ для послуги, приносился чуть не трехведерный са-

моваръ, Василій Петровичъ послалъ Михеича за Юркой. Юрко жилъ въ баракѣ холостыхъ рабочихъ. У Ивана же Павловича было устроено помѣщеніе надъ амбаромъ, гдѣ хранились мука, соль, солонина, табакъ, а также различные припасы для хозяйскаго стола [1]), въ томъ числѣ и водка.

Въ ожиданіи Юрка мысли мои невольно сосредоточились на Иванѣ Павловичѣ. Я знаю его лѣтъ 15. Мнѣ вспомнилось, какъ я встрѣтился съ нимъ впервые въ Забайкальи, въ одной изъ волостей Верхнеудинскаго округа, заселенной исключительно старообрядцами еще со временъ царствованія императрицы Екатерины II.

Если не ошибаюсь, старообрядцы эти—слишкомъ 200 семействъ—переселены были въ Забайкалье изъ Европейской Россіи, вслѣдствіе чего сибиряки и прозвали ихъ *семейскими*. Народъ этотъ зажиточный, хлѣбосольный и по виду чрезвычайно привѣтливый. Женщины отличаются красотой, не той смѣшанной красотой сибирячекъ, а чисто русской—бѣлотѣлыя, длинноволосыя, румянолицыя, полногрудыя, отлично сложенныя, съ густымъ и сочнымъ голосомъ. О нравственности ихъ ходятъ разнорѣчивые слухи, но мнѣ не удавалось провѣрить ихъ на дѣлѣ. Я прожилъ у семейскихъ недолго, и мнѣ приходилось только любоваться на ихъ красавицъ.

Знакомству моему съ Иваномъ Павловичемъ я обязанъ былъ слѣдующему обстоятельству: у матери хозяина дома, въ которомъ я нашелъ себѣ пристанище,—древней богомольной старухи, — изъ ящика потерялся кошель, туго

---

[1]) Рабочіе на „пескахъ“ обыкновенно питаются хлѣбомъ и рыбой. У нѣкоторыхъ хозяевъ даже иногда и солонина.

набитый старинными серебряными и золотыми монетами. Сильное подозрѣніе упадало на двухъ, тоже богомольныхъ старухъ, ходившихъ часто къ матери хозяина и распивавшихъ съ нею чаекъ съ медомъ. Но прямо обвинить ихъ было невозможно. Вотъ и вздумали прибѣгнуть къ ворожбѣ. И что же послужило оракуломъ? Рѣшето, простое рѣшето, и ножницы. Впрочемъ, этого рода гаданье извѣстно еще древнимъ. Оно сохранилось до настоящаго времени у многихъ европейскихъ народовъ. У грековъ оно называлось *коскиномантія*, у итальянцевъ называется far girate lo stacolo, у испанцевъ — adivinar por tela de cedazo [2]). Кстати, — не послужило ли это прототипомъ гаданія посредствомъ столоверченія нашихъ спиритистовъ.

Руководителемъ этого гаданія, явился вотъ этотъ самый Иванъ Павловичъ, слывшій въ селѣ за большого „начетчика“.

Около большого стола были имъ разсажены всѣ домашніе, въ томъ числѣ и подозрѣваемыя старушенціи. Онѣ сами заявились, зная, что ихъ невинно подозрѣваютъ. И что же? Рѣшето открыло вора. Оказалось имъ такое лицо, которое никоимъ образомъ не могло быть заподозрѣно. Это была жена второго сына окраденной старухи, жившаго рядомъ, благочестивѣйшая женщина чуть не во всемъ селеніи; три раза на нее указывало рѣшето, и она не выдержала, съ горькими, истерическими

[2]) Способъ гаданія этого слѣдующій: на столѣ ставится рѣшето, приглашаются большею частію болѣе или менѣе оподозрѣваемыя лица, а равно и другія—какъ-то знакомые, сосѣди, родственники. Каждому даютъ въ руки большія ножницы, которыя нужно держать остріемъ къ рѣшету. Чрезъ нѣсколько времени рѣшето начинаетъ само собою вертѣться и указывать вора, ударяя въ его ножницы.

рыданіями бросилась въ ноги свекрови и повинилась въ кражѣ.

Не знаю, какой вѣтеръ, какія обстоятельства занесли Ивана Павловича изъ Забайкалья въ Томскую губернію, но полагаю, что это съ нимъ случилось не для удивительныхъ экспериментовъ съ рѣшетомъ. Извѣстно мнѣ, что онъ, скрывъ принадлежность къ расколу, женился на дочери православныхъ родителей и затѣмъ поступилъ на службу, сначала къ отцу Василья Петровича, а потомъ къ нему самому, когда старикъ умеръ. Ему дана была на отчетъ еще при покойникѣ большая лавка съ разными мануфактурными товарами въ одномъ селеніи Нарымскаго края, но онъ изрядно проворовался, что открылось по простому учету, безъ магическаго рѣшета. Но Василій Петровичъ не хотѣлъ съ нимъ все-таки разставаться, такъ какъ онъ былъ человѣкъ трезвый, а это большая рѣдкость въ странѣ поголовнаго пьянства, какою считается Сибирь со времени посѣщенія ее аббатомъ Шаппомъ и Палласомъ [3]). Иванъ Павловичъ былъ у Василія Петровича дѣятельнымъ и исполнительнымъ служакою. Но по внутренному складу это была крайне несимпатичная лич-

---

[3]) Аббатъ Шаппъ писалъ о жестокомъ пьянствѣ по Тобольской губерніи. Палласъ писалъ о Томскѣ, что онъ еще не встрѣчалъ въ своей жизни такого мѣста, въ которомъ было бы такое всеобщее пьянство и въ столь высокой степени. Тоже писалъ онъ и о непрерывномъ пьянствѣ Иркутска и Кяхты. Китайцы изъ-за безобразнаго пьянства сибирскихъ купцовъ запретили даже однажды имъ въѣзжать въ Китай. Пьянствомъ отличались не менѣе и пекинскіе миссіонеры. Да и теперь посмотрите, что дѣлается по сибирскимъ селеніямъ въ такъ называемые «съѣзжіе» или престольные праздники. См. «Очерки русскихъ нравовъ въ старинной Сибири» Шашкова.

ность. Въ обращеніи съ рабочими онъ поражалъ чрезвычайной жестокостію и безсердечіемъ, не только съ мужчинами, но и съ женщинами, хотя и носились слухи, что онъ не прочь былъ полакомиться клубничкой, несмотря на то, что у него дома имѣлась красавица-жена и нѣсколько дѣтей.

Мужчина онъ былъ лѣтъ 45, геркулесовскаго сложенія, съ бѣлокурыми волосами, подстриженными въ скобку, съ широкой, какъ метла, бородой огненнаго цвѣта, съ сѣро-голубыми, большими, немного косыми глазами и крупнымъ носомъ. По внѣшности онъ оставался такимъ же богомоломъ, какимъ я его зналъ въ Забайкальи; медоточивый въ рѣчахъ, съ глазами опущенными долу, тихо ступающій, словно у него вериги на ногахъ, безъ крестнаго знаменія не принимавшійся ни за стаканъ чаю, ни за ковшъ воды или квасу, ни за рюмку вина, и даже безъ креста не позѣвывавшій. Однимъ словомъ — все у него, какъ есть, было по древне-русскому шаблону наружнаго благочестія.

Мнѣ часто приходилось сталкиваться со старообрядцами и у меня всегда больно щемило сердце. Я никоимъ образомъ не могъ понять, почему эта бодрая и здоровая физически часть русскаго народа, ища какого-то *внутренняго закона*, презираетъ писанные, и во многихъ отношеніяхъ хорошіе законы, почему она открещивается отъ прогресса и въ дикомъ омраченіи понятій считаетъ себя превыше всѣхъ *языцъ*, почему къ этимъ людямъ не можетъ привиться идея, обнимающая всю западную цивилизацію и наполняющая сердца людей надеждою на улучшеніе земного быта.—„Міръ погрязъ во грѣхѣ,—бѣжимте изъ міра“,—твердятъ апостолы мрачнаго ученія, и глупые

люди бѣгутъ въ холодныя пустыни сѣвера, укрываются въ лѣсныхъ трущобахъ, какъ звѣри, или переходятъ изъ веси въ весь, распространяя отвращеніе къ міру. Вообще объясняютъ это грубымъ невѣжествомъ, но и мы, цивилизованные люди, до сихъ поръ не можемъ убѣдиться въ томъ, что исканіе добровольныхъ лишеній и страданій—дѣло неестественное, и поэтому не можетъ быть идеальнымъ верховнымъ назначеніемъ человѣчества. Фразы объ отреченіи отъ себя, о трудѣ для такихъ цѣлей, которыя съ нашей личностью ничего общаго не имѣютъ,—дѣйствительно прекрасныя, романическія фразы, но онѣ всегда остаются фразами; на дѣлѣ же каждый стремится къ удовлетворенію своихъ потребностей и своего эгоизма въ томъ видѣ, въ какомъ онъ у каждаго образовался, смотря по свойствамъ унаслѣдованнаго отъ предковъ организма и темпераменту.

Хотя Василій Петровичъ часто твердилъ Ивану Павловичу, что на пескахъ нужно не спасаться, а работать, но бывшій „начетчикъ“, въ свободное время, постоянно надоѣдалъ рабочимъ своими разглагольствованіями о спасеніи грѣшной души. Однако обиліе благочестивыхъ фразъ, на досугѣ, не мѣшало еще большему обилію непечатной брани, которою онъ осыпалъ на рыбалкѣ за малѣйшую оплошность рабочаго. Чѣмъ же въ сущности было его благочестіе—какъ не насильственной, напяленной на себя маской? Таковы, по моимъ наблюденіямъ, всѣ эти старообрядцы! У нихъ постъ, умерщвленіе плоти, молитва, грѣхъ, покаяніе, спасеніе души и т. п. только на языкѣ. На дѣлѣ же—эгоизмъ, своекорыстіе и грубая животность. Натворивъ себѣ тьму такъ называемыхъ духовныхъ обязанностей, и не менѣе того обрядовыхъ дѣйствъ, они

заставляютъ свои естественныя потребности насильственно мириться съ ними, но тѣ рано ли, поздно ли берутъ верхъ, и въ результатѣ являются лицемѣріе и двоедушіе. Конечно и между ними бываютъ фанатики своего рода, мученики своихъ мрачныхъ идей—но ими пускай восхищаются различные сказочники-идеалисты, пишущіе разныя небылицы въ лицахъ. Людямъ же положительнымъ все это будетъ постоянно претить.

Мысли, возбужденныя въ моей головѣ личностью Ивана Павловича—этого ханжи и лицемѣра — въ дальнѣйшемъ своемъ ходѣ, могли бы раздразнить многихъ почтенныхъ „гусей“, но приходъ Юрка, къ счастію, разсѣялъ ихъ. У насъ началась бесѣда совершенно въ другомъ смыслѣ. Оказалось, что у Юрка имѣется неистощимый запасъ анекдотовъ и эпизодовъ изъ остяцкаго быта, циркулирующихъ въ этомъ народѣ въ различныхъ варьянтахъ. Юрко, желая меня позабавить, выбралъ самые пикантные, приправляя ихъ юморомъ и собственной своей фантазіей, которая у него была чрезвычайно богата.

Словцовъ въ своихъ „Письмахъ изъ Сибири 1826 года“, между прочимъ, говоритъ, что „остяки не въ примѣръ другимъ сѣвернымъ племенамъ сластолюбивы, при волокитствѣ даже фантазируютъ пѣсни и при томъ давно ли вели частую войну въ своихъ котскихъ городкахъ*) и попеременно осаждали ихъ, какъ греки Трою“. Но этотъ эпосъ ихъ старины совершенно изгладился даже въ сказ-

*) Около нынѣшнихъ остяцкихъ деревень, по нижнему теченію Оби и по берегамъ ея притоковъ, замѣтны и нынѣ рвы обводные. Деревни эти—остатки этихъ городовъ, которыхъ считалось около пятидесяти. Многихъ названія сохранились и донынѣ: Нимьянскій городокъ, Самаровъ городокъ, Уки, Аримзянъ и др.

кахъ, что можно заключить изъ того, что у Юрка, въ числѣ многихъ сказокъ, сообщенныхъ мнѣ имъ впослѣдствіи, не нашлось ни одной объ осадѣ остяками какого-либо городка изъ-за какой-либо прекрасной остяцкой Елены, хотя во многихъ сказкахъ и фигурировали отчаянные Парисы. Нынѣшнимъ остякамъ, едва отстаивающимъ свое жалкое, незавидное даже для дикихъ звѣрей, существованіе, не до войнишекъ и пѣсенъ. Существованіе это озаряется лишь единственнымъ сладостнымъ чувствомъ вожделѣнія— общимъ всѣмъ живымъ тварямъ раздѣленнымъ на полы. При взгядѣ на нынѣшнихъ остяковъ невольно припоминается образъ, начертанный другимъ сибирскимъ *описателемъ*, нѣкіемъ Григоріемъ Новицкимъ *).

Остякъ бѣдный съ премногими труды
Собираетъ драгость шубъ, украшающъ люды,
Самъ же нагъ, горькой нищеты поноситъ злости,
Весь скуденъ, една кожа, подъ кожею кости...

Вотъ что осталось отъ этого племени, которое было нѣкогда воинственнымъ, какъ заключаетъ тотъ же Новицкій, принявъ во вниманіе остатки у него древняго вида оружія и кровопролитныя схватки, которыя они вели съ воеводою Мансуровымъ, приводившимъ ихъ *подъ высокую царскую руку...*

Особымъ юморомъ, несмотря на эпическую простоту и беззастѣнчивость, отличался предлинный разсказъ Юрка о признаніяхъ въ супружеской невѣрности одной остячки своему мужу, а также и мужа женѣ при *первыхъ родахъ*.

Нужно знать, что у остяковъ существуетъ обычай, по-

*) Этотъ Новицкій извѣстенъ своимъ витіеватымъ сочиненіемъ: „Краткое описаніе о народѣ остяцкомъ, сочиненное Григоріемъ Новицкимъ въ 1715 году". Издалъ Л. Майковъ. Спб. 1884.

которому жена, при первыхъ родахъ послѣ замужества, должна чистосердечно исповѣдаться, предъ мужемъ въ супружеской невѣрности, если этотъ грѣхъ съ нею приключился, иначе роды будутъ неблагополучны *).

Въ разсказѣ Юрка жена и мужъ, когда наступили у первой послѣ десятилѣтняго бездѣтнаго сожительства первые роды, чистосердечно развернули одна передъ другимъ длинную вереницу взаимныхъ супружескихъ невѣрностей и такихъ хитрыхъ, чисто дьявольскихъ уловокъ и обмановъ, что не мѣшало бы и нашимъ православнымъ отъ нихъ поучиться. Но какъ всѣмъ этимъ ни возмущались тотъ и другая, однако же подъ конецъ примирились и отнесли всѣ свои вольныя и невольныя прегрѣшенія къ дьявольскому навожденію—*куль-хуитысъ*, а не къ сознательному дѣйствію — *люльнурынъ-номытнаварымъ* (худое дѣло умомъ произвелъ).

— Да и наша съ тобою любовь, развѣ не куль-хуитысъ?— спросилъ жену остякъ.—Я самъ не знаю, за что я тебя полюбилъ, за что предпочелъ тебя другимъ... Что-то меня словно тянуло къ тебѣ такъ, что оторваться я не могъ... Что же это такое можетъ быть, какъ не куль-хуитысъ?

— И я тоже думаю. И со мною было тоже,—отвѣчала остячка мужу.

— Значитъ, нечего намъ сердиться другъ на друга, коли все это отъ насъ не зависѣло, и все это были штуки куля... Проказникъ же этотъ куль!

---

*) Многіе утверждаютъ, что остячки какъ при родахъ, такъ и послѣ родовъ почти не страдаютъ. Новицкій тоже говоритъ, что остячки иногда рожаютъ на пути во время сильнаго холода; въ такомъ случаѣ онѣ обмываютъ ребенка снѣгомъ и кладутъ себѣ „къ грудямъ за одежду“ и далѣе продолжаютъ свой путь.

— И какой еще проказникъ!—воскликнула остячка.

Этимъ заключительнымъ восклицаніемъ остячки заключилъ Юрко и свой смѣхотворный разсказъ.

— Вотъ и поди ты съ дикарями!—отозвался Василій Петровичъ.—Какъ они мѣтко опредѣлили то дивное чувство, которое зарождается часто стихійно, помимо нашей воли, и такимъ же образомъ исчезаетъ, которое ни возродить искусственно, ни удержать насильственно нельзя... А мы, цивилизованные люди, не перестаемъ вѣрить въ неизмѣнность любви!.. И сколько отъ этого происходитъ страданій, оканчивающихся или сумасшествіемъ, или убійствомъ лица, измѣнившаго намъ, или самоубійствомъ!.. Другой, не менѣе пагубный предразсудокъ, состоитъ въ томъ, что будто можно любить горячо только разъ въ жизни. Развѣ нельзя любить двухъ, трехъ или болѣе женщинъ за-разъ, наслаждаться обществомъ одной утромъ, спѣшить къ другой вечеромъ, въ одинъ день предпочитать одну женщину другой, въ другой день другую, въ третій день третью, и при этомъ самымъ, если не пылкимъ, то искреннимъ образомъ любить болѣе другихъ ту, съ которою находишься въ данную минуту?.. Тайная исторія человѣческаго сердца доказываетъ, что сердце это способно любить не одинъ разъ, а безчисленное множество разъ, и что чѣмъ больше оно любитъ, тѣмъ болѣе можетъ любить. Это коренное свойство человѣческой природы вообще. Здоровая любовь въ соединеніи со здоровой чувственностью—это единственный и самый благоуханный цвѣтокъ жизни.

— А ты развѣ не знаешь,—прервалъ я Василія Петровича,—что нынѣ этотъ благоуханнѣйшій цвѣтокъ жизни,

по мановенію великаго русскаго юродивца, стараются превратить въ какой то чертополохъ и замѣнить его нѣкіимъ духовнымъ единеніемъ, а аскетическое, несвойственное человѣческой природѣ воздержаніе возвести въ единственное средство искупленія человѣчества.

— Какъ не знать! — отвѣчалъ Василій Петровичъ съ ѣдкой гримасой: — Тоже кое-чему учился *) и кое-что почитываю. Нашему великому юродивцу, вѣроятно, въ голову не приходило, что если бы ему удалось превратить людей въ какихъ-то братцевъ и сестричекъ, то уничтожился бы и самый человѣческій родъ... Къ счастію, человѣчество имѣетъ свою коллективную совѣсть, которая охраняетъ его отъ всѣхъ этихъ ложныхъ ученій. Мало ли ихъ было съ самаго почти появленія на землю человѣка. Однако человѣчество все-таки живетъ, любится и множится и будетъ любиться до тѣхъ поръ, пока живетъ... Не знаю какъ тебѣ, а мнѣ очень понравилась эта исповѣдь остяка и остячки при первыхъ родахъ.

— Если бы на моемъ мѣстѣ,—сказалъ я, — пришлось очутиться какому-либо Боккаччіо, то онъ непремѣнно воспользовался бы разсказомъ нашего любезнаго Юрка для новаго Декамерона. Разсказъ этотъ интересенъ еще и тѣмъ, что онъ касается разнообразныхъ сторонъ быта остяковъ.

— А вы что думаете, Иванъ Павловичъ, насчетъ того, что повѣдалъ намъ Юрко?—обратился Василій Петровичъ къ своему приказчику.

Почтенный Иванъ Павловичъ, въ продолженіе скабрезнаго разсказа Юрка, нѣсколько разъ открещивался, возводя

---

*) Кандидатъ Петербургскаго университета.

очи горѣ, приподнимался со стула и хватался за свой кожаный картузъ, повидимому съ цѣлью удирать безъ оглядки, но все-таки дослушалъ разсказъ до конца.

— Охъ, ужь эти сказки Юрка! —произнесъ онъ съ тяжелымъ вздохомъ.—Наслушался я ихъ вдоволь и въ прошломъ году... Попадетъ онъ съ этими сказками прямо въ адъ кромѣшный, въ геенну огненную. Тамъ ему мѣсто давно уготовано... Добро бы еще не крещеный былъ, а то священное писаніе до тонкости произошелъ,—и поди ты съ нимъ!—Погибшая душа, погибшій человѣкъ!

— Кто бы это говорилъ, только не вы, Иванъ Павловичъ,—возразилъ Василій Петровичъ.—Я вѣдь давно примѣчаю, что вы не безъ пріятства засматриваетесь на полныя икры Дуньки-карявой, нашей прачки.

— Что же, по вашему я долженъ закрывать себѣ глаза, что ли? Невольно соблазнишься.

— Не закрывать глаза, а просто вырвать ихъ слѣдуетъ,—произнесъ Василій Петровичъ не то серьезно, не то шутливо.

— Какъ это вырвать?

— Очень просто. Вы, какъ человѣкъ древняго благочестія, должны строго придерживаться писанія, на которое постоянно ссылаетесь. Неужели вы забыли, что въ писаніи сказано: если око твое соблазняетъ тебя, вырви его и брось отъ себя, ибо лучше, чтобы погибъ одинъ изъ членовъ, чѣмъ, чтобы все тѣло ввержено было въ геенну огненную, которой вы угрожаете бѣдному Юркѣ.

— Это пускай дѣлаетъ тотъ, у котораго семьи нѣтъ, а у меня семья и ее кормить надоть, а для этого нужно имѣть глаза и смотрѣть въ оба... Вѣдь эта Дунька-карявая, чтобъ ей пусто было, и васъ кажется ошаманила своими

бѣлыми, жирными икрами, Василій Петровичъ. Я вѣдь тоже примѣтливъ, не менѣе васъ.

— Дѣйствительно, у ней восхитительныя икры,—проговорилъ Василій Петровичъ.—Глядя на нихъ, невольно забываешь объ ея карявой рожицѣ.

— А что вы скажете, господа,—подхватилъ Юрко.—Вѣдь икры составляютъ главный признакъ здороваго женскаго естества. Если икры красивы, то и женщина во всѣхъ отношеніяхъ пріятна. Съ плохими же, тощими икрами, женщина никуда не годится. Мужчина ее не будетъ любить.

— Ты откуда это выцарапалъ? — спросилъ Василій Петровичъ.

— Это наше старинное остяцкое повѣрье,—продолжалъ Юрко наисерьезнѣйшимъ тономъ.—Въ подтвержденіе его существуетъ у юраковъ даже любопытная легенда. Хотите разскажу?

— Валяй, дружище, послушаемъ. Это не безынтересно,—проговорилъ Василій Петровичъ.

— Прежде всего, я, господа, долженъ вамъ заявить, началъ Юрко, что юрачки *) передъ всѣми другими инородцами отличаются красотою икръ.

---

*) Юраки—остатокъ самоѣдскаго племени. Они раздѣляются на двѣ орды—Тазовскую и Береговую. Первая бродитъ по рѣкамъ Тазу и Енисею, вторая—около Ледовитаго моря. По послѣдней народной переписи юраковъ считалось 250 душъ мужского и 160 душъ женскаго половъ. Сколько ихъ существуетъ въ настоящее время—мнѣ неизвѣстно. Они черноволосы и смуглы лицомъ; физіономія у нихъ болѣе открыта, чѣмъ у самоѣдовъ и остяковъ. Они весьма стройны и проворны. Многіе изъ юраковъ хорошо го-

Въ древнія времена,—какъ разсказываютъ старики,—одинъ татарскій князекъ сдѣлалъ набѣгъ на юрацкій городокъ, когда изъ него мужчины отлучились тоже для набѣга, а въ городкѣ остались однѣ женщины съ дѣтьми да старики. Князекъ забралъ всѣхъ молодыхъ юрачекъ, дѣвицъ и замужнихъ, надѣясь получить за нихъ богатый выкупъ, не то — взять себѣ въ наложницы. Вернулись юраки изъ похода. — Что дѣлать? Какъ выручить своихъ красавицъ? Итти войной на этого татарскаго князька — силъ у нихъ не хватало. Приходилось выкупъ дѣлать. Сложились они сообща, избрали трехъ мудрыхъ стариковъ и послали ихъ съ выкупомъ къ князьку. Тѣ пришли.— Такъ и такъ,—говорятъ,—ваше княжеское степенство, вы у насъ изволили забрать всѣхъ нашихъ молодыхъ бабенокъ, а мы нижайше просимъ возвратить ихъ намъ и взамѣнъ принять столько-то соболей, столько-то лисицъ, столько-то выдръ и прочее. Разбѣжались у князька глаза на богатый выкупъ, да и юрачки ему шибко приглянулись.

ворятъ по-русски и чрезвычайно понятливы. Женщины ихъ бѣлотѣлы и бѣлолицы. Нѣкоторыя изъ нихъ проживаютъ съ мужьями въ русскихъ селеніяхъ, одѣваются въ платья, и ихъ трудно отличить отъ русскихъ. Юраки чрезвычайно привязаны къ своимъ женамъ, которыя отплачиваютъ имъ тѣмъ же. Измѣны какъ съ одной, такъ и съ другой стороны составляютъ весьма рѣдкое явленіе. Между другими племенами юраки всегда отличались любовію къ свободѣ, независимости, непріязненностью къ русскимъ и враждою къ другимъ. Еще недалѣе какъ въ двадцатыхъ годахъ юраки береговой орды напали на одно русское зимовье, разграбили его и сожгли. Нѣкоторыя свѣдѣнія о юракахъ сообщены были покойнымъ княземъ Костровымъ сначала въ журналѣ „Москвитянинъ“, а потомъ въ „Запискахъ Сибирскаго отдѣла Императорскаго русскаго географическаго Общества“ въ 60-хъ годахъ. Съ тѣхъ поръ мнѣ ничего не удавалось узнать объ этомъ интересномъ племени.

Вотъ онъ думалъ, думалъ, да и придумалъ чисто дьявольскую штуку.—„Авось и выкупъ возьму и съ юрачками не разстанусь“, сказалъ онъ самому себѣ, радостно хлопнувъ себя по расшитому золотомъ аракчину (татарская ермолка). Объявилъ онъ юрацкимъ посламъ, что если они узнаютъ своихъ женщинъ между другими по ногамъ, когда всѣ онѣ будутъ закутаны въ покрывала съ головы до колѣнъ, тогда онъ и выкупа не возьметъ и отпуститъ полоняночекъ даромъ... А если возьмутся узнать своихъ и не узнаютъ, тогда должны и выкупа лишиться. Послы юрацкіе долго толковали между собою, наконецъ согласились на это дикое условіе. Въ назначенный день явились они передъ свѣтлыя очи татарскаго князька и притащили съ собою выкупъ. И вотъ передъ ними вытянулся длинный рядъ женщинъ, закрытыхъ съ головы до колѣнъ разными покрывалами, — только ноги да икры сверкаютъ. Князекъ, для смѣха, размѣстилъ между женщинами и нѣсколько мужчинъ— авось, дескать, вмѣсто своихъ бабенокъ, выберутъ моихъ молодцовъ: то-то будетъ потѣха! У него было много плѣнныхъ женщинъ, съ которыми онъ жилъ, какъ съ женами, были, кромѣ своихъ татарокъ, и киргизки, и вогулки, и самоѣдки, и остячки. Юрачекъ размѣстили вперемежку между другими. — „Ну, отбирайте, старички почтенные, своихъ бабенокъ и отводите ихъ на сторону, а вы, бабенки, не смѣйте снимать покрывала, пока не услышите на это моего приказанія!“—скомандовалъ князекъ. Старички почтенные начали отбирать женщинъ и отводить ихъ въ сторону. Набралась ихъ изрядная кучка.— Ну что? всѣхъ ли отобрали?—спрашиваетъ юраковъ князекъ.—„Кажись, что всѣхъ,—отвѣчали юраки.—Болѣе не предвидится“.—„Эй, вы, снимите покрывала!—закричалъ

князекъ отобраннымъ.—Покажитесь въ настоящемъ своемъ видѣ!“ Отобранныя разоблачились и всѣ онѣ, какъ есть, оказались юрачками. Диву не малому дался князекъ, но сдержалъ свое княжеское слово. Отдалъ плѣнницъ безъ выкупа и еще пригласилъ пословъ юрацкихъ къ себѣ на пиръ. — „Скажите мнѣ, старички почтенные, — говоритъ онъ имъ во время пира, — по какимъ это примѣтамъ вы узнали своихъ бабенокъ?“—„По икрамъ, ваша княжеская милость!“ — отвѣчали ему послы.—„Какъ по икрамъ?“— удивился князекъ.—„Ни у кого такихъ красивыхъ икръ, какъ у нашихъ юрачекъ, ваша милость, не найдете въ цѣломъ свѣтѣ, — говорятъ ему послы. Онѣ словно выточены изъ кости того большого звѣря, трупъ котораго иногда попадается на тундрахъ. Бѣлыя, полныя, ядреныя“. Князекъ задумался. Дѣйствительно, такихъ красивыхъ икръ онъ у своихъ женъ не ззмѣчалъ. На прощаньи старики юраки ему объяснили, что значатъ въ женскомъ естествѣ красивыя икры. Послѣ этого князекъ прогналъ всѣхъ своихъ женъ съ плохими, тощими икрами и выбралъ себѣ двѣ или три съ такими, какія были у юрачекъ и довольствовался ими до самой смерти, не ища другихъ.

Да, господа. Не въ шутку вамъ говорю я — икры у женщины имѣютъ большое значеніе. У насъ есть такіе доки старики, которые даже по женскимъ ступнямъ могутъ узнать все касательно женщины. Такъ, напримѣръ, по слѣдамъ босой женщины, оставленнымъ на сырой землѣ, иные вамъ опредѣлятъ: дѣвица ли прошла или замужняя, молодая или старуха, здорова или болѣзненна, доживетъ ли до старости или умретъ въ молодыхъ лѣтахъ, однимъ словомъ—узнаютъ все лучше, чѣмъ цыганки по рукамъ.

— Потѣха! — захохоталъ Василій Петровичъ. — Что ты скажешь на это? — обратился онъ ко мнѣ. — Тебя когда-то сильно интересовала антропологія.

— Насколько изъ моихъ бѣглыхъ наблюденій удалось мнѣ замѣтить, — отвѣчалъ я, — симметрія, при изяществѣ сложенія, почти всегда связана съ здоровьемъ, а здоровье всегда сопровождается здоровой чувственностію. Нордау утверждаетъ, что аскетическое противное чувственности, ученіе Толстого особенно нравится старымъ дѣвамъ, женщинамъ плоскогрудымъ, узкотазымъ, кривобокимъ и т. п. аномаліямъ. Я всегда считалъ нашъ современный вкусъ, основывающійся на тонкости членовъ въ ущербъ полнаго ихъ развитія, вкусомъ извращеннымъ, подобнымъ вкусу китайцевъ, находящихъ особенную прелесть въ уродованіи женскихъ ногъ. Въ жизни моей мнѣ удалось видѣть всѣ три изваянія Венеры, считающіяся идеальнымъ образцомъ женской красоты: Венеру милосскую, медиційскую и капиталійскую или парижскую. Живо и теперь еще представляются мнѣ всѣ ихъ формы, и мнѣ кажется, что если кто вздумалъ сдѣлать которой-нибудь изъ этихъ статуй или грудную клѣтку проще, или тазъ уже, или подскоблилъ округленныя ихъ икры, то, несмотря на прекрасную головку, вышла бы каррикатура. Для истинной красоты женщины необходима полная гармонія сложенія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и полное развитіе каждаго органа въ отдѣльности, такъ какъ все это служитъ выраженіемъ полноты физіологической жизни.. Я знаю эту Дуньку-корявую, какъ ее здѣсь прозываютъ, вижу ее каждый день, часто даже заговариваю съ нею. Это хотя, какъ говорится, бой-дѣвка, но чрезвычайно безхитростная и незлобная. Она сложена великолѣпно и не испорти лицо у нея оспа,

она могла бы служить любому скульптору натурщицей для вакханки. Изъ темныхъ, искристыхъ глазъ ея такъ и пышетъ жизнерадостное пламя. Немудрено, что и благочестивый нашъ Иванъ Павловичъ невольно увлекается ею. Полнота и правильность жизни отражаются въ полнотѣ и правильности тѣлесныхъ формъ, физическому же уродству всегда почти соотвѣтствуетъ нравственное. Каждый членъ женскаго тѣла, правильно развитый, будь это торсъ, тазъ, ноги, и, пожалуй, икры, производитъ, какъ это общеизвѣстно, невольно пріятное впечатлѣніе. Вѣдь то, что мы называемъ любовію, есть ничто другое, какъ влеченіе одного индивида къ формамъ тѣла другого. Половой инстинктъ, кажущійся намъ безотчетнымъ, служитъ единственнымъ рычагомъ для продолженія рода всего живущаго. Нѣтъ ничего старше, крѣпче и непобѣдимѣе этого инстинкта въ мірѣ существъ, раздѣленныхъ на полы. Но съ поддержаніемъ рода связывается еще и необходимость его улучшенія, поднятія родового типа. Замѣчено надъ животными, что каждое изъ нихъ безсознательно ищетъ себѣ пару здоровую и красивую и также безсознательно избѣгаетъ болѣзненную и уродливую. Безъ этого инстинкта всѣ живыя твари давно изуродовались бы и перевелись.

— А развѣ не бываетъ случаевъ, когда влюбляются въ уродовъ? – возразилъ Василій Петровичъ. — Я знаю много подобныхъ случаевъ.

— Я вижу, что и ты, какъ и всѣ вообще, слову „любовь“ придаешь значенія, не имѣющія между собой никой связи. Любить какого-нибудь урода можно только при полной извращенности естественнаго, вложеннаго въ насъ природою, вкуса. Въ другихъ же случаяхъ это будетъ не

любовь, а привязанность. Человѣкъ можетъ привязаться ко всякой вещи и цѣнить ее выше всего на свѣтѣ. Охотникъ привязывается къ своей собакѣ или ружью, наѣздникъ къ своей лошади, а мы все это называемъ любовью. У людей интеллигентныхъ можетъ иногда проявиться крѣпкая привязанность къ женщинѣ, вслѣдствіе привычки или разсудка. Долгъ, честность, состраданіе и множество другихъ причинъ могутъ иногда сердце заставить биться сладостно, но это все-таки не любовь въ настоящемъ значеніи этого слова, не тотъ, какъ ты назвалъ, благоуханнѣйшій цвѣтокъ жизни *). Впрочемъ, въ наше время и этотъ чудный цвѣтокъ жизни порядочно выдохся. Нынѣ любовь въ такъ называемомъ культурномъ слоѣ нашего общества разыгрывается, какъ простая комедія или какой-либо фарсъ, большею частію такъ себѣ, для препровожденія времени. Вотъ почему культурные люди, постепенно теряя способность увлекаться и воспламеняться, все болѣе и болѣе превращаются въ какія-то тряпки и гнилушки. Любовь входитъ въ полный возможный расцвѣтъ личности, и исторія доказываетъ, что чѣмъ болѣе кто изъ людей былъ страстнымъ въ любви, тѣмъ болѣе онъ былъ великимъ... Немудрено, что нынѣ доктрины, въ родѣ толстоизма, находятъ себѣ ярыхъ послѣдователей. Отсюда не далеко и до кастраціи. Мы, русскіе, хотя и скоро остываемъ въ своихъ увлеченіяхъ, но часто въ нихъ доходимъ даже до абсурда... Только у нецивилизованныхъ народовъ

---

*) Даже то, что называютъ платонической идеальной любовію есть не что иное, какъ форма чистѣйшей матеріальной, чувственной любви, только форма бездѣятельная, опоэтизированное нытье импотента.

любовь въ настоящемъ своемъ значеніи, пожалуй, сохраняетъ еще первобытную свою силу и энергію.

— Вотъ что, Иванъ Павловичъ,—обратился Василій Петровичъ, послѣ небольшой паузы, къ своему приказчику. — Вы человѣкъ толковый, смѣтливый и довольно опытный. Не возьметесь ли вы провѣрить на икрахъ Дуньки-корявой остяцкую примѣту?.. Тутъ, знаете, кромѣ вашего личнаго пріятства, вышла бы еще польза для науки... Мы бы тотчасъ оповѣстили міру о такомъ важномъ вашемъ открытіи, какъ значеніе икръ при распознаваніи качествъ женскаго естества, какъ выражается нашъ сказатель Юрко.

— Убирайтесь вы съ вашей Дунькой-корявой и съ вашей бѣсовской наукой, — отозвался тотъ, схвативъ свою фуражку.—Бросьте, господа, всѣ эти лжемудрствованія, перекреститесь и усните съ Богомъ. Вѣдь уже второй часъ ночи. Это будетъ пользительнѣе и главное — душеспасительнѣе.

За Иваномъ Павловичемъ собрался уходить и Юрко, такъ какъ въ графинчикѣ давно уже образовалась пустота. Другимъ же графинчикомъ Василій Петровичъ не имѣлъ обыкновенія баловать своихъ собесѣдниковъ.

— Вотъ что, Юрко,—сказалъ ему на прощаньи Василій Петровичъ,—удерживая его за руку.—На завтрашній вечеръ приготовь ты намъ что-либо такое... но менѣе забористое. А то эта остяцкая исповѣдь передъ первыми родами, этотъ куль-хунтызъ, да икры юрачекъ, произвели въ нашемъ естествѣ веліе смятеніе. Вотъ у тебя имѣется хорошенькая сказка про остяцкаго Громобоя, которую ты—помнишь?—въ прошедшемъ году разсказывалъ рабочимъ.

— Хорошо, — отвѣчалъ Юрко. — Постараюсь ее припомнить.

— Какимъ это образомъ,—спросилъ я Василія Петровича, — „Громобой“ Жуковскаго могъ забраться къ остякамъ?

— Забрался онъ къ нимъ по милости нашего фантазера Юрка. Вотъ какимъ образомъ случилось это. Одинъ мой рабочій, россійскій человѣчикъ, изъ ссыльныхъ, изрядный грамотей, во время отдохновенія, вздумалъ позабавить артель сказкою Жуковскаго о „Громобоѣ“. Сказка эта, повидимому, заняла больше остяковъ, понимавшихъ по-русски, чѣмъ нашихъ православныхъ сибиряковъ. — „Дуракъ!“ — сказалъ одинъ изъ этихъ послѣднихъ про Громобоя, когда окончилось чтеніе.—„Я на его мѣстѣ, при такомъ капиталѣ, набралъ бы побольше себѣ женъ, наплодилъ бы побольше робятъ, да и затыкалъ бы ими ротъ чорту. Пришелъ чортъ за однимъ, я бы предоставилъ ему другихъ, а тамъ и внуковъ, пожалуй. А когда мнѣ наскучила бы жисть, тогды бы я, передъ приходомъ чорта, до срока, значитъ, дерябнулъ какого-либо зелья, пускай тогды розыскиваетъ мою душеньку, а съ падломъ моимъ пускай дѣлаетъ себѣ что похочетъ“. — Не хорошо, не хорошо, шибко не хорошо—твердили остяки.—„Чѣмъ тутъ ребятки виноваты? Почто ихъ отдавать чорту? Коли самъ виноватъ—самъ и отдувайся. – „Толкуйте вы тамъ себѣ, что хотите, а своя шкура дороже“, – проворчалъ сибирякъ, закурилъ трубку и вышелъ изъ круга. Тогда его братецъ, унтеръ-офицеръ запаса, продувная бестія и большой руки острякъ, съ цѣлью подтрунить надъ остяками, удостоившимися одобренія читальщика, разсказалъ „исторію“, вѣроятно собственнаго сочиненія. Въ ней онъ оповѣстилъ,

какъ нѣкій умный и ловкій русакъ (нашъ братъ-русакъ въ сказкахъ инымъ быть не можетъ, какъ только умнымъ и ловкимъ, хотя на дѣлѣ онъ далеко не такой) продалъ душу свою чорту, и когда чортъ въ назначенное время за ней явился, то русакъ, вмѣсто своей души, подсунулъ ему своего работника-остяка, и не одного, а съ женой. Остякъ этотъ согласился итти въ адъ за хозяина, но потребовалъ, чтобы хозяинъ высваталъ ему предварительно невѣсту и женилъ его. Остякъ и его жена были крещеные. Чортъ разсчиталъ, что ему выгоднѣе получить за одну душу двѣ, и согласился на обмѣнъ. Такимъ образомъ остякъ отправился живымъ въ адъ, обнявъ крѣпко жену и захвативъ съ собою оленью печенку. Баба подъ бокомъ и оленья печенка въ зубахъ, для остяка, по мнѣнію разсказчика,—единственныя сокровища въ мірѣ, единственныя лакомства въ жизни. Остякъ, жарясь на адскомъ огнѣ, ни на минуту не могъ разстаться ни со своей возлюбленной женушкой, ни со вкусной оленьей печенкой. Это забавляло всѣхъ чертей, и они надъ бѣдной четой строили всевозможныя штуки. Сказка эта была невыразимо сальна, невыразимо цинична, но всѣ сибиряки, даже женщины и дѣвицы, слушали ее съ восхищеніемъ, ржали отъ удовольствія и готовы были отъ души кричать: bis! Тогда, вотъ этотъ проказникъ, Юрко, приподнялся съ мѣста и заявилъ, что у остяковъ тоже имѣется свой Громобой, т. е. человѣкъ, запродавшій душу чорту, почище русскаго, даже прочитаннаго Громобоя, и что онъ готовъ повѣдать о его небезынтересныхъ похожденіяхъ, если почтенная публика согласится послушать. Почтенная публика согласилась, и Юрко урѣзалъ ей сказку про остяцкаго Громобоя, тоже вѣроятно собственнаго издѣлія, но болѣе

осмысленную, чѣмъ сказка про русскаго, замѣнившаго себя бѣднымъ остякомъ и его женушкою...—Итакъ, завтра, мой любезный Юрко, ты непремѣнно разскажи эту сказку. Мнѣ она очень понравилась, и я увѣренъ, что она понравится и нашему гостю. А теперь отправляйся съ Богомъ спать.

— Кто знаетъ, что изъ этого Юрка вышло бы, если бы ему удалось получить современное европейское образованіе,—началъ Василій Петровичъ по его уходѣ.—Геніальная личность! Способности у него феноменальны, не говоря уже о воображеніи чрезвычайно поэтическомъ. Въ прошедшемъ году онъ увидѣлъ у меня книгу „Исторія философіи“ Льюиса и попросилъ дать ему ее почитать.—Возьми, сказалъ я ему, только наврядъ ли что-либо въ ней поймешь.—„Отчего же не понять? Вѣдь она написана по-русски“, возразилъ Юрко.—Есть, братецъ, много книгъ и по-русски написанныхъ, изъ которыхъ ничего не поймешь, хотѣлъ было я ему замѣтить... Вотъ онъ возился съ этой книгой цѣлый мѣсяцъ, ночи почти надъ ней просиживалъ, наконецъ приноситъ.—Прочиталъ? спрашиваю я. — „Прочиталъ“, отвѣчаетъ и ухмыляется.—Понялъ? — „Какъ не понять“.—Ну-ка, разскажи мнѣ что-либо изъ этой книги.—И можешь ли представить себѣ? Юрко, начиная съ Ѳалеса до Огюста Конта пересчиталъ мнѣ подъ рядъ всѣхъ философовъ и недостаточно, что назвалъ ихъ имена, но изложилъ съ удивительной точностію всѣ ихъ доктрины. Этакой умъ чортовскій.

— Какое же онъ вывелъ заключеніе изъ всей этой ерунды?—спросилъ я.

— Самое ерундистическое,—отвѣчалъ Василій Петровичъ, разсмѣявшись. Онъ, изволь видѣть, основался на

пресловутомъ Кантѣ, къ которому нынѣ начали поворачивать и наши московскіе философы.—„Если міръ мое представленіе, говорилъ Юрко, то мнѣ принадлежитъ все въ мірѣ, все это моя собственность, мое произведеніе, которымъ я могу располагать по своему произволу. Выходитъ, что и Бога я самъ себѣ создалъ". — А кто же тебя создалъ, — спросилъ я, — тебя, Юрку дурака, все это себѣ представляющаго? А? скажи-ка ты мнѣ?—Юрко улыбнулся. Потомъ презрительно махнулъ рукою на книгу Льюиса и произнесъ:—„Всѣ эти ученія, изложенныя въ этой книгѣ, по моему простому разумѣнію, выѣденнаго яйца не стоютъ. Было бы тысячу разъ лучше, если бы ихъ вовсе не существовало. Господа философы, преслѣдуя какую-то реальность за предѣлами опыта, уподобляются той собакѣ въ баснѣ, которая несла кусокъ мяса черезъ ручей, и желая схватить еще отраженіе въ водѣ, выпустила изъ зубовъ настоящее мясо. Вѣдь большая часть людей живетъ себѣ безъ всякихъ философій и живетъ отлично". Тутъ онъ пересчиталъ почти всѣхъ извѣстныхъ сибирскихъ крезовъ, о философіи никакого понятія не имѣющихъ, а между тѣмъ живущихъ въ роскоши и довольствѣ и ворочающихъ милліонами.—„Какъ по-вашему, Василій Петровичъ,—философіей ли они нажили свои капиталы?"—спросилъ онъ меня.—„Если философіей, то ихъ философія должна быть совершенно отличной отъ тѣхъ, которыя изложены въ этой книгѣ".—Вотъ и поди ты съ Юркой!

Не знаю,—вслѣдствіе ли неумолкаемаго смѣха, возбуждаемаго въ теченіе этого вечера уморительными анекдотами Юрка, или по какимъ-либо другимъ причинамъ, повліявшимъ на мои нервы, у меня совсѣмъ прошла охота

завалиться спать, хотя давно уже наступила пора. Василій Петровичъ тоже не чувствовалъ расположенія ко сну.

Мы отправились въ мою комнату, закурили, я прилегъ на свою кровать, Василій Петровичъ растянулся на диванчикѣ, и у насъ долго еще продолжалась бесѣда.

— Такъ какъ твой Юрко шаманъ, началъ я, то мнѣ бы хотѣлось посмотрѣть на его шаманство. Мнѣ не довелось еще видѣть остяцкихъ шамановъ. Слышалъ я, впрочемъ, что они производятъ удивительные фокусы.

— Если это фокусы,—отвѣчалъ Василій Петровичъ, то они ими заткнули бы за поясъ всѣхъ фокусниковъ на свѣтѣ. Невозможно дать вѣроятія, чтобы какая-либо ловкость и престидижитаторское искусство могли когда-либо дойти до такихъ необычайныхъ размѣровъ.

— Что же это по-твоему?

— Это такая нашей наукой необъяснимая штука, что какимъ бы ты ни былъ скептикомъ или ученымъ, а станешь передъ нею втупикъ. Объяснить ее нельзя ни галлюцинаціей, ни гипнотическимъ состояніемъ зрителей, т. е. лицъ, наблюдающихъ явленіе. Вотъ, напримѣръ, возьмемъ самое простое шаманское дѣйствіе: открытіе вора и мѣста, гдѣ спрятано украденное. Чѣмъ ученый объяснитъ это? Сообществомъ шамана съ воромъ? Не такъ ли?

— Разумѣется.

— А ты?

— Я?.. Я, дружище, пришелъ теперь къ такому убѣжденію, что въ мірѣ, при безконечномъ измѣненіи, составляющемъ самую жизнь, все возможно. Лѣтъ 50 тому назадъ, я не повѣрилъ бы ни въ микрофонъ, ни въ фонографъ, ни въ радіометръ Крукса, доказавшаго четвертое состояніе матеріи, ни въ перемѣщеніе чувствъ и мыслей,

сирѣчь телепатію. Но теперь я ни о чемъ не скажу, что оно невозможно. Невозможно только въ математикѣ, чтобы дважды два было не четыре, а пять. Что же касается природы вообще, то я придерживаю языкъ за зубами, потому что всѣхъ законовъ природы, взаимно ограничивающихъ другъ друга, мы не знаемъ, да и никогда ихъ не узнаемъ. Что невозможно на нашей планетѣ,—то можетъ быть самымъ обыкновеннымъ явленіемъ на какой-либо другой. Вселенная безпредѣльна, и явленія въ ней должны быть безконечно разнообразны. Сколько было научныхъ систематическихъ отрицаній, и что же? Всѣ они оказались несостоятельными при свѣтѣ новыхъ научныхъ открытій!

— И я такъ думаю. Поэтому станемъ брать факты такъ, какъ они есть, и не стараться ихъ объяснять тѣми шаткими данными, которыми обладаетъ современная, такъ называемая, положительная наука.

— Но и не будемъ слишкомъ легковѣрны.

— У меня прежде на „пескѣ“ происходили между рабочими постоянныя кражи. Воровали обыкновенно наши православные; обкрадывали они то своего брата, то остяковъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ Юрко сталъ появляться у меня, кражи прекратились. Чудесная способность его открывать вора и мѣсто, гдѣ спрятано украденное, сдерживаетъ хищническія наклонности рабочихъ. Однажды я нарочно обронилъ портмонэ съ нѣсколькими рублями. Подхватилъ его сибирякъ и, разумѣется, затаилъ. Боясь же обыска, припряталъ его въ щель, въ задней стѣнѣ амбара. Я спросилъ рабочихъ—не поднялъ ли кто изъ нихъ мой портмонэ? Никто не признался. Юрко въ то время спалъ. Когда онъ проснулся, я попросилъ его пошаманить. Онъ описалъ мѣсто, гдѣ спрятано было портмонэ, описалъ на-

ружность и примѣты затаившаго находку, но не захотѣлъ назвать его по имени, хотя и могъ.

— Это дѣлаютъ многіе и не остяцкіе шаманы. Дѣлаютъ также и загипнотизированные сомнамбулы. Ты не читалъ о парижской ясновидящей вдовѣ, мадамъ Афингеръ, о которой писали въ газетахъ?

— Что-то, помню, читалъ: но это было очень давно, еще въ бытность мою въ университетѣ.

— Въ октябрѣ 1868 года, Лекокъ де-Буамонъ, адвокатъ и секретарь Жюля Фавра, отправился въ Пьемонтъ по какимъ-то дѣламъ. Семь мѣсяцевъ спустя, семейство его получило депешу, извѣщавшую объ отысканіи его трупа въ окрестности того мѣста, откуда было получено его послѣднее письмо. За мѣсяцъ или болѣе до того времени, семейство его, обезпокоенное его молчаніемъ и предчувствуя что-то недоброе, наводило справки, но ничего не могло узнать. Тогда товарищи де-Буамона рѣшили посовѣтоваться съ мадамъ Афингеръ и отъ нея узнали, что де-Буамонъ убитъ прилично одѣтымъ человѣкомъ, путешествовавшимъ съ нимъ вмѣстѣ, что этотъ человѣкъ нанесъ ему три удара кинжаломъ въ шею, плечо и въ грудь, что де-Буамонъ защищался своимъ ножомъ, но товарищъ убійцы, по виду крестьянинъ, добилъ его ударомъ палки по головѣ. Вмѣстѣ съ этимъ ясновидящая сдѣлала подробное описаніе мѣста убійства, вещей, бывшихъ съ убитымъ, и примѣтъ убійцъ. Все это подтвердилось судебнымъ разслѣдованіемъ. Мадамъ Афингеръ способствовала и разъясненію дѣла объ убійствѣ судебнаго пристава Гуффе въ 1889 году *). Будучи загипнотизирована

*) Гуффе былъ убитъ Мишелемъ Эйро и Габріелью Бонпаръ въ Парижѣ, на улицѣ Тронсонъ, близъ церкви „Мадленъ“.

своимъ сыномъ, 12 августа, она, когда два редактора газеты „Lanterne“ явились къ ней за совѣтомъ, принеся съ собою перчатку и галстухъ исчезнувшаго пристава, разсказала, что Гуффе былъ завлеченъ въ ловушку и убитъ въ Парижѣ въ кварталѣ Мадлены, затѣмъ уложенъ въ большой чемоданъ или сундукъ и отправленъ въ провинцію, въ окрестности одного большого города (Ліона) и будетъ найденъ 23 августа. Госпожѣ же Ландри и дѣвицѣ Гуффе, принесшимъ къ ней шапку покойнаго, она объяснила, что убійцы будутъ арестованы въ одинъ изъ трехъ мѣсяцевъ, слѣдующихъ за консультаціей и что они отправились въ Америку, что трупъ былъ зашитъ въ большой мѣшокъ и что этотъ мѣшокъ шила молодая и красивая женщина, знавшая объ его назначеніи. Дѣло объ убійствѣ на бульварѣ Тампль... Ты читалъ о немъ?

— Читалъ. Помню его очень хорошо. Оно произошло въ 1891 году.

— Оно тоже было разъяснено во всей подробности мадамъ Афингеръ. Нѣсколько дней спустя послѣ преступленія, редакторъ газеты „Lanterne“ отправился къ ней съ бинтомъ, служившимъ для первой перевязки несчастной Дельфины Губръ. Усыпленная гипнотизмомъ, сомнамбула объяснила, что убійца былъ другъ семейства Деллярь, что онъ давно уѣхалъ изъ Парижа и что онъ будетъ арестованъ въ рождественскую недѣлю. На другой день она добавила, что убійца — молодой человѣкъ, недавно оставившій военную службу, что онъ былъ вооруженъ двумя ножами, что, совершивъ убійство, онъ отправился въ сторону площади Бастиліи, чтобы замыть кровяныя пятна на своей одеждѣ; однимъ словомъ, разсказала все то, что онъ дѣлалъ, и что подтвердилось впослѣдствіи.

— Я выбираю только эти три случая ясновидѣнія изъ множества другихъ, имъ подобныхъ, о которыхъ сообщенія разсѣяны по разнымъ газетамъ. Но господа ученые смотрятъ на эти факты какъ на явленія, не имѣющія для ихъ науки никакого значенія. Если бы магнетизмъ или гипнотизмъ (что по моему одно и тоже) не оставался много лѣтъ внѣ рамокъ оффиціальной науки, то многое измѣнилось бы въ рутинныхъ воззрѣніяхъ господъ ученыхъ. Многочисленныя наблюденія надъ субъектами, погруженными въ гипнозъ, показали уже, что такія субъекты могутъ не только видѣть, что дѣлается въ отдаленіи, но по обломку какой-либо статуи представить въ своемъ духовномъ видѣніи все, что происходило въ давнопрошедшія времена съ этой статуей или какой другой вещью, поданной имъ въ руки; они воспроизводятъ въ своемъ воображеніи цѣлые періоды и сцены, описывая ихъ съ поразительной вѣрностію, подтверждаемой точными историческими данными.

— У меня былъ знакомый нѣкто Д.—ты его не знаешь. Онъ занимался магнетизмомъ и о телепатіи или мысленномъ внушеніи зналъ задолго до того времени, когда объ ней заговорили въ Европѣ *). Онъ предсказывалъ великую будущность магнетизму, хотя, какъ поэтъ, и увлекался. Онъ утверждалъ, что преступленія, какъ-то: воровство, мошенничество, грабежи и убійства прекратятся сами собою, потому что преступники всегда будутъ открыты ясновидящими сомнамбулами, и никто не станетъ надѣяться

---

*) Покойный Д. П. Давыдовъ. См. статью мою „Медіумы и ясновидящіе въ Сибири“, напечатанную въ №№ 41 – 44 журнала „Ребусъ“ за 1893 г.

обмануть правосудіе и избѣгнуть кары закона. Исчезнутъ ложь, лицемѣріе, фарисейство; достоинства и недостатки людей будутъ открыты, а такъ какъ все въ мірѣ не дѣлается само-собою, а зависитъ отъ природы, у людей же — отъ ихъ врожденныхъ свойствъ, унаслѣдованныхъ и пріобрѣтаемыхъ, то и не будетъ раздѣленія на хорошихъ и дурныхъ, высшихъ и нисшихъ, и всѣхъ людей соединитъ чувство того братства и того благорасположенія, которыя намъ завѣщалъ Спаситель. Такимъ образомъ магнетизмъ окажется тысячу разъ могущественнѣе и плодотворнѣе того толченія воды въ ступѣ, которому могутъ быть уподоблены проповѣди различныхъ моралистовъ и всѣ эти измышленія разныхъ Толстыхъ, Бьернсоновъ, Фогацаро, Родовъ, Бурже и прочихъ идеалистовъ, мечтающихъ объ исправленіи человѣческаго рода. Если человѣкъ будетъ знать, что всѣ его скверны могутъ быть открыты, то, поневолѣ, будетъ стараться сдѣлаться хорошимъ человѣкомъ и безъ посредства проповѣдей. Магнетизмъ — единственная панацея человѣчества отъ недуговъ нравственныхъ и соціальныхъ...

— Но возвратимся къ остяцкимъ шаманамъ. Ты давно имѣешь общенія съ остяками, слѣдовательно тебѣ нетрудно дать мнѣ болѣе или менѣе точное объ нихъ понятіе. Ты, вѣроятно, интересовался ими?

— Какъ не интересоваться! Я родился въ Нарымѣ, а въ Нарымскомъ краѣ *) много остяковъ, ведущихъ уже осѣдлую жизнь, и вслѣдствіе этого болѣе развитыхъ, чѣмъ остяки тобольскіе.

---

*) Нарымскимъ краемъ называется большой участокъ Томскаго округа.

— Вѣрятъ ли остяки въ душу и ея безсмертіе? существуетъ ли у нихъ загробная жизнь съ ея воздаяніемъ за добрыя дѣла и наказаніемъ за дурныя? Есть ли у нихъ адъ и рай и какъ они его себѣ представляютъ? Вотъ что мнѣ хотѣлось бы узнать, такъ какъ я до сихъ поръ не могъ себѣ составить объ этомъ опредѣленнаго понятія потому, что о религіяхъ инородцевъ, особенно тѣхъ, у которыхъ не существуетъ письменности, наши ученые довольствуются самыми поверхностными свѣдѣніями.

— И неудивительно. Происходитъ это отъ того, во-первыхъ, что сами инородцы, по своему умственному неразвитію, не въ состояніи достаточно выяснить сущность своихъ вѣрованій. Возьми ты любого нашего православнаго простолюдина и попробуй получить отъ него правильное объясненіе догматовъ христіанства. Онъ тебѣ нагородитъ такую чепуху, что ты поневолѣ заткнешь уши. Во-вторыхъ, инородцы вообще не охотники распространяться о своей вѣрѣ передъ русскими, которые всегда надъ нею глумились и глумятся. Обстоятельное понятіе о своей вѣрѣ могли бы дать инородцы ученые, но они не должны быть христіанами. Крестъ заставляетъ инородца относиться къ своей вѣрѣ съ презрѣніемъ, иначе онъ не крестился бы, а окрестившись онъ побоится, чтобы его не заподозрили въ неискренности крещенія. Онъ дѣлается врагомъ не только своей вѣры, но и своихъ одноплеменниковъ. Относительно вѣры въ душу и ея безсмертіе—остяки не уступаютъ и намъ, христіанамъ, и эта вѣра у нихъ доходитъ до того, что они признаютъ даже душу у животныхъ, съ чѣмъ, конечно, не согласятся ни картезіанцы, ни богословы. Остяцкіе шаманы обладаютъ силой, дающей имъ власть управлять душами или духами животныхъ. Посредствомъ

ихъ они переносятъ свою шаманскую душу куда угодно и заставляютъ ихъ дѣлать, что имъ заблагоразсудится.

— Послушай, — вѣдь это интересная новость для нашихъ спиритистовъ, которымъ являются духи только умершихъ людей. Я непремѣнно сообщу имъ объ этомъ. Пускай раскусятъ это *).

— Остяцкіе шаманы раздѣляются на три разряда. Однихъ можно уподобить нашимъ знахарямъ, или, *дошлымъ* людямъ, какъ выражаются у насъ въ Сибири. Они могутъ излѣчивать разныя болѣзни, а также и насылать порчу. Называются они по-остяцки *жэтцыэнгъ*. Другой разрядъ составляютъ *кодычаны* или *сомбырни*. Это гадальщики или прорицатели. Имъ извѣстно будущее. Они предсказываютъ урожаи, наводненія, счастливые или несчастные случаи въ жизни и т. п. Третій разрядъ и самый главный, а потому и весьма рѣдкій, — это *сэйдырнаны*, нѣчто въ родѣ медіумовъ спиритистовъ, или вѣрнѣе раджъ-іоговъ индусскихъ, о которыхъ сообщала наша Блаватская, извѣстная спеціалистка по части таинственныхъ ученій. Имъ, какъ и раджъ-іогамъ, приписывается способность останавливать вліяніе природы, сохраняя юношескую наружность въ продолженіе долгаго, почти невѣроятнаго продолженія времени, а также и способность покидать собственное тѣло и переходить душою въ другое. Они также могутъ превращать людей въ животныхъ.

— Эксперименты послѣдняго рода производятъ нынѣ и нѣкоторые магнитизеры или гипнотизаторы.

---

*) Сообщеніе объ этомъ мною, дѣйствительно, сдѣлано въ журналѣ „Ребусъ“. См. № 41, 1893 г. стр. 393, но, вѣроятно, оно не по вкусу гг. спиритистамъ.

— Души животныхъ, находящіяся у сэйдырнановъ въ услуженіи, называются „*лозы*“. Каждый сэйдырнанъ имѣетъ по нѣсколько этихъ „лозовъ“. Изображенія ихъ, въ видѣ дѣтскихъ куколъ, хранятся въ потаенномъ мѣстѣ. Въ случаѣ неисполненія ими какого-либо приказанія, шаманы задаютъ имъ отличную лупцовку. Въ Нарымскомъ краѣ есть остякъ Мазотка, принадлежащій къ разряду сэйдырнановъ. Онъ крещенъ, ходитъ въ церковь, ставитъ свѣчи, кладетъ усердные поклоны, читаетъ молитвы, а все-таки не перестаетъ быть шаманомъ. Выходитъ, что крестъ какъ ни силенъ въ другихъ отношеніяхъ, а не въ состояніи изгнать врожденной чертовщины, какъ наши православные называютъ вообще шаманскіе кудеса. Шаманомъ вѣдь нужно родиться, искусственно же, безъ природнаго расположенія, сдѣлаться имъ нельзя. Чтобы ознакомить читателей съ экспериментами, производимыми сэйдырнанами, я долженъ ненадолго прервать мою бесѣду съ Василіемъ Петровичемъ и привести сообщеніе объ этомъ Мазоткѣ, сдѣланное извѣстнымъ этнографомъ Нарымскаго края г. Григоровскимъ и напечатанное въ IV книжкѣ „Западно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго русскаго географическаго Общества“, изданной въ 1892 году.

У одного изъ крестьянъ, въ томъ селеніи, въ которомъ проживалъ г. Григоровскій, по имени Егоръ, украдены были ночью три хомута со шлеями. Розыски производились и по гумнамъ, и по задворкамъ,—похищеннаго не оказывалось. Подозрѣніе падало на извѣстнаго въ селѣ вора, крестьянскаго сына Вавилу, онъ же „Филенка“, парня лѣтъ 24, который, какъ слышно было, похвалялся въ кабакѣ кражей, объясняя, что это уже 32-я, и что ему еще надлежитъ сдѣлать восемь кражъ, какъ звѣропромышлен-

нику убить 40 медвѣдей, и тогда онъ будетъ словно заколдованный и никогда не попадется. Бѣдный Егоръ и виномъ подпаивалъ Филенку, съ цѣлью получить отъ пьянаго какой-либо намекъ на мѣсто, куда онъ спряталъ хомуты, и предлагалъ ему даже деньги, обязываясь подъ клятвой не выдавать его, лишь бы онъ указалъ, гдѣ они спрятаны; но сибирякъ былъ себѣ на умѣ, лопалъ жадно водку и не поддавался ни на какіе подвохи. Оставалось Егору одно: обратиться къ шаману Мазоткѣ. Онъ сообщилъ объ этомъ г. Григоровскому, и послѣдній, изъ любопытства, взялся ему сопутствовать. Вотъ какъ г. Григоровскій описалъ свою экскурсію къ остяцкому „сэйдырнану“:

„Въ половинѣ ноября, какъ-то вечеромъ, мы съ Егоромъ сѣли въ сани и поѣхали къ Мазоткѣ. Егоръ съ нимъ не былъ знакомъ, я тоже, слѣдовательно, мы должны были, по пріѣздѣ въ юрты *) остановиться у Сидорки, который былъ знакомъ Егору и мнѣ. Егоръ захватилъ съ собою двѣ бутылки водки. Часа черезъ два мы добрались до юртъ, потому что была мятель и снѣгомъ передувало дорогу. Густыя тучи повисли на небѣ и, казалось, были отъ земли только саженяхъ въ пяти, не больше. Снѣгъ валилъ большими хлопьями. Пріѣхавъ къ Сидоркѣ, мы вошли въ избу и понемногу объяснили цѣль нашего посѣщенія и, узнавъ, что Мазотка дома, просили свести насъ къ нему, познакомить съ нимъ и попросить поворожить для насъ. Вмѣстѣ съ Сидоркой и пошли мы къ Мазоткѣ, который жилъ очень близко. Мазотка принялъ насъ радушно и, выслушавъ предложеніе Сидорки поворожить намъ и разсказъ Егора о кражѣ, согласился испытать свои силы, не

*) Юртами называются остяцкія селенія.

узнаетъ ли онъ что-либо отъ „лозовъ“. Затѣмъ онъ бросилъ починку сѣти, вышелъ на улицу, затворилъ самъ снаружи ставни всѣхъ оконъ и приперъ ихъ подставками. Воротясь въ избу, онъ объяснилъ намъ, что его надобно связать чѣмъ-нибудь по рукамъ и ногамъ и положить посреди пола; потомъ, когда огонь будетъ погашенъ, мы во все время должны сидѣть на своихъ мѣстахъ, не шевелясь и не разговаривая, тогда онъ будетъ скликать своихъ „лозовъ“ и они унесутъ его на то мѣсто, гдѣ спрятаны хомуты и покажутъ ему вора. Но мы должны сидѣть молча до той поры, когда онъ потребуетъ опять зажечь огонь. Егоръ предложилъ Мазоткѣ передъ такою дальнею дорогою выпить стаканъ водки, тотъ согласился, а такъ какъ въ домѣ не нашлось ни стакана, ни рюмки, то выпилъ чайную чашку съ удовольствіемъ, но на предложеніе Егора выпить еще одну отвѣчалъ, что онъ лучше выпьетъ послѣ, съ устатку. Семья Мазоткина вся вышла изъ дома и ушла къ сосѣдямъ. Въ избѣ остались только я съ Егоромъ, Сидоркою и Мазоткою, дверь заперли на крюкъ. Мазотка былъ въ одной синей дабовой рубахѣ, и, вставъ посединѣ избы, предложилъ Егору связать ему руки и ноги. Егоръ снялъ съ себя опояску и связалъ Мазоткѣ позади руки, закрутилъ ихъ такъ, что безъ посторонней помощи невозможно было снять съ себя эти путы, или развязать ихъ. Потомъ, положивъ его на полъ, и, взявъ опояску съ Сидорки, завязалъ ею ноги Мазоткѣ. Мы трое сѣли рядомъ на лавкѣ, а Мазотка связанный лежалъ на полу. Я, какъ сидѣвшій ближе всѣхъ къ столу, загасилъ свѣчу, и мы остались въ темнотѣ. При всеобщемъ молчаніи и тишинѣ, только были слышны наши дыханія и самого Мазотки, лежащаго посединѣ на полу; потомъ Мазотка началъ бормотать что-то,

сначала про себя, а потомъ громче и громче. Вначалѣ я не могъ понять ничего изъ словъ его, но потомъ, вслушиваясь, я понялъ, что онъ сзывалъ къ себѣ „лозовъ“, такъ какъ онъ поминалъ слова: *„квыоргынлозъ“* (медвѣжій духъ), *„логанлозъ“* (лисій), *„кананлозъ“* (песій), *„мергинлозъ“* (духъ вѣтра) и другіе, и приказывалъ нести себя туда, гдѣ находятся покраденныя вещи и показать ему вора. Три раза произносилъ онъ свои заклинанія, потомъ пересталъ, и въ гробовой тишинѣ темной комнаты только слышалось тяжелое дыханіе Мазотки. Вдругъ, вверху, на подволокѣ избы, послышалось ворчаніе медвѣдя, немного погодя лай лисицы, визгъ собаки, уханье филина. Все это было черезъ небольшіе промежутки времени и повторялось нѣсколько разъ. Въ это время опояски сами-собою спали съ рукъ и съ ногъ Мазотки и какою-то невидимою силою были брошены въ лицо Егора, со всѣми узлами, которыми онъ завязалъ ихъ, не развязанные, но просто снятые *). Наверху, въ самой трубѣ, послышалось бряканье вьюшки, которою закрывается труба. Въ гробовомъ безмолвіи и темнотѣ слышны стали наши затаенныя дыханія, но дыханія самого Мазотки не было слышно. Въ потьмахъ не было видно ничего; каждый изъ насъ напрягалъ только слухъ и каждый чувствовалъ присутствіе другихъ, какъ бы тѣ ни затаивали свое дыханіе, а шаманъ Мазотка въ это время лежалъ совершенно бездыханный, какъ трупъ. Въ этомъ безмолвіи прошло около получала. Вдругъ, наверху опять раздались тѣ же ворчанія медвѣдя и крики другихъ животныхъ и также постепенно, и вмѣстѣ съ

*) По спиритической терминологіи подобныя явленія называются проникновеніемъ матеріи чрезъ матерію.

этимъ мы услышали и дыханіе самого Мазотки на полу, какъ слышали его прежде. Наверху все смолкло. Мазотка попросилъ зажечь огонь, я чиркнулъ спичку, зажегъ свѣчу и мы увидѣли Мазотку, лежащаго на полу. Онъ весь былъ въ поту и даже рубашка на немъ была вся мокрая. Между тѣмъ на полу, зимою, въ такой курной избѣ, никакъ невозможно было вспотѣть, потому что полъ былъ щелеватый и по низу часто ходилъ холодный вѣтеръ. Мазотка всталъ, сѣлъ на лавку къ столу, какъ будто послѣ какой тяжелой работы, и сказалъ Егору, что хомуты его укралъ высокій, черноволосый, худощавый крестьянинъ, еще молодой, съ черными бровями и карими быстрыми глазами. Ну, однимъ словомъ, описалъ вполнѣ Филенку, описалъ и полушубокъ его, у котораго правая пола замарана дегтемъ, и бродни его,—рѣшительно всѣ примѣты, такъ что въ описаніи его нельзя было не узнать Филенку. Хотя Егоръ не сказывалъ ни Мазоткѣ, ни Сидоркѣ, кого онъ подозрѣваетъ въ кражѣ, Мазотка самъ узналъ вора и подробно описалъ его. Потомъ Мазотка взялъ со стола бутылку, налилъ полную чашку вина и, не переводя духа, выпилъ съ устатку; затѣмъ, обратившись къ Егору, сказалъ ему: „Противъ дома вора этого стоитъ амбаръ, за амбаромъ крутой обрывъ берега, гдѣ нанесло много снѣгу; тутъ подъ снѣгомъ, гдѣ лежитъ для примѣтки брошенная палка, и лежатъ твои хомуты, тамъ и найдешь ихъ теперь.“ Егоръ тотчасъ же досталъ изъ кармана рублевый билетъ и передалъ его Мазоткѣ въ благодарность за его труды и ворожбу, и предложилъ еще выпить водки. Мазотка съ устатку, какъ говорилъ онъ, опросталъ всю бутылку.

Я спрашивалъ его, что было съ нимъ послѣ того,

какъ связали его и погасили огонь? Онъ отвѣтилъ, что „лозы“ носили его туда, гдѣ была покража, и показали, какъ воръ укралъ хомуты, какъ несъ ихъ съ собою, гдѣ спряталъ и какую положилъ замѣтку, чтобы самому найти ихъ.—На вопросъ же мой: почему онъ такъ усталъ и такъ вспотѣлъ? онъ отвѣтилъ: „Это я не могу сказать, только тутъ бываетъ тяжело, шибко тяжело“. Болѣе я не могъ ничего добиться отъ него...

На другой день Егоръ пошелъ къ старшинѣ, разсказалъ ему все о нашей поѣздкѣ и ворожбѣ и просилъ собрать людей, чтобы при нихъ найти покражу. Люди собрались, пошли и дѣйствительно въ показанномъ мѣстѣ нашли зарытыми въ снѣгу и занесенными еще снѣгомъ три хомута, а поверхъ того мѣста брошенную и воткнутую въ снѣгъ половину изломанной оглобли.

Филенка все-таки не сознался въ кражѣ, да и уличить его было нечѣмъ: вещи найдены не въ амбарѣ его, но за амбаромъ въ снѣгу. Тутъ могъ ихъ спрятать всякій воръ. Подозрѣвать какой-либо обманъ въ дѣйствіяхъ Мазотки совершенно невозможно, потому, что здѣшніе инородцы народъ простой, откровенный и не такъ излукавились, какъ сосѣди ихъ крестьяне... Самъ Мазотка участвовать въ кражѣ не могъ, да онъ и не воръ: всѣ знаютъ его за честнаго человѣка.

По сознанію самого Мазотки, какая-то сила перенесла его на мѣсто дѣйствія и показала ему всю сцену кражи. Если Мазотка искусный чревовѣщатель и умѣлъ вполнѣ подражать и ворчанію медвѣдя, и визгу собаки, и голосамъ другихъ животныхъ, то все-таки въ темнотѣ и общемъ безмолвіи, когда слухъ нашъ былъ напряженъ за недостаткомъ работы для зрѣнія, не утаилъ бы онъ отъ

насъ своего дыханія, да и гдѣ ему увидѣть мѣстность и сцену кражи? Откуда эта усталость и обильный потъ, вымочившій на немъ всю рубашку на холодномъ, щелеватомъ полу, гдѣ ходилъ сквозной зимній вѣтеръ?“

Вотъ что повѣдалъ г. Григоровскій о Мазоткѣ.

— За Сургутомъ, на рѣчкѣ Вахъ, одномъ изъ притоковъ Оби,—продолжалъ Василій Петровичъ,—есть тоже у здѣшнихъ остяковъ шаманъ высшаго рязряда, т.-е. сэйдырнанъ. Но я его не знаю. Зовутъ его Филькой. Разсказываютъ про него, что онъ разъ поспорилъ съ простымъ шаманомъ, ккэтцыэнгомъ, хваставшимъ своимъ искусствомъ, и доказалъ ему, что тотъ передъ нимъ ничто. Доказалъ слѣдующимъ образомъ. Онъ сѣлъ противъ хвастуна, пробормоталъ какія-то заклинанія, и вдругъ на лицо бѣднаго ккэтцыэнга посыпались такія звонкія пощечины, наносимыя невидимой рукой, что всѣ, бывшіе въ чумѣ (это происходило днемъ), выбѣжали вонъ, боясь, чтобы и имъ не досталось. Ккэтцыэнгу пришлось завопить благимъ матомъ и слезно умолять о пощадѣ *). Онъ не въ состояніи былъ убѣжать, потому что невидимая сила удерживала его на мѣстѣ подъ градомъ оплеухъ. Замѣчательно, что всѣ эти шаманы не злоупотребляютъ своимъ искусствомъ для эксплуатаціи ближнихъ, какъ это сдѣлалъ бы нашъ православный человѣкъ, какой-либо знахарь или кудесникъ. Они всѣ или бѣдняки, или живутъ, ничѣмъ не отличаясь отъ другихъ, добывая себѣ средства къ существованію своимъ личнымъ трудомъ, словно презираютъ благами міра и прелестями его. Всего скверпѣе

---

*) См. „Путевыя впечатлѣнія П. П. Инфантьева въ странѣ вогуловъ“, напечатанныя въ 1892 году въ „Екатеринб. Недѣлѣ“.

то, что они имѣютъ обыкновеніе хранить въ глубокой тайнѣ извѣстныя имъ силы природы. Что же касается рая или ада, то у остяковъ нѣтъ ни того, ни другого. Равнымъ образомъ, не существуетъ въ загробной жизни ни награды за добрыя дѣла, ни наказанія за дурныя.

— Но если они вѣрятъ въ безсмертіе души, то гдѣ же по ихъ мнѣнію, пребываютъ, послѣ разрушенія тѣла, души умершихъ? Вотъ въ чемъ вопросъ. Вѣдь должны же гдѣ-нибудь онѣ находиться?—сказалъ я собесѣднику.

— Они не отдѣляютъ души отъ тѣла. У нихъ человѣкъ есть душа и душа—человѣкъ. У нихъ,—говоря языкомъ спиритовъ, — какъ человѣкъ, такъ и всякое животное, послѣ смерти и разрушенія тѣла, превращается въ нѣкое астральное тѣло, невѣсомую субстанцію, способную принимать всѣ тѣлесные образы прежней жизни.

— Подобно амебѣ, организмъ которой, по мѣрѣ надобности, превращается то въ руку, то въ ротъ, то въ пищеварительный сосудъ. Не такъ ли?

— Совершенно такъ.

— Продолжай далѣе. Это чрезвычайно любопытно, но не представляетъ невозможнаго.

— Эти-то астральныя существа невидимо толкутся вокругъ живыхъ. Ихъ томятъ тѣ же плотскіе позывы и тѣ же вожделѣнія, что и живыхъ. Но такъ какъ они не имѣютъ плотныхъ матеріальныхъ органовъ, то, временно вселяясь въ живыхъ людей или животныхъ, пользуются органами послѣднихъ. Они насыщаются ихъ ртами и удовлетворяютъ всѣмъ своимъ вожделѣніямъ при посредствѣ завладѣваемыхъ на время органовъ у живыхъ существъ.

— Послушай, дружище. Вѣдь это чисто индусское по-

вѣрье. У индусовъ такія существа называются *„бхутами“*. Но эти *„бхуты“*—души умершихъ людей, не очистившихся отъ грѣховной скверны. Поэтому правовѣрные индусы страшно ихъ боятся, ихъ проклинаютъ на всю Индію и не пренебрегаютъ никакими средствами, чтобы отъ нихъ избавиться. Души же людей добродѣтельныхъ послѣ смерти соединяются съ Брамой и живутъ на *свартѣ* (небесахъ) съ прелестными гандарвами, подъ небесную пѣснь которыхъ дремлютъ не одну вѣчность, а цѣлыя вѣчности, хотя, говоря между нами, подобная дремота можетъ уподобиться абсолютной смерти, тогда какъ пребываніе среди живыхъ, какое бы оно себѣ ни было, все-таки будетъ жизнію. Повѣрь мнѣ, и я бы не отказался быть хоть маленькимъ *„бхутомъ“*, жилъ бы радостями и страданіями ближнихъ и наплевалъ бы на невозмутимый покой смерти, на буддійскую нирвану или сварту съ пѣснями ея гандарвъ.

— И я тоже.

— Странно, однако, какимъ образомъ индусское повѣрье о *„бхутахъ“* попало къ остякамъ?

— Да вѣдь нашъ Словцовъ считаетъ остяковъ, если не выходцами изъ теплой Азіи, то, покрайней мѣрѣ, жившими нѣкогда въ странѣ сухой или безводной. Онъ ссылается на отвращеніе ихъ къ купанью лѣтомъ. Онъ утверждаетъ также, что обрядъ шаманства, при посредствѣ котораго остяцкіе шаманы сообщаются съ невидимыми силами, вышелъ изъ Индіи. Дѣйствительно, остяцкіе сэйдырнаны имѣютъ большое сходство съ буддійскими хубилганами, хутуктами и подобными чудодѣями.

— Отчего же у остяковъ нѣтъ никакого представленія

о нирванѣ, этой пресловутой обители вѣчнаго, невозмутимаго блаженства?

— Оттого, что представленіе о нирванѣ, какъ и идея объ искупленіи, вошедшая въ догматы многихъ религій, суть уже произведенія новѣйшихъ временъ. Вѣра же остяцкая—есть вѣра примитивная, создавшаяся еще тогда, когда люди не имѣли никакихъ понятій о божествѣ. Къ чему имъ было божество, когда у нихъ имѣлись шаманы, которые обладали способностію, какъ ясновидящіе, указывать мѣста, болѣе удобныя для перекочевки или промысла, сообщать свѣдѣнія о томъ, что происходило съ отсутствующими родственниками или товарищами, предсказывать исходъ задуманнаго предпріятія и т. п. Вдохновеніе шамана для нихъ составляло все. Для нихъ шаманъ служилъ единственной священной книгой, живой библіей, изъ которой они могли почерпать все необходимое въ различныхъ случайностяхъ своей незатѣйливой жизни.

— Вѣдь у остяковъ были какіе-то идолы, которымъ они поклонялись, которымъ приносили жертвы; слѣдовательно, они признавали существованіе боговъ. Новицкій въ своемъ „Краткомъ описаніи о народѣ остяцкомъ“ упоминаетъ о какомъ-то старикѣ обскомъ, о какомъ-то гусѣ и идолѣ кондійскомъ.

— Боги остяцкіе,—это измышленія простыхъ шамановъ,—ккэтцыэнговъ. Тотъ же Новицкій говоритъ, что эти ккэтцыэнги, которыхъ онъ называетъ *шаманчиками*, изъ желанія поживиться на счетъ дикаго народа, изобрѣтаютъ при всякомъ удобномъ случаѣ новыхъ боговъ, которымъ остяки щедро несутъ дары; изъ послѣднихъ же львиная доля достается *шаманчикамъ*. Къ тому же, приношеніе жертвъ богамъ сопровождалось всегда пиршествомъ, а отъ

пиршества простой людъ никогда и нигдѣ не отказывается. Въ сущности остяки мало вѣрили своимъ богамъ и въ случаѣ неуспѣха въ своихъ предпріятіяхъ, для которыхъ испрашивали у нихъ помощи, обходились съ ними не слишкомъ вѣжливо *). Не было бы этого, если бы они имъ вѣрили. Вообще, этотъ народъ чуждъ всякой идеализаціи, а также и заоблачной мистики. Вѣдь и у китайцевъ, несмотря на ихъ культуру, нѣтъ представленій о жизни отличной отъ той, которую они ведутъ на землѣ. Они не мечтаютъ за этой земной жизнію о какой-либо другой. Для нихъ земля—небо. Для нихъ трудиться, значитъ создавать и пересоздавать, потому что вся природа зиждется на созданіи и пересоздаваніи.

Юрко, послѣ побѣга отъ попа, намѣревавшагося сдѣлать его миссіонеромъ, жилъ у нарымскихъ остяковъ, и въ немъ открылась способность сэйдырнана. Онъ забросилъ шаманскій бубенъ и производитъ свои эксперименты связаннымъ, какъ Мазотка, и въ темной комнатѣ. Ты имѣешь сношенія съ петербургскими спиритами, сообщи имъ, что чѣмъ имъ выписывать различныхъ медіумовъ изъ-за границы, пускай бы они выписали Юрку. Я увѣренъ, что онъ заткнулъ бы за поясъ всѣхъ этихъ заграничныхъ чудодѣевъ.

— Мнѣ бы хотѣлось узнать, какое представленіе имѣютъ эти остяцкіе сэйдырнаны о томъ невидимомъ мірѣ, съ которымъ они входятъ въ общеніе.

— Я тебѣ уже сказалъ, что всѣ шаманы содержатъ въ глубокой тайнѣ свои секреты.

— А Юрко развѣ ничего тебѣ не объясняетъ?

---

*) „Низрынутъ въ безчестное мѣсто со всякимъ ругательствомъ“. Новицкій.

— Ничего. Я только по нѣкоторымъ намекамъ его могъ догадаться о томъ, что тебѣ разсказалъ о вѣрованіи остяковъ.

— У него, какъ болѣе развитого, смышленаго, могло составиться болѣе или менѣе опредѣленное понятіе объ этой странной вѣрѣ, какою мнѣ представляется остяцкая вѣра.

— Конечно. Но ты развѣ считаешь это вѣрой? Развѣ можетъ быть вѣра безъ божества? У остяковъ нѣтъ божества, которое бы они истинно почитали. Ихъ сэйдырнаны сами почти себя считаютъ богами.

— Непремѣнно нужно вызвать Юрка на откровенность. Напримѣръ, дать ему побольше вина.

— Ничего съ нимъ не подѣлаешь. Совершенно пьяный онъ дѣлается нѣмой, аки рыба, а подвыпившій разведетъ тебѣ одни лишь турусы на колесахъ. Однажды онъ догадался, для чего я его подпаиваю, и прямо сказалъ мнѣ: „никому другому, кромѣ тебя, я не повѣрилъ бы тайны, которой ты, другъ, хочешь отъ меня добиться, потому что уважаю и люблю тебя больше всѣхъ. Но если тебѣ хочется узнать эту тайну, то поклянись мнѣ, что никогда и никому не объявишь того, что узнаешь отъ меня, даже на смертномъ одрѣ.“ Само-собою разумѣется, послѣ этого я отложилъ всякое попеченіе. Кто знаетъ, какая у него тамъ тайна? Можетъ быть, такая, что лучше ее вовсе не знать... Однако, мы съ тобою здорово заболтались. Пора и на боковую. Съ нарождающимся днемъ у насъ предстоитъ большая работа на „пескѣ“.

Съ этими словами Василій Петровичъ поплелся въ свою спаленку, отдѣленную отъ моей комнаты тонкой перегород-

кой, за которой вскорѣ послышался его здоровый храпъ. Я же долго еще вертѣлся на кровати.

Изъ омута различныхъ отвлеченностей, въ который мудрые люди погрузили простой человѣческій умъ, передо мною самъ собою выдѣлился вопросъ о душѣ, который до сихъ поръ еще не рѣшенъ окончательно. Да и наврядъ ли скоро разрѣшится. Древніе люди рѣшали его очень просто,—имъ вся природа представлялась живой, одушевленной, они не отдѣляли души отъ тѣла. Но одному греческому мудрецу вздумалось посадить въ человѣка другого человѣка, который будто управляетъ первымъ во всѣхъ его мысляхъ, чувствахъ и дѣйствіяхъ, и идея объ этой двойственности, извѣстная подъ именемъ дуализма, пошла гулять по бѣлу свѣту и коверкать мозги людей мыслящихъ. Посредствомъ монизма,—этого древнѣйшаго міровоззрѣнія,—всѣ явленія объясняются состояніемъ или измѣненіями единой *неизвѣстной* сущности; дуализмъ же принимаетъ для подобнаго объясненія двѣ сущности — духъ и матерію, которыя будто ему положительно *извѣстны*. Но хотя ни метафизика трансцедентныхъ философовъ, ни позитивное воззрѣніе современныхъ натуралистовъ до сихъ поръ не могли этого ни доказать, ни опровергнуть, тѣмъ не менѣе многіе психофизіологи начали склоняться въ сторону монизма, и скоро, пожалуй, изгонятъ изъ человѣка другого человѣка, и сдѣлается одинъ душа-человѣкъ, тѣло или субстанція, оживленная, чувствующая и мыслящая, существо единое и нераздѣльное, неслагаемое и неразлагаемое, какъ объ этомъ выразился творецъ „Потеряннаго Рая“ Джонъ Мильтонъ, въ своихъ „*Разсужденіяхъ о принципахъ христіанства*“. Знаменитый англійскій физіологъ и психіатръ Маудели, въ одной изъ своихъ

публичныхъ рѣчей по предмету нравственности и безумія, высказалъ, что „изъ всѣхъ ложныхъ вѣрованій, которыя исповѣдывалъ человѣкъ, трудно указать на такое, которое было вреднѣе всѣхъ по своимъ послѣдствіямъ, — но о средне-вѣковыхъ понятіяхъ, касающихся отношеній между тѣломъ и душою, мы можемъ съ увѣренностію сказать, что ни одна ложная доктрина не превзошла ихъ своими пагубными послѣдствіями"...

Различныя теоріи о сущности души можно свести къ слѣдующимъ, болѣе распространеннымъ: а) теорія матеріализма, б) теорія пантеизма, в) теорія психическаго атомизма и г) теорія психическаго индивидуализма.

По теоріи матеріализма, душа есть функція тѣла, плодъ соединенія извѣстнаго количества матеріи и силъ, дѣятельность же души есть ничто другое, какъ трата вещества и энергіи. Съ прекращеніемъ этой траты исчезаетъ и душа.

Теорія пантеизма хотя представляетъ собою доктрину, противоположную матеріализму, тѣмъ не менѣе и она отрицаетъ безсмертіе души. По ней душа, какъ временно выдѣлившаяся частица изъ цѣлаго, хотя и индивидуализуется, но въ концѣ-концовъ должна потерять свою индивидуальность и слиться съ океаномъ цѣлаго, съ абсолютнымъ.

Теорія психическаго атомизма приписываетъ каждому атому вещества духовныя свойства и полагаетъ, что самосознаніе человѣка есть равнодѣйствующее сознаніе всѣхъ атомовъ, составляющихъ его тѣло. Слѣдовательно, по этой теоріи выходитъ, что съ разрушеніемъ тѣла и разсѣяніемъ въ пространствѣ атомовъ, составлявшихъ тѣло,

должно уничтожиться и индивидуальное сознаніе человѣка, т.-е. душа.

Теорія психическаго индивидуализма основывается на томъ, что такъ какъ въ мірѣ вещи могутъ происходить только двоякимъ образомъ — или путемъ сложенія, или путемъ разложенія, душа же какъ сущность не матеріальная, ни тѣмъ, ни другимъ путемъ произойти не можетъ,— то она или самобытна, или сотворена Богомъ. Противники послѣдняго заключенія стараются подкрѣпить свои доводы множествомъ отрицающихъ оное фактовъ, но я, какъ христіанинъ, все-таки вѣрю, что душа создана Богомъ, и что она безсмертна...

Съ этой вѣрой я и самъ заснулъ и проспалъ чуть не до 10 часовъ. Михеичъ часа два подогрѣвалъ самоваръ въ ожиданіи моего пробужденія. Когда же я проснулся, то, за исключеніемъ Михеича и нѣсколькихъ бабъ, никого на „пескѣ“ не было. Всѣ находились на рѣкѣ.

Напившись чаю и намазавъ лицо, шею и руки составомъ моего пріятеля, я пошелъ совершить обычную мою утреннюю прогулку по берегу.

— —

Нѣкоторые русскіе рыбопромышленники, арендуя „пески“ у остяковъ, допускаютъ и владѣльцевъ ихъ пользоваться уловомъ съ тѣмъ, чтобы они сдавали арендаторамъ рыбу на извѣстныхъ условіяхъ. У Василія Петровича довѣренныхъ отъ общества, владѣющаго „песками“, было болѣе десяти. Они жили со своими семействами въ полуверстѣ отъ берега, около лѣсу,—одни въ берестяныхъ подвижныхъ шалашахъ, другіе въ холщевыхъ шатрахъ. Кромѣ остяковъ было также нѣсколько русскихъ семействъ изъ Томска и Нарыма, участвовавшихъ въ

рыбномъ промыслѣ на правахъ *„вольныхъ старателей“*, какъ выражаются въ Сибири по отношенію къ лицамъ, не принадлежащимъ къ числу нанятыхъ по контракту рабочихъ. Семейные русскіе жили въ особомъ баракѣ.

Здѣсь я не могу умолчать о заведенномъ искони на „пескахъ“ порядкѣ пріема рыбы отъ остяковъ арендаторами этихъ „песковъ“, порядкѣ, доказывающемъ до какой степени доходитъ безсовѣстность эксплуатаціи несчастныхъ инородцевъ благочестивыми сибирскими купчиками. Рыба отъ остяковъ, какой бы ни была величины (за исключеніемъ, такъ называемой, „красной“), принимается не на вѣсъ, а на мѣру въ опредѣленную длину, и если она не достигаетъ этой мѣры хоть на полъ-вершка, то за одну рыбу бѣдный дикарь долженъ отдавать двѣ.

Къ чести Василія Петровича, я долженъ сказать, что онъ принималъ какъ отъ остяковъ, такъ и отъ русскихъ рыбу на вѣсъ. Онъ прекратилъ также и другой родъ безсовѣстнѣйшей эксплуатаціи, которою отличаются приказчики разныхъ купцовъ, подплывающіе къ „пескамъ“ на лодкахъ или баркахъ съ цѣлью вымѣнивать рыбу у остяковъ на разныя вещи. Такъ, напримѣръ, за мѣдное кольцо, цѣпочку, ленту, наперстокъ, бумажный поясокъ, изъ коихъ каждая вещь стоитъ не болѣе копейки, они обыкновенно берутъ моксуна *), а за бумажный платокъ, стоющій 10—15 к.—два или три моксуна. Василій Петровичъ означенныя вещи закупалъ въ Томскѣ вмѣстѣ съ мукою, солью, табакомъ и другими припасами и отдавалъ своимъ остя-

*) Моксунъ, онъ же рогатка, по-самоѣдски *сконбуна*, чисто сибирская рыба. Длиною онъ бываетъ иногда 10 вершковъ. Соленый моксунъ въ городахъ продается по 45—50 копѣекъ. Мерзлый, не соленый—дороже. Это довольно вкусная рыба.

камъ по настоящей ихъ стоимости. Это было причиною, что всѣ эти странствующіе торгаши, эти „обскіе волки“, съ проклятіями проплывали мимо его „песковъ“, и не могли ничѣмъ тамъ поживиться. Торговлю разной мелочью, на которую вообще падки остяки и особенно ихъ жены и дочери, завели у себя и прочіе рыбопромышленники, но дерутъ за эту мелочь столько же, сколько и „обскіе волки“.

На пескахъ Василія Петровича было довольно женщинъ, остячекъ и русскихъ. Между ними попадались даже и недурненькія. Одну изъ такихъ я увидѣлъ около барака, въ которомъ помѣщались семейные. Это была жена главнаго засольщика Семена Егорыча, Аграфена Васильевна. Онъ старикъ лѣтъ подъ 70, она молодая бабенка лѣтъ 22, типа чисто малороссійскаго, живая, круглолицая, румяная, чернобровая и черноглазая. Что свело этихъ индивидуумовъ такого несоотвѣтственнаго возраста? Вопросъ этотъ вертѣлся у меня всякій разъ при взглядѣ на эту чету. Со стороны мужа это можно было объяснить извѣстной русской поговоркой: „сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро“. Но чѣмъ это объяснить со стороны жены, тѣмъ болѣе, что она пользовалась хорошей репутаціей и за нею не слышно было тѣхъ шалостей, которыя весьма естественны у молодыхъ женъ, имѣющихъ старыхъ мужей? Неужели она влюблена въ эту жалкую развалину?..

Аграфена Васильевна развѣшивала бѣлье на протянутой около барака веревкѣ. Она, вѣроятно, только что пришла съ рѣки. На ней была какая-то старая цвѣтная юбка (вообще у ней не замѣчалось страсти къ нарядамъ), прикрытая спереди фартухомъ и приподнятая чуть не до колѣнъ; на головѣ ея пестрѣлъ поношенный бумажный

полушалокъ, ноги были голыя. Завидѣвши меня, она опустила подобранные концы юбки, но не показывала виду, что меня замѣтила.

Я подошелъ къ ней и, поздоровавшись, хотѣлъ было отъ нечего дѣлать поболтать съ нею. Она была чрезвычайно бойкая и словоохотливая бабенка, но почему-то нехотя отвѣчала мнѣ, чего ранѣе съ нею не происходило, когда мнѣ удавалось перекидываться съ нею, большею частію, шутками.

Я подошелъ поближе, заглянулъ безъ церемоніи въ ея лицо и, вмѣсто веселой и плутоватой улыбки, увидѣлъ свѣжіе слѣды слезъ.

— Что это значитъ? — спросилъ я. — О чемъ вы плакали, Аграфена Васильевна?

— Какое вамъ дѣло до чужого горя!—произнесла она отвернувшись. — Плачь, молодая жена, да про свое горе никому не сказывай, — добавила она тихимъ голосомъ, словно про себя.

Я присѣлъ тутъ же поблизости на какой-то полусгнившей колодѣ и закурилъ сигару.

— Васъ не обидѣлъ ли кто? — началъ я. — Скажите. Мнѣ, право, очень жалко васъ.

— Почто вамъ жалко меня? Что я вамъ? — отвѣчала она, все-таки смотря въ сторону.

— Я по природѣ очень добрый человѣкъ, очень жалостливый, и чужое горе, особенно женское, чрезвычайно меня трогаетъ,—проговорилъ я.

— А мнѣ, признаться, и не вдомекъ, что вы такой добрый и жалостливый человѣкъ,—возразила она.

Затѣмъ, повѣсивши послѣднюю штуку бѣлья, бывшаго

у ней на рукѣ, она обтерла мокрыя руки фартухомъ и подсѣла ко мнѣ.

— Вотъ этакъ лучше,—сказалъ я.—Усядемся рядкомъ и поговоримъ ладкомъ. О чемъ вы плакали, милая? Что за причина вашему горю?

— Моему горю причина,— начала она, немного подумавъ,—одинъ злой человѣкъ.

— Какой такой?

— Угадайте.

— Не могу знать.

— Значитъ, вы плохой угадчикъ.

— Совершенно вѣрно.

— Ну, такъ дѣлать нечего. Я вамъ скажу... Это... Иванъ Павловичъ, нашъ нарядчикъ.

— Иванъ Павловичъ? Что же могъ вамъ сдѣлать этотъ святой человѣкъ?

— А мнѣ сдается, что этотъ святой человѣкъ съ чертями знается.

— Какъ это съ чертями знается?

— Онъ у насъ слыветъ за ворожейку, а всѣ ворожейки безпремѣнно съ чертями должны знаться.

— Не рѣшетомъ ли онъ ворожитъ?

— Ха, ха, ха! Вотъ что выдумали! Развѣ можно рѣшетомъ ворожить?

— Онъ мастеръ ворожить рѣшетомъ! Вы этого не знаете?

— Не знаю, не слыхала. Но у него книжица такая старинная имѣется... Вотъ онъ по ней и дѣлаетъ свои „записи“.

— Какія записи?

— А вотъ какія. Мужъ какой-либо спроситъ у него про жену, какого она нрава и поведенія, Иванъ Павловичъ заглянетъ въ книгу и...

— Ну и что же?

— Ну, и составитъ по книгѣ этой запись, какова жена есть.

— И что же, вѣрно отгадываетъ?

— Какой чортъ! Вретъ, какъ сивый меринъ, а дураки ему вѣрятъ... Онъ и моему старому хрычу составилъ обо мнѣ запись, а тотъ и взбѣленился.

— Ничего, ей-Богу, не понимаю.

— Въ этой записи Иванъ Павловичъ нагородилъ моему мужу, что я Богъ знаетъ какая,—и лукавая-то я прелукавая, и обкрадываю мужа, обкрадываю для того, чтобы, когда онъ помретъ, я могла остаться съ деньгами и залучить себѣ молодого мужа... Вотъ что... Вотъ какой я вышла по записи Ивана Павловича.

— Что вы себѣ можете найти молодого мужа, когда вашъ старикъ умретъ, то можно предсказать и безъ всякой записи по какой-то глупой книжицѣ. Вѣдь вашъ мужъ, какъ онъ ни бодрись, а долго не протянетъ. А хорошенькой вдовушкѣ, какой будете вы, можетъ найтись молодой мужъ; за старика, я думаю, вы вторично не пойдете. Судьба ваша еще впереди, и вамъ отчаяваться нечего.

— Сухое старое дерево, хотя и скрипитъ, но перестаиваетъ часто и молодыя, — произнесла Аграфена Васильевна со вздохомъ.

— Я часто удивляюсь,—продолжалъ я,—что вы вышли за такого старика.

— Нужда и горе заставили.

— И Семенъ Егорычъ повѣрилъ записи Ивана Павловича?

— Его записямъ всѣ вѣрятъ... Книжицу свою онъ выдаетъ за книгу какого-то царя Соломона, а тотъ царь будто

зналъ, что было, что есть и что будетъ... Такъ толкуютъ наши... Мужъ два раза меня поколотилъ уже, раньше чего никогда не бывало; все допрашиваетъ, куда я деньги прячу на приданое, когда вздумаю послѣ его смерти выходить за другого... Собирается увести меня въ чащу, раздѣть до-нага, связать и на муравьище посадить *)... Тогда, говоритъ, сознаешься куда ты прячешь деньги... Конечно, если бы онъ не пилъ, у насъ могла бы сберечься какая-либо копейка на черный день... Жалованьемъ его Василій Петровичъ не обижаетъ... Но когда мы на зиму уходимъ съ „песковъ“ въ городъ, мужъ начинаетъ немилосердно пить, даже лопотину съ себя по кабакамъ закладываетъ... Какія же тутъ у насъ могутъ быть деньги?.. Одно только горе и маета съ нимъ.

— Иванъ Павловичъ про однихъ ли васъ сдѣлалъ запись, или дѣлалъ ихъ и про другихъ женщинъ?

— Про всѣхъ, почитай, какъ есть. Вѣдь каждому мужу любопытно узнать про свою благовѣрную, какова она есть.

— Гдѣ же эта объ васъ запись находится? Интересно было-бы ее почитать.

— Разумѣется, у мужа... Тоже и у другихъ... Тѣ, которые грамотны, берегутъ про себя, а неграмотные даютъ

---

*) Эта пытка въ большомъ употребленіи у сибирскихъ крестьянъ. Ей подвергаются не только замужнія женщины, подозрѣваемыя въ невѣрности, но даже и любовницы.

читать товарищамъ, коли вздумаютъ покуражиться надъ женой: „Накось, послушай, полюбуйся, голубушка, что царь Соломонъ про тебя сказываетъ“... Иванъ Павловичъ и про Дуньку корявую сдѣлалъ запись ея жениху Петровану Загвоздину. И чего-чего онъ тамъ про нее не написалъ!.. И ребятъ она таскаетъ чуть не каждый мѣсяцъ, и колѣнями ихъ придушаетъ, и ехидной какой-то ее обозначилъ... Сказываютъ, будто Петрованъ хочетъ уже отшатнуться отъ своей невѣсты. А между тѣмъ про Дуньку ничего худого не слышно. Дѣвка себѣ какъ дѣвка, работящая, не баловная, только рожа у ней какъ рѣшето... Что же подѣлаешь, коли Господь такой ее сподобилъ... Тоже и про нашу фельдшериху-франтиху Иванъ Павловичъ накаталъ запись... Ну и отдѣлалъ же ее на славу... Слушая, мы, бабы, просто бока надрывали со смѣху.

— А мужъ ея что же на это?

— Мужъ не знаетъ. Запись-то дѣлалъ Иванъ Павловичъ не мужу, а Юркѣ... Тотъ полюбопытствовалъ узнать про фельдшериху и прочиталъ потомъ запись намъ... Узнай мужъ про это, такъ онъ показалъ бы Ивану Павловичу и Юркѣ кузькину мать... Карло Карловичъ хотя и добрякъ, а пальца ему въ ротъ не клади, и свою жену не попуститъ въ обиду.

Этотъ фельдшеръ, или вѣрнѣе отставной подлѣкарь, нѣмецъ происхожденіемъ, былъ истый Голіаѳъ. Онъ, вскорѣ по прибытіи моемъ на „пески“, сломалъ себѣ ногу и лежалъ въ баракѣ семейныхъ, въ отведенномъ для него помѣщеніи, служившемъ также и аптекой. Нога его находилась еще въ лубкахъ и плохо поджывала. Мнѣ не

удавалось познакомиться съ его женой, франтихой, какъ ее назвала Аграфена Васильевна, хотя Василій Петровичъ и рекомендовалъ ее мнѣ какъ довольно интересную личность. Больной мужъ самъ никуда не выходилъ и не отпускалъ жену отъ себя.

— Однако, мнѣ съ вами нѣтъ времени болтать,—заговорила Аграфена Васильевна, приподнимаясь съ колоды и отряхиваясь.—Надо приниматься обѣдъ стряпать. Съ бѣльемъ управилась кое-какъ. Прощайте. Спасибо за вашу жалость ко мнѣ, коли вы взаболь меня пожалѣли.

Тутъ она посмотрѣла на меня такимъ жгучимъ и чарующимъ взглядомъ, какого я у ней еще не встрѣчалъ, и быстрыми шагами направилась къ бараку.

— Чортъ возьми,—подумалъ я, глядя ей во слѣдъ.—Да этакимъ взглядомъ эта босоножка въ состояніи не только одного бѣса, но и цѣлую сотню ихъ посадить въ ребро этому старому хрычу Семену Егорычу.

Часу въ четвертомъ Василій Петровичъ возвратился усталый съ рѣки, оставивъ тамъ Ивана Павловича. Съ нимъ прибылъ и Юрко. Мы начали втроемъ обѣдать. Послѣ обѣда я разсказалъ слышанное мною отъ Аграфены Васильевны.

— Что подѣлаешь съ этимъ юродивцемъ!—воскликнулъ Василій Петровичъ.—У него много древнихъ рукописей и старопечатныхъ книгъ, которыми онъ морочитъ невѣждъ. Онъ помѣшался на старинѣ и ее ему клиномъ не выбьешь

изъ головы. Мнѣ, однако, не доводилось видѣть у него книжицу, изъ которой онъ дѣлаетъ какія-то записи про бабъ. Ты, Юрко, не видалъ у него этой книжицы?

— Сподобился есмь, — отвѣчалъ Юрко уморительно ухмыльнувшись. — Заглавіе ея слѣдующее: „Книга о злонравныхъ женахъ, бесѣда отъ отца съ сыномъ снискательна отъ различныхъ писаній и богомудрыхъ отцовъ, отъ премудраго царя Соломона и отъ Іисуса Сирахова, и отъ многихъ философовъ и отъ искусныхъ мужей, отеческое преданіе къ сыну о женской хитрости и злобѣ, и о сыновней добротѣ, обоихъ вкупѣ слово“ *).

— А не знаешь ли ты чье это сочиненіе? — спросилъ Василій Петровичъ.

— Не вѣдомо мнѣ есть,—отвѣчалъ Юрко, не переставая ухмыляться.

— Какія же „записи“ составляетъ по ней Иванъ Павловичъ? Любопытно было бы ихъ посмотрѣть.

— Вотъ сейчасъ узнаете. У меня съ нихъ списаны копіи,—отозвался Юрко.

— Давай ихъ сюда.

---

*) Не знаю, значится ли эта книжица въ «Лѣтописяхъ русской литературы и древности» и въ «Памятникахъ отреченной (апокрифической литературы», изданныхъ покойнымъ Н. С. Тихонравовымъ.

Юрко отправился въ казарму и черезъ минуту принесъ нѣсколько исписанныхъ листковъ.

— Вотъ какую запись далъ онъ Семену Егорычу про Аграфену Васильевну,—началъ Юрко,—выбравъ изъ кучки одинъ листокъ.

И онъ прочиталъ, скорчивъ пресерьезную мину.

„Слушай, сыне, про твою лукавую и крадливую жену. Ты ее пріютилъ аки птенца безгнѣздна и сира. Умъ она имѣетъ остеръ и тебѣ никоимъ образомъ лукавства ея не уразумѣти. Она не живетъ съ тобою единодушно и мыслитъ въ сердцѣ своемъ тако: „если мужъ мой умретъ, а живота мнѣ не прикажетъ, то мнѣ за другого мужа итти будетъ не съ чѣмъ, никто меня убогую за себя не возьметъ“. И говоритъ она себѣ: „нынѣ я всему добру госпожа, учиню себѣ сокровище тайное, чтобы мужъ мой не вѣдалъ и начну у мужа красти“. И ты, сыне, того не вѣдаешь, а она крадетъ. И возглаголешь ты ей потомъ: „жена, что обнищахомъ имѣніе наше въ превеликой скудости обрѣтается?“ Она же, жена твоя лукавая и крадливая, тебѣ отвѣтитъ: „должно быть то грѣхъ ради нашихъ“.

Мы расхохотались.

— Въ нѣкоторомъ смыслѣ нашъ оракулъ правъ,—заговорилъ Василій Петровичъ.—Эта Грунька, дѣйствительно, плутовка, но съ характерцомъ,—я знаю ее. Мать ея побирушка въ Томскѣ, а ей предстояла одна дорога—проституція; на эту дорогу ее и родная матушка направляла.

Но дѣвка знала себѣ цѣну, не поддалась льстивымъ подговорамъ и подцѣпила себѣ старикашку, у котораго, по слухамъ, водились денежки... Онъ иногда запиваетъ, пьетъ по мѣсяцу. Но онъ чрезвычайно слабъ головою. Достаточно 3-хъ или 4-хъ рюмокъ, чтобы привести его въ состояніе невмѣняемости. Она пользуется этой его слабостію и по окончаніи запоя представляетъ ему чудовищный счетъ. Старику кажется, что онъ, дѣйствительно, выпилъ чуть не бочку вина... Нѣтъ никакого сомнѣнія, что она припрятываетъ деньги. Я даже стороною слышалъ, что у нея въ сберегательной кассѣ на ея имя хранится болѣе 500 рублей. Въ другихъ отношеніяхъ это кремень баба... Поглядишь,—они живутъ очень бѣдно, ничего лишняго изъ одежды у нихъ нѣтъ. Она, пожалуй, еще изведетъ старика. Сибирячки наши на это мастерицы.

— А вотъ про Дуньку корявую,—отозвался Юрко,—просматривая новый листокъ.—Послушайте, что онъ написалъ ея жениху Петровану Загвоздину.

— Послушаемъ и про Дуньку корявую. Валяй.

— „Сія дѣвица,—началъ читать Юрко,—уподобишася ехиднѣ. Ехидна, какъ родитъ чадъ своихъ, то вскорѣ ихъ возненавидитъ, и поѣдаетъ ихъ, а когда съѣстъ, то онѣ прогрызаютъ ей утробу и на древо уходятъ, и она отъ того помираетъ. Подобныя дѣвицы приживаютъ блудомъ дитя и чрево свое гнетутъ и утѣсняютъ и помышляютъ себѣ: „егда отроча изъ чрева изыдетъ, то я его своими колѣнями задушу и тѣмъ свою дѣвическую печать избуду“. Зри ихъ: ходятъ быстро, но очами не вскорѣ взираютъ,

нравомъ буяны и во всѣхъ своихъ стремленіяхъ неистовы, прехитро себя украшаютъ, брови свои ущипляютъ, дугами ихъ чинятъ, лицо и выю вапами увапаютъ и румяностями красятъ, въ одѣяніе червленое всего чаще облакаются, перстни на пальцы возлагаютъ и серьгами уши пронизываютъ. Когда путемъ грядутъ, главу кротко обращаютъ и всѣ суставы свои къ прельщенію человѣковъ ухищряютъ и многія сердца юношей огнепальными стрѣлами устрѣляютъ, яко ядомъ змѣинымъ".

— Какъ же Петрованъ Загвоздинъ отнесся къ этой характеристикѣ своей невѣсты? — спросилъ Василій Петровичъ.

— Онъ хотя и самъ изъ кержаковъ *), но не очень то почитаетъ своего пророка,— отвѣчалъ Юрко,—кажется, хочетъ ему помять хорошенько бока.

— И подѣломъ. Дунька вовсе не балованная дѣвка. Мнѣ кажется, что и самъ оракулъ не прочь бы пріударить за ней, и у него, вѣроятно, была какая-нибудь задняя мысль, когда онъ ее вздумалъ очернить передъ женихомъ. Какъ полагаешь, Юрко?

— Есть что-то тутъ. Это многіе замѣчаютъ. Онъ ни къ одной женщинѣ не благоволитъ такъ, какъ къ ней.

— А что онъ написалъ про фельдшериху? — спросилъ я.

---

*) Т.-е. у раскольниковъ.

— Неужели и Карлъ Карловичъ обращался къ оракулу насчетъ своей благовѣрной? — быстро спросилъ Василій Петровичъ.

— Это не онъ, а я,— отвѣчалъ Юрко.—Бабенки наши просили меня узнать про фельдшериху отъ Ивана Павловича. Онѣ ее не любятъ за ея гордость и франтовство.

— Что же Иванъ Павловичъ сочинилъ про нее?—допытывался Василій Петровичъ.

Юрко прочиталъ:

„Слушай, сыне, про льстивую и блудливую жену, иже франтихой нарицается. Если мужъ ея откуда въ жилище свое пріидетъ, то она на срѣтеніе къ нему исходитъ, ланитами склаблящаяся, очами веселящаяся и нравомъ уничижающаяся, за руки мужа принимаетъ, одѣяніе его совлачаетъ, словами улещиваетъ и является во всемъ будто ему вѣрна и добра. Лобзая его, говоритъ: „Поди, господине мой, свѣтъ очей моихъ, сладость гортани моея, зрѣти я не могу безъ тебя, свѣта моего, и ни единаго слова безъ тебя молвить мнѣ ни съ кѣмъ не хочется, и лицо мое отекло и сердце окаменѣло. А коли взгляну на тебя, свѣта моего, то возрадуюсь и суставы мои разсыпаются и взыграютъ всѣ жилы мои и поджилки, отъ веліей радости руки и ноги мои слабѣютъ. Бракъ мой любовный вѣчно предъ моими очами. Едва услышу сладкія твои словеса, то не умѣю, что отвѣчать, мои уста не отверзаются отъ веліей радости. Огонь въ сердцѣ моемъ горитъ и лицо мое палитъ, и всѣ суставы мои грѣются“.

Такъ она его улещаетъ. Егда же мужа дома не случится, то она близъ оконца присѣдаетъ, сѣмо и овамо зритъ и со смиреніемъ не сидитъ. Скачетъ, пляшетъ и всѣмъ тѣломъ движетъ, сапогами стучитъ, руками плещетъ, аки прельстившаяся блудница Иродіада, бедрами трясетъ, хребтомъ виляетъ, главою киваетъ, гласомъ вопіетъ, языкомъ глаголетъ бѣсовская, ризами повлачается, подобно Иродіадѣ чинится и многихъ мужей прельщать ухитряется".

— И много въ этой книжицѣ бабьихъ характеристикъ находится?—спросилъ Василій Петровичъ.

— Есть ихъ довольно. Одна другой уморительнѣе.

— Ты непремѣнно достань ее у Ивана Павловича.

— Я вамъ, если хотите, спишу съ нее копію.

— Это еще лучше.

— Однако, пора итти на смѣну Ивана Павловича. Я и такъ немало замѣшкался, — прощался Юрко, пряча бумажки въ карманъ.

Онъ ушелъ. За нимъ пошелъ и Василій Петровичъ, находу передавая ему какія-то распоряженія.

— Я тебѣ не разсказывалъ, — обратился онъ ко мнѣ, возвратясь въ залъ,—какъ этотъ Иванъ Павловичъ поступилъ на службу къ моему отцу.

— Не помню, — отвѣтилъ я.—Разскажи, если это интересно.

— Очень даже.

Василій Петровичъ закурилъ, и мы пошли въ мою комнату.

— Прадѣдъ мой, — началъ онъ, растягиваясь на диванѣ,—былъ уроженецъ гор. Тюмени. Извѣстно, что Тюмень считается въ Сибири центромъ старообрядчества и въ этомъ отношеніи она соперница Москвы. Наше семейное преданіе гласитъ, что прадѣдъ мой вмѣстѣ съ прабабушкой, четырьмя сыновьями и ихъ женами, во славу Божію и ради спасенія души, сожгли себя добровольно въ срубѣ. Пятый же сынъ, самый младшій — это мой дѣдъ — убоясь этого огненнаго спасенія, удралъ въ Томскую губернію, въ Нарымскій край. Тутъ онъ женился, обзавелся хозяйствомъ и зажилъ себѣ отлично, благодаря трезвости и трудолюбію. Умирая, онъ оставилъ отцу моему изрядное состояніе. Отецъ мой хотя унаслѣдовалъ отъ дѣдушки вѣру въ антихриста, овладѣвшаго міромъ, но все-таки не былъ врагомъ просвѣщенія и доказывалъ своимъ единовѣрцамъ, что въ нынѣшнее время науки необходимы, что онѣ могутъ быть полезны старообрядцамъ, такъ какъ при помощи ихъ съ антихристомъ и его служителями самое лучшее средство бороться орудіями его же, антихриста, сирѣчь науками. Благодаря этому, я и сестра моя получили „мирское“ образованіе, оконченное мною въ университетѣ, а сестрою—сначала въ гимназіи, а потомъ на курсахъ. Но почтенный родитель мой ошибся

въ своихъ предположеніяхъ и въ надеждѣ увидѣть въ дѣтяхъ своихъ столбы раскола. Наука—плохой защитникъ догмъ какихъ бы то ни было. Уже въ третьемъ классѣ гимназіи я и сестра моя начали сомнѣваться въ существованіи пресловутаго антихриста, а въ пятомъ классѣ окончательно въ немъ извѣрились. Сестра моя пошла даже дальше меня. Она съ курсовъ отправилась въ Америку и, вышедши тамъ замужъ за унитаріанца, сама сдѣлалась унитаріанкою.

— Это какая-то новая секта, — отозвался я,—и мнѣ вовсе незнакомая.

— Унитаріанцы, –продолжалъ Василій Петровичъ,—не имѣютъ никакого теологическаго ученія, у нихъ нѣтъ ничего писаннаго и обязательнаго въ этомъ родѣ. Каждый ихъ проповѣдникъ можетъ говорить, что угодно, не будучи связанъ рѣшительно ничѣмъ, кромѣ собственной совѣсти. По ихъ мнѣнію, нѣтъ въ мірѣ никакихъ антихристовъ, — существуютъ только добрыя и дурныя дѣла. Добро есть истина, зло—ложь. Самымъ лучшимъ дѣломъ есть честный, производительный трудъ, а самымъ худшимъ—праздная созерцательность. Человѣкъ, какъ разумное существо, посылается въ этотъ міръ не на тяжелый искусъ, а для совершенія возможнаго числа добрыхъ дѣлъ. Онъ долженъ стараться устроить поудобнѣе свою жизнь и ограждать себя отъ нищеты, грязи, невѣжества и страданій. Этимъ онъ и будетъ дѣлать настоящее добро... У отца моего подолгу находили пріютъ странники, пропагандисты различныхъ мрачныхъ ученій. Особенно много ихъ являлось изъ секты *„бѣгуновъ“*... Слава о его госте-

пріимствѣ гремѣла между раскольниками далеко. Вотъ въ одинъ прекрасный день, лѣтъ 13 тому назадъ, и явился къ нему этотъ Иванъ Павловичъ. Я оканчивалъ тогда уже университетъ и пріѣхалъ къ отцу погостить. Я сидѣлъ въ кабинетѣ отца, когда явился къ нему впервые этотъ сумасбродъ, рекомендуя себя забайкальскимъ старовѣромъ. Отецъ спросилъ его, не бѣглый ли онъ изъ каторги и имѣетъ ли паспортъ? Тотъ вынулъ изъ-за пазухи какую-то бумагу и подалъ ее отцу. Постой, я берегу эту бумагу, какъ нѣкій раритетъ.

Тутъ Василій Петровичъ пошелъ въ свою комнату, порылся въ ящикѣ и принесъ пожелтѣвшій листъ бумаги, сложенный въ четверо.

— На-ко, полюбуся,—сказалъ онъ мнѣ.

Бумага оказалась написанною славянскими буквами, словно печатными. Я прочелъ слѣдующее:

„Объявитель сего, рабъ Іисуса Христа Іоаннъ, уволенъ изъ Іерусалима града Божія въ разные города и селенія ради души спасенія, грѣшному же тѣлу ради всякаго озлобленія. Промышлять ему праведными трудами и работами, еже работати съ прилежаніемъ, а пить и ѣсть съ воздержаніемъ, противу всѣхъ не прекословить, но токмо Бога славословить, убивающихъ тѣло не бояться, но Бога бояться и терпѣніемъ укрѣпляться; ходить правымъ путемъ во Христѣ, дабы не задержали бѣсы раба Божія нигдѣ. Утверди мя, Господи, въ святыхъ заповѣдехъ стояти и отъ Востока, тебя, Христа, къ Западу, сирѣчь къ Анти-

христу, не отступати. Господь, просвѣщеніе мое и Спаситель мой, кого ся убою? Господь, защититель живота моего, кого ся устрашу? Аще ополчится на меня полкъ, не убоится сердце мое. Покой мнѣ—Богъ, прибѣжище—Христосъ, покровитель и просвѣтитель—Духъ Святый. А какъ я сего не буду соблюдать, то послѣ буду много плакать и рыдать. А кто страннаго мя пріяти въ домъ свой будетъ бояться, тотъ не хочетъ съ Господомъ моимъ знаться, а Царь мой и Господь Самъ Іисусъ Христосъ, сынъ Божій. А кто мя, ради вѣры, погонитъ, тотъ явѣ себя со Антихристомъ во адъ готовитъ. Данъ сей пачпортъ изъ града Бога Вышняго, изъ Сіонской полиціи, изъ Голгоѳскаго квартала. Приложено къ сему пачпорту множество невидимыхъ святыхъ отецъ рукъ, еже бы боятися страшныхъ и вѣчныхъ мукъ. Данъ сей пачпортъ отъ нижеписаннаго числа на одинъ вѣкъ, а по истеченіи срока явиться мнѣ въ мѣсто нарочитое на страшный Христовъ Судъ. Прописаны мои примѣты и лѣта въ радость будущаго вѣка. Явленъ пачпортъ въ части Святыхъ и въ книгу животну подъ нумеромъ будущаго вѣкъ записанъ".

— Во время чтенія отцомъ моимъ этого курьезнаго паспорта, — началъ Василій Петровичъ (когда я, съ нескрываемымъ чувствомъ гадливости, бросилъ бумагу на столикъ),—Иванъ Павловичъ зорко слѣдилъ своими рысьими глазами по лицу отца за впечатлѣніемъ, какое произведетъ этотъ паспортъ. Но лицо это оставалось невозмутимо спокойнымъ. Отецъ два раза прочиталъ документъ изъ Сіонской полиціи, наконецъ, улыбнулся и говоритъ Ивану Павловичу: „Складно написана бумага. Кто же тебѣ,

человѣче, ее написалъ? (Отецъ думалъ, что имѣетъ дѣло съ незнающимъ грамоты). — „Я самъ ее сочинилъ, — отозвался Иванъ Павловичъ. Я вѣдь изъ начетчиковъ". — „Куда же ты думаешь направить стопы твои?" — „Хощу изъ царствія антихриста направиться въ предѣлы матери пустыни, хощу поселиться въ чернораменскихъ лѣсахъ Томской губерніи. Вѣдомо бо мнѣ сдѣлалось, что тамъ пребываетъ немалое число россійскихъ людей, трудящихся въ моленіи Господу Богу. Съ ними совокуплюсь и устрою скитъ".—„Не думаешь ли сдѣлаться вторымъ Иваномъ Сибирскимъ?*)—спросилъ отецъ. Чай, слыхалъ объ немъ?"— „Слыхалъ и желалъ бы ему уподобиться".—„А слыхалъ ли ты, что скиты его разорены?"—„Съ Божіей помощію можно построить новые, въ болѣе укромныхъ мѣстахъ. Я пришелъ просить у тебя, отче, наставленія и благословенія".— „Благословенія я дать тебѣ не достоинъ, такъ какъ я не архіерей, а въ наставленіи не откажу. И вотъ что скажу тебѣ, друже. Времена нынѣ худыя, трудно бороться съ міромъ, погрязшимъ во грѣхѣ, а съ начальствомъ, преслѣдующимъ старую вѣру, еще труднѣе. Брось ты свою затѣю насчетъ скитовъ и житія пустыннаго, поступай-ка лучше ко мнѣ на службу. Мнѣ нуженъ трезвый, грамотный и единовѣрный человѣкъ. Обиженъ не будешь". Иванъ Павловичъ помялся, поломался и поступилъ къ

---

*) Объ этомъ Иванѣ Сибирскомъ приготовлена въ печать авторомъ особая статья подъ заглавіемъ: „Разореніе раскольничьихъ скитовъ въ бѣлобородовской и чулымской тайгахъ Томской губерніи въ 1873 году". Устроенный Иваномъ Сибирскимъ скитъ находился въ 70 верстахъ отъ города Томска. Матеріаломъ для упомянутой статьи послужило подлинное дѣло, находящееся въ архивѣ Томскаго окружн. полиц. управленія.

моему отцу, сначала простымъ работникомъ, а потомъ сдѣлался приказчикомъ и вскорѣ заслужилъ полное у отца довѣріе. Года черезъ три, по поступленіи къ моему отцу, онъ подцѣпилъ себѣ красивую женщину изъ православнаго купеческаго семейства, и пропаганда его ограничивается однимъ лишь совращеніемъ жены въ расколъ.

— Нечего сказать, хорошъ гусь твой Иванъ Павловичъ,—отозвался я.

— О, это птица изъ породы самыхъ хищныхъ, съ сильнымъ размашистымъ крыломъ, зоркимъ глазомъ и острымъ клювомъ. Но, къ несчастію, крылья эти связаны прежде чѣмъ оперились, клювъ и когти обрѣзаны прежде чѣмъ отросли, глаза помутились отъ затхлой атмосферы и всѣ природныя способности изуродовались. Ты бы когда-нибудь побесѣдовалъ съ нимъ о старой вѣрѣ. Увидишь, какія онъ тебѣ повѣдаетъ чудеса.

— Ну его!—возразилъ я.—Ты бы мнѣ лучше повѣдалъ о женѣ фельдшера, о которой этотъ Иванъ Павловичъ составилъ уморительную запись... Ты мнѣ какъ-то намекалъ, что это интересная личность.

— Дѣйствительно, мнѣ немножко извѣстна ея біографія. Но то, что я тебѣ разскажу, пускай останется между нами. Впрочемъ, лучше не разсказывать.

— Ну, ужь это, сударь, дудки. Незачѣмъ было дразнить мое любопытство. Ни за что не отстану, хоть тресни, а разсказывай.

— Дѣлать съ тобою, видно, нечего. Но, повторяю, все, что я разскажу тебѣ, пускай останется между нами.

— Объ этомъ нечего повторять. Разъ сказано — такъ и должно быть.

— Исторія-то крайне возмутительная.

— Какая бы тамъ она ни была.

— Такъ слушай же.

Василій Петровичъ вышелъ изъ моей комнаты въ залъ и принесъ оттуда нѣсколько папиросъ. Затѣмъ, закуривъ, снова растянулся на диванѣ и началъ.

— Прежде чѣмъ начать исторію Людмилы Петровны или Лидіи Петровны, какъ она себя здѣсь переименовала, я долженъ немного распространиться о ея супругѣ, Карлѣ Карловичѣ Штернъ, не фельдшерѣ, какъ его здѣсь называютъ, а подлѣкарѣ. Этотъ подлѣкарь своей медицинской практикой можетъ заткнуть за поясъ любого врача... Тебѣ не случалось ли бывать въ Шушенской волости, Минусинскаго округа, въ колоніи ссыльныхъ лютеранскаго исповѣдыванія?

— Не случалось.

— А мнѣ случалось. Представь себѣ, эти лютеране или, какъ ихъ сибиряки называютъ, „нѣмцы“, „еретики“, „нехристи“, живутъ себѣ преотлично. Домики ихъ на видъ

благообразны, внутри чистота и опрятность, въ нѣкоторыхъ даже комфортъ. Они не то, что наши крестьянскія избы съ ихъ постоянно испорченнымъ воздухомъ, сыростью, угаромъ и температурой въ 20° реомюра. Пьянства, безшабашнаго разгула, сквернословія и дракъ въ лютеранской колоніи не встрѣтишь... У насъ ни одно селеніе и даже деревушка не обходится безъ вампира-кулака, готоваго послѣднюю каплю крови высосать изъ своего ближняго,—у лютеранъ царствуетъ взаимопомощь, зажиточные охотно помогаютъ бѣднымъ. Въ нашихъ селеніяхъ, какъ приведутъ партію ссыльныхъ на водвореніе, посмотришь, черезъ мѣсяцъ или два половины партіи уже нѣтъ, отправились добрые молодцы „*саватейки стрѣлять*“ *). У лютеранъ же каждому новоприбывшему ссыльному стараются общими силами помочь устроиться, ремесленника или мастерового снабдятъ необходимыми инструментами и даже матеріалами, болѣзненнаго или старика дряхлаго призрятъ какъ родного. Оттого-то въ числѣ 20.000 бродягъ, убѣгающихъ съ каторги или поселенія и попадающихъ то подъ пули или удавки старожиловъ, то въ тюрьмы, ты не встрѣтишь ни одного ссыльнаго лютеранина... Лютеранскій пасторъ, чрезвычайно образованный и начитанный человѣкъ, посѣщаетъ колонію ежегодно... Мнѣ удалось слышать его проповѣдь, — она мало касалась высшихъ истинъ религіи, не затемняла простыхъ умовъ богословскими тонкостями подъ мистической окраской, но главнымъ образомъ доказывала, что Божіи дѣла въ природѣ, понятныя и самому простому уму, не могутъ быть въ про-

*) Бродяжить. Саватейка—лепешка, которую сибиряки подаютъ странникамъ.

тиворѣчіи съ высшими вещами и что *„невидимая его отъ созданія міра твореньми помышляема—видима сутъ“* *). Это, какъ тебѣ сказать, была не проповѣдь въ томъ смыслѣ, какой мы придаемъ слову, произносимому служителями нашей православной церкви, а нѣкое разсужденіе... Обращаясь затѣмъ къ положенію, въ которомъ находились его прихожане, онъ утверждалъ, что человѣкъ, какое бы ни сдѣлалъ, вольное или невольное, преступленіе, не долженъ отчаяваться и считаться погибшимъ существомъ, такъ какъ онъ всегда можетъ сдѣлаться хорошимъ человѣкомъ, и что для его исправленія необходимо лишь одно: чтобы тѣ, въ среду которыхъ забросила его судьба, относились къ нему по-человѣчески, а не по-скотски, какъ это вообще принято у русскихъ въ Сибири. „Помогайте другъ другу, какъ брату во Христѣ, и надъ вами будетъ постоянно милость Божія!“ Этими словами закончилась его проповѣдь... Тутъ къ нему начали обращаться за совѣтами въ разныхъ житейскихъ отношеніяхъ, недоразумѣніяхъ и спорахъ, и во всѣхъ его совѣтахъ и рѣшеніяхъ поразила меня чрезвычайная практичность и высокая гуманность. Къ этому надо прибавить, что у этихъ лютеранъ я замѣтилъ самую нѣжную привязанность, какъ между супругами, такъ между родителями и дѣтьми. Болѣе благонравныхъ дѣтей, чѣмъ у этихъ „еретиковъ“, я нигдѣ не встрѣчалъ. Дѣти эти съ самаго ранняго возраста ведутъ себя образцово, какъ въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ, такъ и въ отношеніяхъ къ родителямъ... Однимъ словомъ, эта лютеранская колонія глазамъ моимъ

*) Римл. 1; 20.

представляется какимъ то чуднымъ оазисомъ среди необъятной пустыни сибирской грубости, невѣжества и безсердечія... Изъ этой-то колоніи и вышелъ Карлъ Карловичъ Штернъ. Онъ сынъ какого то ссыльнаго петербургскаго нѣмца. Родился онъ въ Сибири, но учился гдѣ-то въ Россіи. Славный, сердечный человѣкъ.

— Признаюсь, этотъ нѣмчура со своей огромной головой, покрытой лѣсомъ рыжихъ волосъ, со своимъ чрезвычайно рѣзкимъ голосомъ и медвѣжьей фигурой, когда я его впервые увидѣлъ, произвелъ на меня впечатлѣніе далеко не въ его пользу. Представь себѣ, онъ мнѣ напомнилъ тогда одного подлѣкаря, служившаго тоже на золотыхъ пріискахъ, нѣкоего Дубинина, котораго служащіе звали просто Дубиной. Этотъ подлецъ вмѣсто больного зуба выдернулъ у меня здоровый, и когда я, очнувшись отъ обморока и адской боли, закатилъ ему пару здоровенныхъ оплеухъ, отъ которыхъ у него должны были высыпаться всѣ искры изъ глазъ, только глупо ухмыльнулся и проговорилъ: „извините-съ“. Чистая дубина!

— Ну, этотъ не то, что за оплеуху, а и за щелчокъ стеръ бы всякаго въ прахъ, такъ что ничего бы не осталось... Страшнѣйшій силачъ и умѣетъ постоять за себя. Первое впечатлѣніе твое насчетъ его тебя обмануло. Дѣйствительно, онъ обладаетъ рѣзкимъ голосомъ, но такой голосъ встрѣчается вообще у людей, привыкшихъ высказывать каждому въ глаза правду. Онъ честный добрякъ, только съ немного донкихотскимъ взглядомъ на жизнь. Но вѣдь всѣ хорошіе люди въ нынѣшнее время болѣе или менѣе донъ-Кихоты.

— Я видѣлъ раза два хотя и мелькомъ его женушку. Вотъ это *„особь статъ“*. Она обладаетъ не только удивительно симпатичной, но и интеллигентной физіей... Неужели она любитъ этого медвѣдя? Или она въ самомъ дѣлѣ притворяется, какъ ее изобразилъ въ своей „записи“ достопочтенный Иванъ Павловичъ.

— Кто ее знаетъ! Сердце женщины не разгаданная загадка, какъ и всякое человѣческое сердце. Господамъ психологамъ едва ли удастся когда-либо раскусить эту загадку, потому что натура человѣка полна самыхъ неожиданныхъ противорѣчій, гдѣ рядомъ съ сознаніемъ властвуетъ и безсознательное. А если еще принять во вниманіе наслѣдственность,—это чисто стихійное, неотразимое начало,—то тутъ всякіе психологическіе анализы, повѣрь мнѣ, ни къ чорту не годятся. Но слушай далѣе. Карлъ Карловичъ лѣтъ пятнадцать прослужилъ на золотыхъ пріискахъ. Онъ получалъ изрядное жалованье. Хозяева его любили и уважали. Рабочіе же просто боготворили,—онъ при всякомъ случаѣ заступался за нихъ. Какъ нѣмецъ, онъ весьма аккуратный, не пьянствуетъ, не играетъ въ карты и не мотаетъ зря деньгами. Лѣтъ пять тому назадъ онъ имѣлъ неосторожность часть своихъ сбереженій всучить владѣльцу пріисковъ, на которыхъ служилъ, и не можетъ ихъ выручить обратно. Сибирскому Разуваеву, нажившему по обыкновенію темными и грязными путями чуть не милліонъ, жалко разстаться съ нѣсколькими тысченками честнаго труженика, довѣрившаго ему ихъ. Дѣло это идетъ уже судомъ, и Богъ вѣдаетъ, когда оно рѣшится. Въ Сибири бѣдному человѣку, несмотря на правоту, подчасъ очень трудно тягаться съ богачемъ. За бо-

гатаго всѣ, а за бѣднаго одинъ только Богъ, да и то не всегда... Карлъ Карловичъ, по выручкѣ своего капитальца, захваченнаго негодяемъ, мечталъ убраться изъ Сибири, купить себѣ небольшую усадьбу гдѣ-нибудь на югѣ, обзавестись женушкой и отдохнуть отъ треволненій житейскихъ и трудовъ праведныхъ. Я съ нимъ познакомился и сдружился еще на пріискахъ, когда отецъ мой занимался золотопромышленностію... На бракъ онъ смотрѣлъ вообще, какъ на обязанность каждаго человѣка. Но такъ какъ въ молодости онъ зачитывался разными сказками, называемыми романами, то ему сильно желалось, чтобы къ естественному въ жизни приплеталась хоть чуточка неестественнаго, сирѣчь романическаго. Къ несчастью, онъ принадлежитъ къ типу такихъ мужчинъ, которые не могутъ своей наружностію особенно привлекать женщинъ; поэтому въ сближеніи его съ ними если таковое и случалось, не происходило ничего романическаго... Впрочемъ, однажды жена нѣкоего помощника горнаго исправника, плюгавенькаго сморчка, дебелая и чрезвычайно красивая матрона, вздумала было предложить ему лѣчить ее отъ какой-то мудреной женской болѣзни массажемъ. Нужно знать, что массажъ составляетъ одно изъ главныхъ средствъ въ методѣ лѣченія Карла Карловича, а главное дешевыхъ. Владѣльцы золотыхъ пріисковъ вообще не очень-то раскошеливаются на дорогіе аптечные препараты. Я помню, одинъ изъ этихъ господъ, требовалъ отъ своего пріисковаго лѣкаря, чтобы онъ больныхъ лѣчилъ холодной водою. Другой придерживался методы Распайля, третій выписалъ себѣ гомеопатическую аптечку и самъ занимался лѣченіемъ рабочихъ по методѣ Ганнемана, хотя и не вѣрилъ въ эту методу. Онъ надѣлалъ много бѣдъ и надѣлалъ бы ихъ

еще больше, если бы горный исправникъ, вмѣстѣ съ жандармскимъ полковникомъ, не конфисковали его аптечку... Можетъ быть, у Карла Карловича съ его дебелой красавицей-пацiенткой и вышло-бы что-либо романическое, но подлецъ мужъ требовалъ, чтобы всѣ манипуляцiи производились въ его присутствiи, поэтому нашему массажисту не пришлось показать свое искусство передъ женою помощника горнаго исправника. Такимъ образомъ безъ романа прошли лучшiе годы въ жизни Карла Карловича. Романъ готовился ему впереди на 50-мъ году и еще какой романъ!.. Самъ увидишь.

— Да ты не размазывай, а говори покороче и поскорѣе. Не томи меня.

— Имѣй терпѣнiе, мой милый... Какой ты, право!.. Замѣтилъ смазливую бабенку, ну и скорѣе подавай ему, кто она такая, что и какъ? Пора, кажется, тебѣ остепениться.

— Не отъ тебя слышать бы мнѣ это. Самъ ты хорошiй молодецъ...

— Нечего намъ съ тобою препираться, дружище; оба мы стоимъ другъ друга. Итакъ, слушай далѣе. Карлъ Карловичъ, желая слѣдить за своимъ процессомъ, выѣхалъ изъ тайги и поселился въ губернскомъ городѣ. Въ этомъ городѣ родилась и выросла Людмила Петровна. Она дочь чиновника какого-то стариннаго дворянскаго рода, прибывшаго въ 60-хъ годахъ изъ Россiи и занимавшаго видный постъ въ губернiи, но подъ конецъ спившагося. Мать

ея была красавица, но довольно легкомысленная женщина. Сама же она съ дѣтства отличалась выдающимися способностями, при чрезвычайно живомъ темпераментѣ. Она отлично училась и, окончивъ гимназію, готовилась то ли на курсы, то ли въ классныя дамы. Но ей какъ то пришлось участвовать въ нѣсколькихъ любительскихъ спектакляхъ, и публика бойкой игрой красивой дѣвушки чрезвычайно восхитилась. Тебѣ, я думаю извѣстно, что наша сибирская публика цѣнитъ больше въ актрисахъ ухарство и пикантность, чѣмъ художественное выполненіе роли и дѣйствительный талантъ. Это-то и погубило бѣдняжку. Она вообразила себя великой артисткой и день и ночь мечтала о театрѣ. Вскорѣ у нея умерли сначала отецъ, а потомъ и мать. 20 лѣтняя дѣвушка, оставшись на свободѣ (родственниковъ у ней ни близкихъ, ни дальнихъ не имѣлось), не задумалась послѣдовать за своей фантазіей, представлявшей ей жизнь въ самыхъ радужныхъ краскахъ, и поступила въ труппу заѣзжихъ актеровъ, съ которой уѣхала изъ Сибири. Она не только перебывала во всѣхъ дальнихъ городахъ Великороссіи, но была даже за границею. Что съ ней происходило въ теченіи 12 лѣтъ, проведенныхъ ею внѣ Сибири, покрыто мракомъ неизвѣстности. Слухи доносились, что несмотря на ея способности, ей рѣдко приходилось бывать *„премьершей“*, но большей частью второстепенной, хотя и не заурядной артисткой... Вѣроятно, убѣдившись въ своемъ ошибочномъ призваніи, она бросила сцену, и нелегкая принесла ее обратно въ Сибирь, когда тамъ, за Ураломъ, она могла себѣ найти приличную партію. Удивительно, какъ она, несмотря на свои слишкомъ 30 лѣтъ, такъ хорошо сохранилась.

Вѣдь ей теперь никто не дастъ болѣе 25 лѣтъ... Мать ея тоже отличалась моложавостію... Поселившись въ городѣ, въ которомъ родилась, она начала въ кругу интеллигентныхъ дамъ и перезрѣвшихъ дѣвицъ пропагандировать теоріи нашего Толстого и норвежца Бьернсона. Но наши сибирячки, хотя и съ восхищеніемъ внимали ея глаголу, но не чувствовали большой охоты погубить въ себѣ радости жизни. Да и сама она, кажется, мало вѣрила въ то, чѣмъ вновь, повидимому, увлекалась. Доказательствомъ этого служитъ, что она, проповѣдуя небесную сладость *духовнаго единенія* во взаимныхъ отношеніяхъ мужчинъ и женщинъ, втихомолку завладѣла однимъ матушкинымъ сынкомъ, первымъ спортсмэномъ и франтомъ въ городѣ. Она не удовлетворилась однимъ, а подцѣпила себѣ еще двухъ сынковъ богатыхъ батюшекъ и такъ артистически вела интрижку, что ни одинъ изъ ея обожателей не зналъ, что имѣетъ соперниковъ. Наконецъ тайна обнаружилась, кажется чрезъ предательницу горничную. Одураченные донъ-жуаны порѣшили сообща отомстить измѣнницѣ. Само собою разумѣется, что месть эта была задумана ими чисто въ сибирскомъ духѣ, — по просту говоря — они постановили высѣчь ее розгами. Одинъ изъ нихъ долженъ былъ пригласить ее на прогулку съ нимъ за городъ въ дальнюю рощу. Туда же должны были явиться и двое другихъ. Было опредѣлено, что каждый изъ нихъ *„съ рыла“* отпуститъ ей извѣстное число ударовъ, когда двое будутъ ее держать... Придумали эту штуку не какіе либо сиволапые саврасы, воспитавшіеся за отцовскими прилавками или за стойками въ кабакѣ, а люди лизнувшіе высшаго образованія, двое окончили курсъ въ коммерчес-

комъ училищѣ, а третій въ училищѣ правовѣдѣнія... Каково-съ?..

— Чѣмъ же кончилась эта исторія?

— Уличенная неопровержимыми фактами, бѣдняжка въ виду готовящагося ей истязанія, говорятъ, въ отчаяніи предлагала имъ бросить жребій и клялась небомъ и землею принадлежать съ того дня уже нераздѣльно тому, которому достанется по жребію. Въ этомъ адски безвыходномъ положеніи больше ничего не оставалось ей предпринять. Но донъ-жуаны остались неумолимыми. Ни клятвы, ни слезы, ни поддѣльные, ни дѣйствительные обмороки не помогли несчастной. Приготовились къ экзекуціи... Неисповѣдимыми судьбами, Карлъ Карловичъ Штернъ, возвращаясь съ охоты, наткнулся на то мѣсто, гдѣ готовилось возмутительное насиліе. Узнавши, что тутъ затѣвается, онъ чисто по-рыцарски вступился за незнакомую красавицу. Негодяи заартачились и вздумали было подвергнуть защитника такой же участи, какую готовили обвиненной. Въ помощь себѣ они призвали своихъ бородатыхъ кучеровъ. Но они не знали съ кѣмъ пришлось имъ имѣть дѣло. Карлъ Карловичъ сразу оборвалъ почти всю бороду старѣйшему и сильнѣйшему изъ кучеровъ, другому своротилъ на сторону скулу, третій поплатился сокрушеніемъ двухъ или трехъ реберъ... Досталось на орѣхи и ихъ господамъ. Сраженіе окончилось постыднымъ бѣгствомъ безобразниковъ съ поля. Трепещущая, какъ птичка, красавица осталась на рукахъ богатыря... Какъ ни старались безобразники скрыть этотъ скандальный инцидентъ, однако слухи о немъ проникли въ общество, и — пошла

писать губернія. Само собою разумѣется, все, что только могли выдумать женская злоба, зависить и сплетни, все это обрушилось на голову Людмилы Петровны. Гордая и самолюбивая, предчувствуя все это, она покусилась было на самоубійство. Но неисповѣдимая судьба и тутъ послала ей спасителя въ образѣ того же Карла Карловича. Исторія кончилась тѣмъ, что они немедленно уѣхали изъ города и гдѣ-то обвѣнчались. Карлъ Карловичъ увезъ жену на одинъ изъ пріисковъ, куда его не задолго передъ тѣмъ приглашали. Но туда вскорѣ проникъ слухъ о скандалѣ, завершившемъ ея любовныя похожденія, и Людмила Петровна заставила мужа немедленно убраться съ пріиска и поселиться въ какой нибудь глуши, гдѣ бы о ней ничего не знали. Такой глушью оказались мои „пески“. И вотъ уже другой годъ они спасаются здѣсь отъ злыхъ языковъ. Она переименовала себя изъ Людмилы Петровны въ Лидію и выдаетъ себя за природную нѣмку. Они не предполагаютъ, что мнѣ отлично извѣстна исторія ихъ сближенія, я же не подаю объ этомъ ни малѣйшаго вида... Угодливость Лидіи Петровны мужу и свободное обращеніе ея съ посторонними мужчинами послужила Ивану Павловичу къ сравненію ея съ типомъ „жены льстивой и блудливой“, значащимся въ его мудреной книжицѣ. Но онъ не обратилъ вниманія на угодливость Карла Карловича женѣ. Тотъ настолько унижается передъ нею, что всегда, когда въ присутствіи ея вздумаетъ что либо сказать, то сперва на нее взглянетъ, словно боится чѣмъ либо обмолвиться. Однимъ словомъ этотъ таежный медвѣдь становится передъ нею настоящимъ агнцемъ... Въ отсутствіи мужа (онъ часто уѣзжаетъ на пески сосѣда моего Василія Ивановича, гдѣ онъ тоже завѣдуетъ медицинской частію),

она, дѣйствительно, распѣваетъ различныя аріи—голосъ у ней восхитительный, иногда себѣ отъ скуки попляшетъ, и *„поглаголетъ языкомъ“*, но не *„бѣсовскія“*, а любимыя нѣкогда и не вывѣтрившіяся еще изъ памяти роли, съ мужчинами обращается какъ и съ женщинами не стѣсняясь, но вѣжливо и никого прельщать не ухищряется. Одѣвается она по старой привычкѣ щеголевато, чѣмъ и возбуждаетъ зависть въ здѣшнихъ женщинахъ, которыя и рады наряжаться, да не во что. Ты спрашивалъ, любитъ ли она его? Это пускай уже разрѣшитъ какой-нибудь психологъ. По моему, она должна его любить. Чѣмъ ближе его узнаешь, тѣмъ лучшимъ онъ кажется своей прямотой и чѣмъ то рыцарскимъ. Она однажды въ бесѣдѣ со мной обмолвилась насчетъ своихъ чувствъ къ мужу.—„Мужъ, сказала она, полюбилъ меня беззавѣтно, не знаю, право, за что, можетъ быть ему понравилась моя наружность или что нибудь другое во мнѣ. Я же полюбила его единственно за его беззавѣтную любовь ко мнѣ. Она заслоняетъ передо мною всѣ его физическія и нравственныя недостатки и качества. Полюбила бы я его, если бы онъ даже былъ уродомъ или идіотомъ, и странная любовь эта можетъ потухнуть только съ моей жизнію“. Вотъ и поди ты съ нею...

— Тутъ попахиваетъ чѣмъ-то платоническимъ и сентиментальнымъ.

— И я такъ полагалъ. Но эта милая барынька находится въ весьма не интересномъ положеніи, которое у насъ принято почему-то называть „интереснымъ“.

Выходитъ, что Ницше *) не ошибся, утверждая, что все въ женщинѣ загадка и все имѣетъ въ ней разгадку, и что разгадка эта называется „беременность“.

Василій Петровичъ разсмѣялся.

— Необходимо будетъ познакомиться съ этой странной четой.

— Не забывай только, что она теперь не Людмила Петровна, а Лидія. Сохрани Богъ назвать ее Людмилой Петровной. Она сейчасъ догадается, что тебѣ извѣстна ея исторія, и тогда они оба убѣгутъ съ „песковъ“, какъ убѣжали съ золотого пріиска. Что касается меня, то я себя на этотъ счетъ обезпечилъ... Еще скажу тебѣ нѣсколько словъ о Карлѣ Карловичѣ. Это не лишнее для его характеристики. Однажды, когда онъ у меня подвыпилъ, что съ нимъ, впрочемъ, случается весьма рѣдко, я, шутя, замѣтилъ ему, что онъ бравый молодецъ во всѣхъ отношеніяхъ, но мнѣ странно, почему онъ передъ женою является настоящей мокрой курицей. Онъ вздохнулъ, опустивши голову, и послѣ небольшой паузы, говоритъ: — „Эхъ, другъ мой Василій Петровичъ, ты не знаешь жизни моей жены, а я знаю, хотя жена не любитъ объ ней распространяться... Много она выстрадала... много... удивительно даже, какъ она все это перенесла... Но теперь она застрахована отъ всякихъ бѣдъ и напастей, пока я живъ... Ей теперь у меня хорошо, а ужъ мнѣ не знаю какъ пріятно, что удалось сдѣлать жизнь ея сколько-нибудь сносной. Я готовъ пол-

*) Одинъ изъ новѣйшихъ философовъ.

зать передъ нею и Богъ знаетъ какъ унижаться, лишь бы она была покойна и довольна... По-моему, для человѣка не можетъ и не должно быть въ жизни удовольствія больше того, какое онъ чувствуетъ, облегчая чужое горе... Если бы всѣ люди превратились во врачей чужого горя, то, повѣрь, на землѣ былъ бы настоящій рай. Но люди этого не хотятъ знать и стараются больше досаждать одинъ другому".

— Славный нѣмчура, право, славный.

— Жаль только, что не *„православный"*.

— Это мнѣ напоминаетъ одинъ случай въ моей жизни. Когда я жилъ въ Восточной Сибири, мнѣ приходилось имѣть частыя сношенія съ инородцами, особенно съ балаганскими бурятами-шаманистами. Проѣзжая чрезъ ихъ улусы, я всегда останавливался у одного знакомаго улуснаго старшины, Ваньки Шарыпова, молодого человѣка, грамотнаго и хорошо знающаго по-русски. Увидя у меня нѣсколько книгъ, которыя я обыкновенно возилъ съ собою въ дорогу отъ скуки, онъ попросилъ меня подарить ему какую-либо книгу на память. Книги были не русскія, но между ними какъ-то замѣшалось маленькое евангеліе на русскомъ языкѣ, и я подарилъ его Шарыпову. Когда я увидѣлся съ нимъ мѣсяца черезъ два или три, я вспомнилъ объ этомъ подаркѣ и спросилъ его:—читаетъ ли онъ мою книжку?—„Какъ же, какъ же", отвѣчалъ онъ. — Что же, нравится она тебѣ?—полюбопытствовалъ я. Понимаешь ли ты ее?—„Шибко хорошая книжка, проговорилъ бурятъ, читаешь ее и не можешь начитаться". —Чѣмъ же она тебѣ

нравится?—продолжалъ я допытываться. Бурятъ немножко призадумался, наконецъ задалъ мнѣ самому вопросъ. — „Для кого она написана?“—Само собою разумѣется, для тѣхъ, которые исповѣдуютъ вѣру во Христа, т. е. для христіанъ.—„Такъ!“—отозвался онъ.—„Почему же христіане не поступаютъ такъ, какъ научаетъ эта хорошая книжка? Вы это мнѣ растолкуйте“. Вопросъ дикаря показался мнѣ настолько неожиданнымъ и серьезнымъ, что я затруднился на него отвѣтить. Замѣтя это, онъ продолжалъ:—„Сколько я знаю мангутовъ *), ни одинъ изъ нихъ не поступаетъ такъ, какъ слѣдуетъ по заповѣдямъ Сына Божьяго... Истинно говорю вамъ .. Значитъ, книжка эта не для нихъ написана. Мнѣ даже вотъ что думается, что русскіе стараются вмѣсто себя поставлять своему Богу насъ, иновѣрцевъ, и, спасая наши души, надѣются черезъ это спасти свои, погрязшія въ грѣхѣ и мерзостяхъ... Но неужели ихъ Богъ поддается на такую уловку?.. О, русскій человѣкъ—большой хитрецъ, большой мошенникъ. Только не знаю, удастся ли ему ошаманить своего Бога“.

— Знаешь что? Исторія этойЛюдмилы Петровны моглабы служить отличнымъ сюжетомъ для драмы въ духѣ сибирскихъ нравовъ. Подобныхъ исторій здѣсь непочатой уголъ, но онѣ такъ примелькались, что на нихъ не обращаютъ вниманія.

И Василій Петровичъ разсказалъ мнѣ нѣсколько исто-

---

*) Русскихъ. Собственно бурятское прозвище „мангутъ“ означаетъ лѣшаго. Первые русскіе, явившіеся въ Сибири, казались бурятамъ по-дикости и звѣрству настоящими лѣшими.

рій, не менѣе возмутительныхъ, чѣмъ исторія бѣдной Людмилы Петровны.

Бесѣда наша была прервана появленіемъ Ивана Павловича, который принялся закусывать съ чисто волчьимъ аппетитомъ. Часа черезъ два послѣ прихода Ивана Павловича, когда былъ поданъ самоваръ, явился Юрко и, по обѣщанію, разсказалъ свою сказку про остяцкаго Громобоя.

КОНЕЦЪ.